

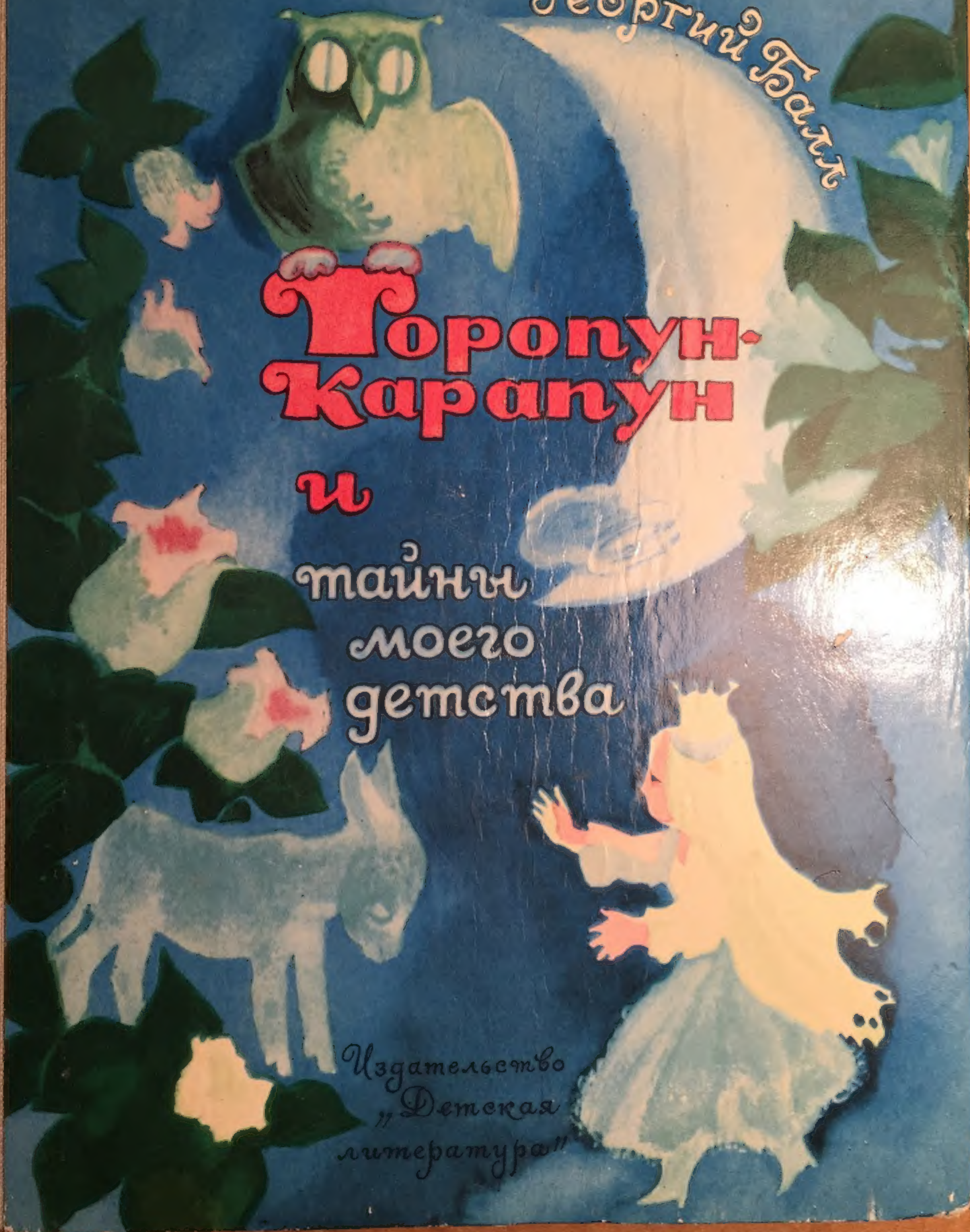
Георгий Баян

Торопун- Карапун

и

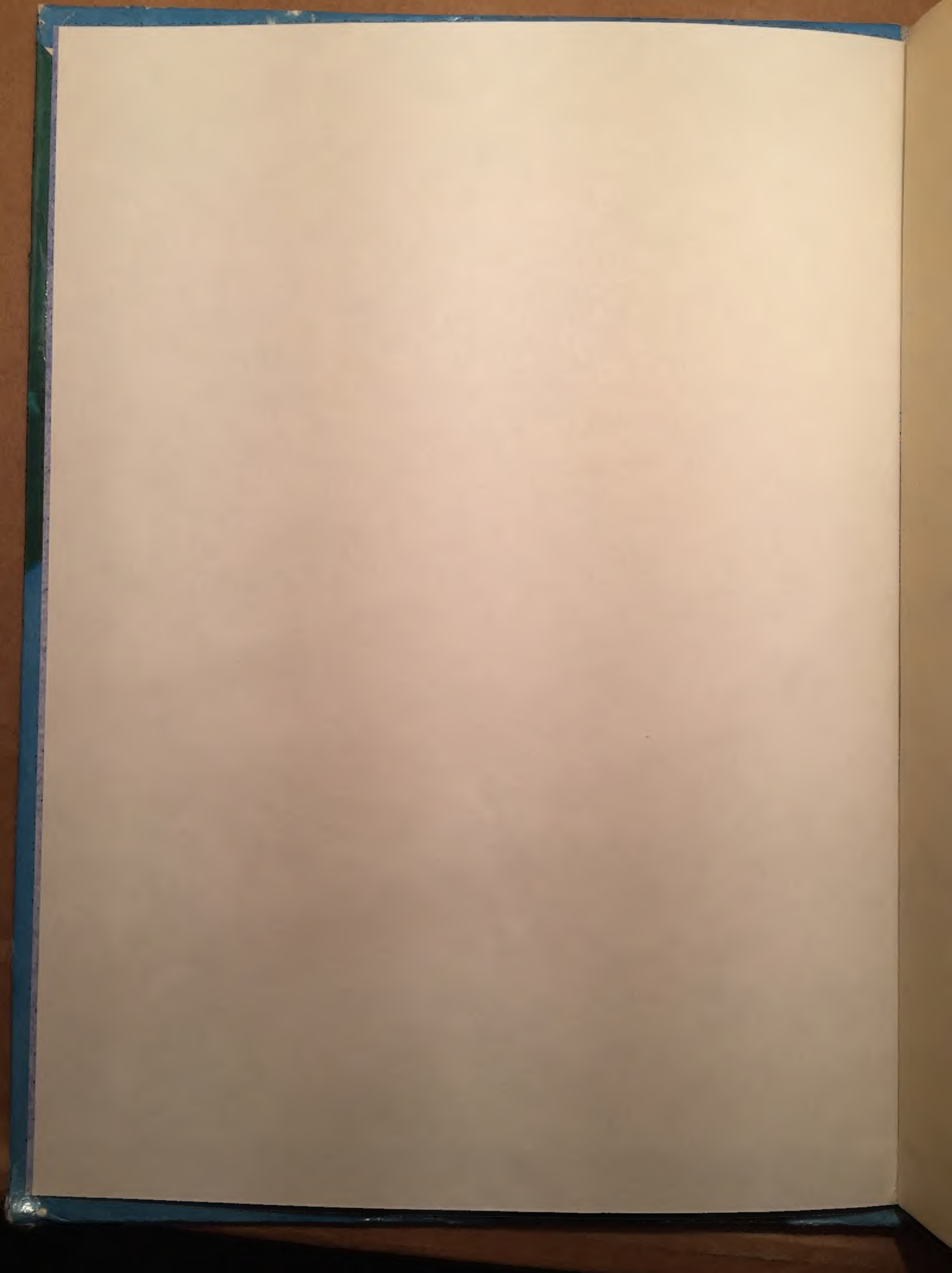
тайны
моего
детства

Издательство
„Детская
литература“

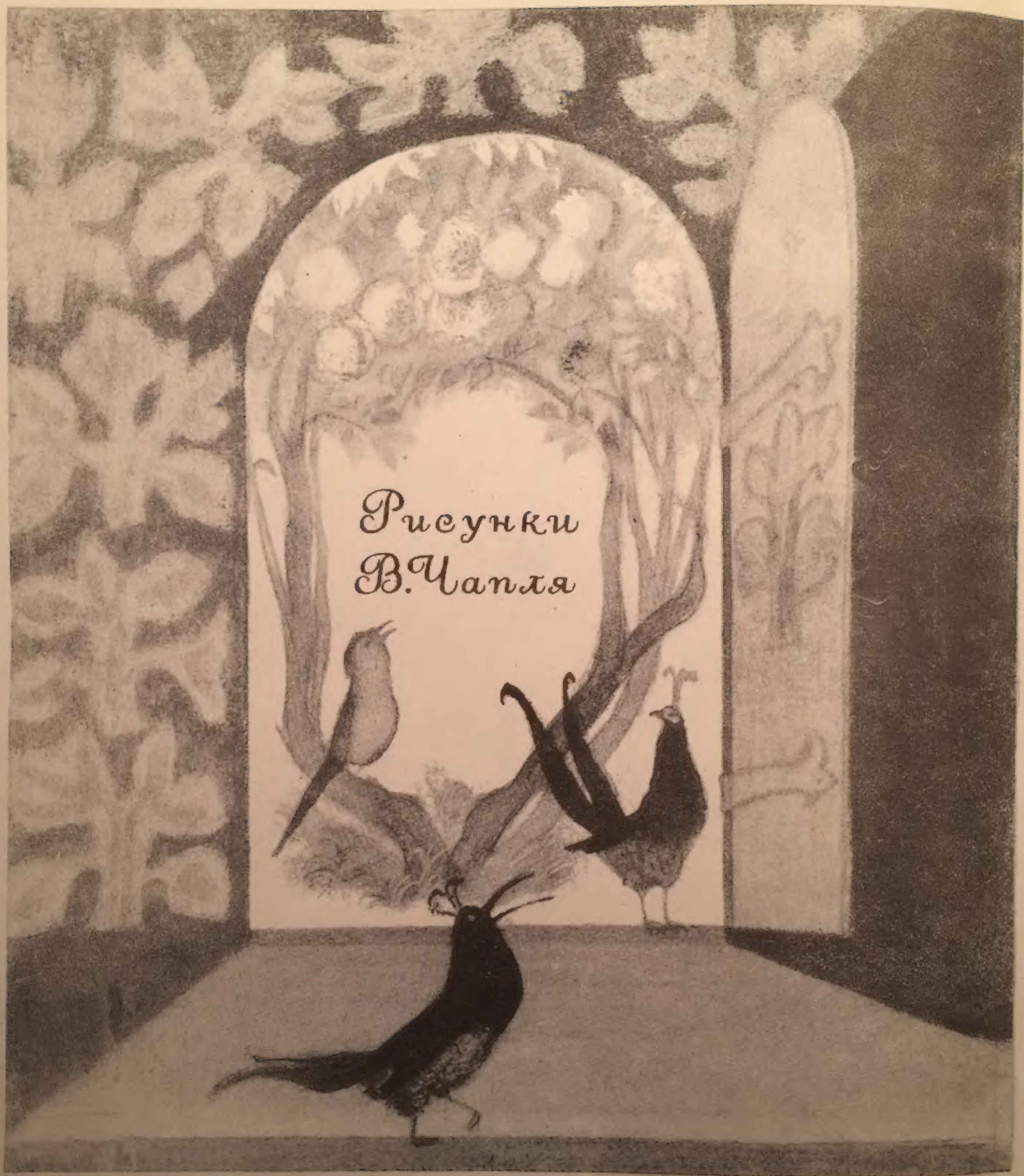

①

Георгий Балл

Горопун- Каранун

и

тайны
моего
детства

Повесть-сказка

Москва • „Детская литература” • 1974

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая * ЗВЕЗДЫ

Мой отец уходит на войну	4
Я ухожу из дому	6
Я открываю моему товарищу заветную тайну	9
Мы с Витей ищем ход в подземелье	11
Мы собираем звёзды	17
Возле печки	18
Письма	20

Часть вторая * КАПИТАН ВЕДЁТ КОРАБЛЬ

Вторая Перезвонная	24
Здравствуй, печка!	28
До встречи, капитан!	30
Карта	33
Последние приготовления. Мы отчаливаем	37
Кораблекрушение	40
Наш новый пассажир	42
Глава, написанная для взрослых	44
Шторм на море	45
Встреча	48
В домике у Ослика	—
Удивительная история Водяного Ослика и Принцессы	51
Остров поднимается из воды	55
Сражение	59
Веселье в доме у Ослика	63
Мы расстаёмся с Осликом	66
В глухом лесу	69
Мешок со страхами. Глава, написанная только для храб- рых маленьких ребят (те, кто боятся, не должны её читать)	70
Мы находим мешок со страхами	73
По дороге к Шоколадному городку	76

Часть третья * ШОКОЛАДНЫЙ ГОРОДОК И ТАШИНО

Знакомство с Шоколадным городком	79
Я вспоминаю своё детство	81
В Шоколадном городке (продолжение)	84
По тёмной лестнице. Я вспоминаю Кузнечика	87
Праздник в Шоколадном городке	90
Продолжение праздника и его печальный конец	93
Мы покидаем Шоколадный городок	97
Навсегда	100
Торопун-Карапун ведёт нас по серебряной дорожке	103
Что я думал (глава для взрослых. Совершенно секретно!)	105
Продолжение главы о серебряной дорожке	106
Девочка Чуча	107

Часть четвёртая * ДЕДУШКА УС. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПЕРЕД ПОБЕГОМ

Мы находим клад	112
Волшебная каша	113
Дедушка рассказывает о себе	117
Мы попадаем на поле сражений богатырей	121
Пурга	122
Встреча с джином	126
Джин ломает старый и строит новый дворец	129
Джин и Торопун-Карапун обмениваются подарками	131
Мы идём во дворец	132
Как мы обедали во дворце	136
У старухи	140
Три горы и костёр	144
Что я увидел в низине	148

Часть пятая * ВОЗВРАЩЕНИЕ И ТАШИНСКИЙ ТАЙНИК

Снова Вторая Перезвонная	152
Последние письма	153
Здравствуй, Чуча!	156

МОЙ ОТЕЦ УХОДИТ НА ВОЙНУ

Когда я был маленький, папа читал мне старинную книгу. Переплёт её был красный с золотом. Книга рассказывала о джиннах, волшебных садах и волшебной лампе. Однажды я остался один в квартире. Забрался в свой любимый угол за шкафом, задёрнул розовую занавеску с длинноклювыми птицами и открыл переплёт книги. Я увидел золотую дверь. Да, книга тоже оказалась волшебной: вместо букв и страниц передо мной была золотая дверь. Я тихонько толкнул дверь и вошёл. Там, за дверью, был сад. На деревьях висели диковино большие яблоки, апельсины и лимоны. Запах их чудесно переплетался с запахом шиповника. Я хотел пройти по саду, чтоб увидеть дворец джинна, но не решился.

С тех пор я часто отворял золотую дверь и свободно проходил через сад всё дальше и дальше, — в эту большую и прекрасную книгу. Я стал прятать свою волшебную книгу от взрослых. Только укрывшись за шкафом и задёрнув розовую занавеску с птицами, я открывал её.

Так было и в тот памятный день: я прошёл через сад, ветки с лимонами расступились, за ними обозначились голубые башни дворца. Вот он — дворец джинна. Я стал медленно подходить к дворцу. Я уже видел стены и узорные ворота, их украшали драгоценные камни всех оттенков, от ярких до тёмно-зелёных.

Вдруг я услышал голоса. И не сразу понял, кто говорит. Я узнал голос моего отца. И сразу же дворец и сад исчезли. Я вышел из-за шкафа. Посреди разбросанных вещей в комнате стояли мой отец и мать.

— Где ты пропадал?! — раздражённо спросила мать.

— Я читал книгу.

— Отец уходит. Началась война.

— Война? Вот здорово! — закричал я.

— Глупый, — сказала моя мама и начала собирать вещи.

А я бросился к отцу, прижался к его кожаному ремню с медной пряжкой, на которой была звезда.

Мой отец всегда был военным. И слово «портупея» мне было легко произносить, потому что я его слышал множество раз, — это такой тонкий ремешок, его надевают через плечо, чтобы можно было сбоку носить саблю. Я с детства привык к запаху ремней, начищенных сапог и к тому, что всегда в коридоре у нас висела шинель. Отец не носил никакой другой одежды, кроме военной.

И я знал, что такую одежду мой отец носит не зря. Он пойдёт воевать, если начнётся ВОЙНА.

Мы, ребята, конечно, не понимали, что происходит в мире, но чувствовали: война надвигается, она уже близко...

Я выбежал на улицу. И небо мне показалось особенным: оно словно потемнело. По улице торопливо проходили люди. Взрослые. Они были очень серьёзны. Из раскрытого окна в нашем дворе слышались суровые, строгие звуки маршей. Всё было не таким, как в праздник. Потому что...

Потому что... началась ВОЙНА!

Теперь всякая одежда на взрослых мужчинах, которые торопливо проходили по нашей улице, казалась мне ВОЕННОЙ. И тогда мне вдруг захотелось стать взрослым. Я побежал домой. Когда мама открыла мне дверь, я увидел, что шинели нет в коридоре.

— Где папа, он уже ушёл?

— Он скоро вернётся.

— Я пойду за ним. Он не мог далеко уйти. Не мог!

И тут мама заметила, как я вырос за этот час. Она сказала:

— Сынок, ты уже большой. Ты всё понимаешь. Не торопись... Вот что оставил тебе отец. — И она протянула мне ремень. Это был старый военный ремень отца. — Храни его, — прошептала мне мама и заплакала.

Я УХОЖУ ИЗ ДОМУ.

Мама увидела, как я вырос за один час, и попросила меня не торопиться. Но я-то как раз очень торопился. Я хотел догнать моего отца, потому что он мог уйти без меня на войну. Я уже знал, что фашисты напали на нашу страну. Рано утром их самолёты бомбили наши города, и наши стали отступать. Но я верил, что наши остановятся, они должны остановиться. И потом они помчатся вперёд — «Ура! Ура-а-а!», — а впереди всех будет мой отец.

Отец так и ушёл на войну, не взяв меня с собой. Хотя я уже вырос, хотя я уже стал большим...

Шли дни. Пришла холодная военная осень. А наши всё ещё не наступали.

И тогда я принял решение. Я об этом никому не рассказывал, даже маме.

Вечером мама пришла с работы, а я сказал, что очень устал и хочу спать.

— Ну ложись, — сказала мама. — Ложись скорее.

— А ты посидишь со мной?

— Ладно, — сказала мама. Она, конечно, не догадывалась, что это будет последний наш вечер во время войны.

Я быстро разделся и лёг.

Над моей кроватью висели старинные часы с кукушкой. Из коричневого домика выглянула кукушка, закуковала тихонько: «Ку-ку! Ку-ку!» Мама погасила свет, села ко мне на кровать, протянула руку к моей голове и начала её гладить, чтоб я быстрее заснул.

— Мамочка, — прошептал я, — ты видишь, я уже вырос, и мне пора к папе... на войну.

— Ах ты мой торопыга-торопушечка! — говорила мама. — Подожди ещё немножко, спи пока. Засынай скорее. Ты же хотел спать, не разговаривай.

Я не стал спорить, а притворился, что засыпаю. Мама тихонько встала, вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Я ещё полежал. Прислушался: мама занялась уборкой. Тогда я быстро поднялся и, не зажигая света, начал одеваться. Я подпоясался старым ремнём, который подарил мне папа, и осторожно подобрался к книге с золотым переплётом.

И чтобы лучше рассмотреть её, отодвинул тяжёлую, плотную занавеску, закрывавшую окно. Свет от прожекторов освещал ночное небо. Я прислушался: где-то далеко гудели самолёты. Всё было спокойно пока. Мама за стеной гремела посудой.

Мне захотелось проститься со сказочным садом. Я склонился над книгой. Приподнял переплёт и увидел золотую дверь. Да, я опять увидел золотую дверь. Я дёрнул за ручку. Дверь скрипнула, пропуская меня...

Я вышел на узкую улицу. Фонари не горели, а свет луны придавал домам таинственный и страшный вид. В канаве вдоль каменных стен, прятанных сады, журчала вода.

Вдруг сзади послышался топот коней. Чтобы не быть раздавленным, я кинулся в канаву. И вовремя. Мимо промчался всадник в золотом развевающемся плаще. За ним ехали двое, но не так быстро. Они негромко переговаривались.

— Противник наступает, — сказал один из всадников.

— Да, бой тяжёлый будет, — ответил другой.

Они проехали, так и не заметив меня. Я полез по канаве и всё ещё надеялся, что опять выйду в тот сказочный сад, но кругом были незнакомые дома, тёмные, без огней... А в голове стучало.

«Значит, и сюда война добралась». Я повернул назад.

Прощай, сказочный сад!

Прощай, волшебная книга!

Ночью, когда мама заснула, я ушёл из дому.

Долго блуждал по тёмному городу, пока не выбрался на пустырь. Я решил, что там меня не найдут, лёг на траву и незаметно для себя заснул.

Я спал, пока не рассвело. А когда я открыл глаза, то увидел, что тоненькие травинки держат огромное солнце. И я вспомнил, как сюда попал, раздвинул руками траву, но солнце не упало, а ещё выше поднялось. «Может быть, я ещё сплю?» — подумал я. Я закрыл и снова открыл глаза: трава и солнце не пропадали. И тогда я окончательно понял: я не сплю. Вот только найду ли я дорогу назад? Назад? Да я и не хочу её искать. Я навсегда ушёл из дому. НАВСЕГДА!..

Это я понял ясно. И всё же думал: когда-нибудь я снова встречу маму и папу, и мы будем жить вместе, как раньше, и никакая война нам не помешает, и всё будет хорошо...

Успокоенный, я поднялся и зашагал по тропинке. Тропинка повела меня, пробираясь среди огородов, через овраги, поросшие бурьяном. Я нырял вместе с нею в овраг и снова выбирался наверх, цепляясь за кусты.

Когда я услышал гудки паровоза, то очень обрадовался. Я понял, куда мне надо было бежать, и я побежал...

Потом я перелезал через какие-то рельсы, полз под вагонами, пока кто-то не схватил меня за плечо. Огромный человек в плаще склонился надо мной:

— Ты куда?! — услышал я грозный голос.

— Пустите!

Я вырвался и побежал. Вслед мне засвистели, загудели паровозы. Я добежал до запасного пути, нырнул под вагон, лёг на шпалы, зажал уши руками, скрючился. Там я пролежал, как мне показалось, несколько часов. За мной никто не приходил, и я вылез из своего убежища.

Я увидел, что лежал под вагоном с тёсом. И тут мне пришла в голову прекрасная мысль: там наверху можно сделать домик, а когда вагон тронется, то поедет и домик. И домик сам привезёт меня на войну. Я вскарабкался наверх, держась за железные поручни, и там наверху увидел домик, вернее, нору среди досок. Из норы вылез мальчик и сказал:

— Уходи отсюда! Это мой дом.

Я заплакал.

— Эй, ты, не реви, — сказал мальчик. — Слышишь?

Я слышал и плакал, плакал и не мог остановиться.

— Ладно, полезай ко мне, — позвал мальчик.

Я полез к нему в домик, и слёзы лились у меня по щекам. Я плакал и радовался, потому что был уже не один.

Я ОТКРЫВАЮ МОЕМУ ТОВАРИЩУ ЗАВЕТНУЮ ТАЙНУ

Я был не один в этом мире — среди свистков, среди колёс, — не один, нас стало двое. Мальчика звали Витей. Он дал мне кусок хлеба, ломоть чёрного хлеба, и половину солёного огурца.

— Ешь, — сказал он. — Не плачь. Чего ты? Я не прогоню тебя.

Я перестал плакать и стал есть. Мой новый товарищ был черноглаз и очень худ. Тонкие пальцы перепачканы смолой от досок. Он был постарше, чем я. И так же, как я, ушёл из дому следом за отцом. А матери у Вити не было.

— Я отцов сын, — сказал он, — и к отцу пробираюсь

— А как же ты найдёшь?

— Найду.

Там, среди тёса, мы сидели в домике. У нас были стены из тёса, и крыша из тёса, и если бы пошёл дождь, то он не замочил бы нас.

Я съел хлеб и огурец и немножко согрелся. Мне захотелось рассказать Вите про свою волшебную книгу. Я сказал, что знаю одну тайну.

— Поклянись никому не рассказывать.

— Клянусь, — сказал Витя.

— Нет, не так. Скажи: клянусь небом и землёю, солнцем и водою, всем, что светит, всем, что греет, всем, что ходит, и всем, что летает, — клянусь!

Витя повторил всю клятву, и я ещё попросил его для верности три раза плюнуть через левое плечо. И тогда я сказал торжественно:

— А теперь слушай. Давно-давно, может быть тысячу лет назад, а может, ещё больше, один мальчик нашёл на свалке старую железную лампу. Может быть, даже не на свалке, а где-нибудь на чердаке или в подвале, теперь трудно сказать, потому что это было очень давно. Сверху лампа была заржавлена, а внизу что-то было жёлтое, будто лампа светилась. Мальчик поднял лампу и тихонько потёр её рукавом... И сейчас же земля в подвале задрожала, и появился огромный джинн. Ноги у него были как столбы, а в его карманах свободно могли поместиться сто пятьдесят лошадей и даже больше, а голова его уходила в небо. И он сказал с неба глухим таким голосом: «Я твой раб, и ты можешь мне приказывать что захочешь, и я всё сделаю».

Конечно, мальчик сначала очень испугался, а потом приказал построить дворец. И джинн сразу ему построил дворец. Мальчик стал жить в этом дворце, а потом, когда мальчик заснул, у него кто-то украл лампу. Мальчик всё хотел найти ту железную лампу, но так и не нашёл! И вот если бы...

Я посмотрел на Витю, потому что он был теперь моим товарищем, самым близким, дорогим товарищем, которому я открываю мою заветную тайну.

— Вот если бы нам найти ту лампу! Нужно чуточку потереть её — и появится джинн. И мы скажем ему: «Не надо нам ни дворцов, ни золота, ни серебра, а лучше помоги разгромить фашистов». Он как выскочит из-под земли, да как начинёт их швырять да крошить, они только будут пищать от страха. А джинн будет хватать их самолёты, их пушки и — трах, трах! — об землю. А потом о нас узнают все в мире. И все будут говорить: «Смотрите, вот эти два мальчика помогли победить врагов». И нас наградят орденами: тебе дадут орден и мне дадут орден.

Витя на это усмехнулся:

— А мне-то за что орден? Ведь это ты придумал.

— Ну и что ж? Мы с тобой теперь как братья, потому что ты поклялся. И пускай нам дадут всё поровну. Согласен?

Витя почесал в затылке.

— Давай ещё поклянёмся быть навеки братьями, — предложил я.

— Ну, это можно.

И мы поклялись, что всегда, во веки веков, будем братьями.

МЫ С ВИТЕЙ ИЩЕМ ХОД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Так мы стали с Витей во веки веков братьями. И начали жить вместе в домике среди тёса на железнодорожном вагоне.

В тот вечер, когда я открыл Вите тайну и мы стали с ним братьями, в тот вечер, когда мы лежали на досках около своего домика, я показал на звёзды:

— Видишь эту самую яркую звезду? — шёпотом спросил я.

— Ну? — тихо отозвался Витя.

— А теперь, — сказал я, — сложи указательные пальцы крест-накрест. — И я показал, как это сделать. — Подними руки над головой и подведи под малиновую звезду, понятно?

Теперь пальцы опусти вниз, и куда покажет правый палец, там и находится волшебная лампа.

Мы с Витей сделали кресты и увидели, что лампа находится совсем недалеко. Правда, Витя думал, что лампа находится в каменном складе, на стенке которого написано: «Не курить!», но я показал дальше, где торчали крыши двух домов и за ними сад. Витя снова посмотрел через крест на звезду, опустил крест вниз, и его правый палец тоже указал на крыши двух домов.

Утром следующего дня мы отправились на поиски лампы, а утро было дождливым, пасмурным. На глинистой дороге привокзальной улицы ноги наши разъезжались, ботинки мои промокли, и я замёрз. Ещё с ночи я не мог согреться. Внутри у меня всё дрожало.

Мы пробирались вдоль забора.

— Вот этот дом, — прошептал Витя.

И в эту же секунду мы услышали глухое злобное рычание. За забором загремела железная цепь, заскрипела проволока, и рычание перешло в глухой лай.

— В этом доме, — сказал я. — Видишь, где сарай.

— Ага, — проговорил Витя, стуча зубами от холода.

— Так оно и должно быть, — сказал я и, глядя на дрожащего Витьку, сам костенея от холода, объяснил: — Эта собака должна охранять вход в подземелье.

— Давай придём сюда завтра, — сказал Витя. — А сейчас пойдём на вокзал, погреемся.

— Пойдём, — согласился я.

В вокзал нас не хотели сначала пускать, но Витька сказал, что мы отстали от поезда, и дяденька нас пропустил. В зале ожидания было трудно пройти между скамейками, чемоданами и спящими людьми.

Витя вдруг поднял голову и тоненько запел:

— «Помню городок провинциа-а-альный...»

— Ты чего? — испугался я и дёрнул его за рукав. — За-молчи.

— Дурак, хлеб надо просить, — и опять запел: — «Тихий, захолустный и пече-альный...»

У Вити было очень худое лицо и жалобный голос, и сразу какая-то тётка, до глаз закутанная платком, поднялась с

чемодана, пошарила в кармане широкого плаща, что-то там отломил и подала нам кусочек чёрного хлеба. И ещё дали ломоть. И ещё. А молоденький солдат протянул кусок сала. Витька пел, а я брал эти куски, собирал их и видел только руки, только руки дающие, а на лица не глядел. Мне было стыдно за себя, а ещё больше за Витьку, за этот его тонкий голос. Потом я взглянул на него и тогда увидел его глаза. Его далёкие и строгие глаза, когда он пел.

Вечером в домике из тёса Витя сказал:

— Мне эту песню мать пела, когда я был маленький. А мотивов всяких — ух сколько у меня! Я по радио всё запоминаю.

И он тихонько запел, подражая разным инструментам, а потом все они соединились и получился целый оркестр, и я не понял, как это у него вышло.

Теперь я, взрослый дяденька, часто слушаю то, что напевал мне в ту холодную осень мой замёрзший, мой голодный друг Витя. Всё это имеет прекрасные названия: адажио, соната, скерцо... И меня удивляет по сей день, как он мог так много помнить. И это так же, как тогда, примиряет меня с единственной песней, которую он пел ради хлеба и которой научил меня.

С той поры мы часто пели, собирая хлеб, хоть маленькие кусочки, хоть корочки, у людей, что сидели на чемоданах, на мешках, на сумках в общей толчее, среди гула тысяч голосов, у пассажиров, ожидающих поездов, а поезда не приходили, потому что шли военные составы... Иногда они останавливались. И военные щедро давали нам хлеба и даже колбасы. Я разучил «Городок», и когда Витя запевал «Помню городок...», я изо всех сил старался громко кричать, чтоб было длиннее и жалостливее: «...провинция-а-альный...»

Пробираться в сад за лампой утром или днём было опасно, и мы пришли туда вечером. Мы подкопали под забором руками и палками, но немного, потому что слышался злобный лай собаки. А в следующий вечер мы проделали большой лаз, кинули туда на всякий случай кусочек колбасы, и лай прекратился.

— Кто полезет первый? — спросил я.

— Чей верх, тот и первый.

Я кинул палку. Витя поймал, потом я обхватил её рядом, потом он поставил свой кулак рядом с моим, потом я поставил кулак, потом снова Витя. Я высвободил одну руку и накрыл палку ладонью: мне лезть.

— Дай-ка мне с собой колбасы, — попросил я.

Витя дал мне колбасы и хлеба, и я полез под забор. Раздалось рычание, и огромный лохматый пёс кинулся на меня. Я вывалился обратно.

— Ну, чего? — спросил Витя.

— Овчарка, наверно, — сказал я, тяжело дыша. — Чуть не вцепилась в меня...

В этот вечер мы больше не рисковали, ушли к себе в свой домик на вагоне.

А в следующий вечер лил дождик, но мы всё равно пошли к забору. Земля намокла, ноги расползались на глинистой дороге, и я рад был, что не мне лезть.

— Может, сперва приручим собаку получше? — сказал я.

— Нет, — вздохнул Витя. — Тут один солдат так говорил: «Плюнул на руки, не хватайся за уши». Давай хлеб.

Прежде чем стать на коленки перед лазом, он долго уговаривал собаку, которая рычала за забором.

— Пёсик, хороший... не трогай нас. Мы тебе ничего плохого не сделаем. Бери хлеб, а колбасы принесём в другой раз...

Собака рычала. Когда она стала рычать не так грозно, он полез в дыру, держа перед собой хлеб.

И вдруг я услышал:

— Давай сюда, не бойся!

Я полез в дыру. И с удивлением увидел, что Витя спокойно гладит морду и шею небольшой собаки, привязанной на цепь.

— А это, наверно, другая, — сказал я. — Та была лохматая, прямо чудовище, честное слово!

Витя засмеялся.

— Нет, правда, — обиделся я. — Так бывает в заколдованных местах...

Я дал собаке ещё хлеба, и мы пошли искать вход в подземелье.

Идти нам было недалеко. Рядом с домом мы увиде-

ли дверь погреба, и я понял, что это и есть вход в подземелье.

Три каменных ступеньки. Мы осторожно спустились... Я толкнул дверь. Она скрипнула, подалась... и вдруг раздался страшный грохот. Витя закричал и бросился назад, я — за ним. Завыла собака, заскулила, земля дрожала под нашими ногами. И пока мы выбирались на улицу, ещё слышались взрывы, небо светилось. Мы бежали, оглушённые, испуганные, к своему вагону. А когда прибежали, то увидели, что на путях стоит военный состав, а нашего вагона нет. Мы побежали к вокзалу. Рядом с вокзалом горел дом. Ночь над ним то раскалялась докрасна, то тускнела, и видны были на красном чёрные подвижные фигурки людей... и вдруг — белые халаты санитаров с носилками. И ещё носилки, и на них кто-то лежал... Я отвернулся.

— Гады... — сказал Витька каким-то другим, взрослым голосом. — Гады фашистские!

Мы не решались подойти ближе. Но теперь, когда глаза наши привыкли к темноте и свету, мы увидели, что и часть вокзального здания рухнула и что возле развалин тоже много красноармейцев и... и опять санитары с носилками.

Витька схватил меня за руку.

— Я больше не буду искать лампу. Может, и лампы никакой нет. А фашисты есть. Я поеду на фронт. Ты как?

— И я!

Мы побежали к военному поезду. Кто-то крикнул, что в конце состава сажают призывников и гражданских. И мы со всеми побежали к концу состава. Там уже была такая страшная толкучка, что трудно было понять, кто всё-таки садится в вагон. Витька закричал, что у него отец там, и ринулся вперёд, я за ним. Какой-то военный стоял на площадке расставив руки и кричал, что никого больше сажать не будет. Но нас с Витей пропустил. Поезд тронулся. Мы думали, что едем на фронт. Хоть не нашли лампу, зато едем на фронт. Но на первой же станции нас с Витей высадили и отправили в детскую колонию. Так мы оказались в маленьком городке Ташино...

МЫ СОБИРАЕМ ЗВЁЗДЫ

Детская колония... Динь-бом! — звонила церковь в маленьком городке Ташино. Да. С маленькой колокольной. Детская колония — снега, сугробы. Конечно, была и осень. И чёрная дорога через лес. Но я почему-то помню зиму. Первую военную зиму. В нашем городке Ташино всё было как в песне. В той песне, что мы с Витей пели на вокзале:

Помню городок провинциальный,
Тихий, захолустный и печальный.
Церковь и базар,
Городской бульвар...

Да, помню этот базар по воскресеньям. И городской бульвар — маленький такой, снегом засыпанный. Лежал всюду снег, снег. Суровая тогда была зима. Моя мама вскоре, как я убежал, ушла на фронт. И от неё не было вестей.

Мы жили не в самом городке, а рядом — может, километра полтора или два — в лесу. Среди леса стояли бревенчатые дома леспромхоза. Там и разместилась наша детская колония. Это были два дома. В одном доме жили мальчики, в другом — девочки. На крышах домов снег, под окнами сугробы, и лес у самых стен, и тропинка. Ночью её засыпает снегом, а утром мы её протаптываем. Идём в городок наш — Ташино. Там у нас столовая и школа. Утром ещё темно. А возвращаемся вечером — опять темно. Звёзды светят. И в первые зимние дни я боялся: пойдём назад из Ташина, а тропинку потеряем, заблудимся в лесу, не вернёмся домой.

Отцы наши, а у кого и матери были далеко: в армии, на фронте. А мы шагали по лесу один за другим, один за другим. И уж не помню, кто это придумал. Кто-то придумал. Наверно, тот, кто больше всех смотрел на небо и видел, как падают звёзды. Когда мы возвращались из Ташина, шли по лесу, у нас была такая игра — собирать звёзды. Идём, идём, вдруг кто-нибудь крикнет: «Чур, моя звезда!», и мы все смотрели на небо, кричали: «Чур, моя! Чур, моя!»

Мы собирали звёзды в большую корзину. Они обжигали нам пальцы. Мы дули на руки, говорили: «Какие горячие! Фу! Фу!»

Звёзды шевелились, потому что были ещё живые. Дома мы наклеивали их на бумагу. Красили их в красный цвет, чтоб они были ещё ярче. Ярче звёзд на небе. И писали на бумаге слова: «Дорогой папочка! Мы живём хорошо!..» Это были наши письма на фронт. В начале письма — красная звёздочка. А ещё мы писали, как живём, что на обед нам дали кашу. И каши очень много, целую тарелку. А ещё мы рисовали картинки. Чаще всего танки, самолёты. А однажды я нарисовал белочку. Она сидела на ветке. Мы её, правда, увидели ещё утром, когда шли в Ташино, только я её нарисовал красным карандашом и ветку тоже красным. Хотя та белка, которую мы видели, была уже по-зимнему серой.

Зимними вечерами мы любили сидеть у печки.

ВОЗЛЕ ПЕЧКИ

В печке горел огонь. Дверца у печки открыта, в комнате от этого всё освещено: и ребята, что сидели прямо на полу, и часть стенки, и кровати. Дрова у нас были хорошие, берёзовые — дружно горели. Кора на поленьях скручивалась от жара. А мы, бывало, сидим и смотрим, и тёплое дыхание печки шевелит наши волосы. Но самое удивительное наступает, когда прогорят дрова и остаются угли. Тогда надо немножко дунуть в печку — и родится голубенький человечек. Он сначала очень смешной, беспомощный. Он машет голубенькими ручками, прыгает с уголька на уголёк. И он греет ручки об угольки, а потом убегает в тёмный, тёмный лес. Да, там далеко есть и лес. И в нём живут голубенькие человечки.

Однажды кто-то из ребят принёс патроны и бросил в печку. Набрал их, наверно, на полигоне, недалеко от Ташина. Сначала ничего, но потом патроны стали взрываться, и стало страшно, как будто к нам приблизилась война.

А вообще про войну мы, ребята, говорили редко. Вот раньше, давно, ещё до войны, тогда часто говорили. А сейчас нет. Мы, конечно, читали письма с фронта, показывали их друг другу, но всё же о войне старались не говорить.

Первый из нас получил письмо о гибели отца Валя Шевчук.

Валя был молчаливый белоголовый паренёк. Он всё время читал или рисовал. А когда поднимал глаза, всех удивляло, какие они круглые и синие.

Раньше, когда Валя только что приехал в колонию, наши ташинские задирь дразнили его: «Девочка Валя!», «Валя-Валентина!»

Но он оказался парнем настоящим: никогда и ни на что не жаловался; по своей охоте ходил пилить брёвна для печки; когда погас свет, починил проводку.

Однажды Валя Шевчук показал нам свой альбом. Вернее, не весь альбом, а те листочки, где были нарисованы ташинцы. Ох и здорово получилось у него! Особенно Витька — ну прямо как живой! Только я, по-моему, не очень похоже вышел: нос коротенький, волосы взъерошенные, валенки дражные. Нет, я всё же не такой. Но я не обиделся на Валью. Ничуть!

А как он пел! Они с Витей всегда запевали в два голоса, а уж потом остальные подхватывали. Я хорошо помню одну их песню:

На опушке леса
Старый дуб стоит... —

начинал Валя тихо-тихо, как будто рассказывал.

Мы все замирали... И тут вступал Витя — голосом ровным, похожим на звук скрипки или ещё на крик лесной птицы, пролетающей мимо:

А под этим дубом
Партизан лежит.

И мы видели, мы ясно видели, что произошло там, за лесом, и ещё за полями.

— «...Партизан лежит», — тихо вторил Валя.

А Витька уже дальше, дальше вёл нас в глубь горестных и непоправимых событий:

Он лежит не дышит,
И как будто спит,
Кудри золотые
Ветром шевелит.

Валя тихонько вторил:

— «Ветром шевелит».

И точно на нас дул этот ветер, что проносится над полями, где сражаются наши отцы. Так мы чувствовали, так понимали эту песню. А ещё я гордился моим другом Витей.

С Витей мы были неразлучные друзья. И койки наши стояли рядом. Витя давно не получал никаких писем и ничего не знал об отце. Он вырос и ещё больше похудел. Он редко смеялся и разговаривал негромко. Но ребята его слушались. И не только потому, что он был сильнее многих. У него характер был твёрдый, я так думаю. И потом, все любили, как он поёт и как изображает оркестр.

Но Витька любил и почудить. Помню, отрывал у своего пальто пуговицы и бросал их в печку — посмотреть, загорятся ли. Много из той жизни в Ташине забылось, а вот как Витька бросал пуговицы в огонь, хорошо помню.

Когда мы приходили с улицы, то снимали валенки и ставили рядом с печкой. Сушили. Но не очень близко, чтоб не попал уголёк. И однажды, когда дрова уж прогорели, я показал Вите:

— Смотри! Вон там, видишь, чёрное болото. А на краю болота стоит маленький домик. В домике светится зелёный огонёк. В домике всё зелёное: зелёный стол, зелёная кровать, зелёная лампа...

— Как до войны, — вздохнул Витя.

— А знаешь, кто там живёт? — шёпотом спросил я.

— Нет, — тоже шёпотом ответил Витя.

— Там живёт Зелёный Кузнечик. И он пока спит.

— А что он будет делать, когда проснётся? — спросил Витя.

ПИСЬМА

Витя спросил: «А что будет, когда проснётся Зелёный Кузнечик?»

Но тут кто-то из ребят закричал, уж не помню кто:

— Витька, тебе письмо!

Витя вскочил с полена — он сидел около печки на полене, — и мы тоже все повскакали, закружились вокруг Вити:

— Смотри, «Полевая почта».

— От отца! От отца! — закричали с разных сторон.

И уж не помню, Витя ли читал или кто другой, только письмо это помню хорошо.

«Дорогой Витя! Я воюю очень далеко, там, где всегда холодно, где на горах лежит снег. Я воюю на море. Море это очень холодное. Я воюю на подводной лодке. Мы топим корабли фашистов.

Утром, когда мы возвращаемся к себе на базу, домой, мы стреляем в воздух. Один залп — это один потопленный транспорт. Два — это два потопленных транспорта. С нами вместе воюет мальчик, его зовут Шурик. Он ещё не матрос, а юнга — сын флота. Мы его все очень любим. Все наши подводники шлют тебе привет. И просят, чтоб ты уповал на победу. Тебе шлёт привет юнга Шурик».

Витя наклеил красную звезду на бумагу. И мы все вместе написали Витиному папе ответ:

«Дорогой папа и юнга Шурик! Мы живём хорошо. И мы уповаем, раз вы нам велели, хотя мы не знаем, что это значит. Мы все шлём привет юнге Шурику, отважному моряку и сыну флота. Пусть он нам пришлёт фотографию.

Твой навеки сын Витя. И его товарищи».

Письма... Письма... Я помню эти письма-треугольники с адресами «Полевая почта», они, как птицы с обожжёнными войной крыльями, летели к нам, ребятам, у которых не было рядом отцов и матерей.

А мы в Ташине, в детской колонии, не забывали, что идёт война, ни на минуту не забывали. И когда разговаривали, и когда смеялись, и когда рассказывали сказки (мы тогда много рассказывали сказок. Сядем около печки, рассказываем).

Теперь я знаю, что значит слово «уповать», это слово очень старое, можно сказать старинное, и значит оно — надеяться, не терять надежду. «Уповать на победу» — верить в победу. Ах, как нам хотелось скорее увидеть эту победу, чтоб скорее вернулись наши матери и отцы, чтоб не погибли они...

...Была поздняя ночь, а мы с Витей не могли заснуть. На койке у окна плакал Валя Шевчук. Он закрывал голову подушкой, но всё равно мы слышали, как он плакал. И не спали. И не решались подойти к нему. Я сказал Вите:

— Давай подбросим в печку полешек.

Огонь разгорелся снова.

Жёлто-красное пламя. Пламя! Где-то там, за лесом, и ещё за лесом, и за речкой, за полями, оно было страшное, оно было — война. Охваченные пламенем, кружились деревья, тянулись ветками к небу. А с неба падали чёрные бомбы, и дрожала земля, горела земля.

— Вроде заснул... — кивнул Витя на Валину кровать. И вдруг зашептал: — Проклятые фашисты! Проклятые фашисты!..

— Эх, пацанам трудно на фронт попасть!

И вот тогда, в тот поздний вечер, мы размечтались с Витей об удивительном человеке:

— ...Он захочет и станет большой-большой — до неба...

— А захочет — станет маленький, меньше муравья, хоть куда пролезет! Малюсенький такой — не углядишь.

— И чтоб смелый, никого не боялся...

— Ну, это ясно!

— И сильный, как...

— Ага... как схватит рукой дом — поднимет; как дунет — все враги разлетятся. А смеяться начнёт, так земля задрожит. Он смеяться любит...

— И чтоб добрый был...

— И чтоб белочек любил и этих... кошек или там... жуков малюсеньких.

— И чтоб никогда не умирал...

— Да. Никогда не умирал.

Мы этого очень хотели с Витей, и я спросил:

— А как ты, Витя, думаешь: будут такие люди, а?

— Будут, конечно, только не скоро — лет через сто, а может, через тысячу...

— А вдруг мы его встретим пораньше, а?

Мы засмеялись, и Витя сказал:

— Ладно, закрывай печку, пошли спать.

ВТОРАЯ ПЕРЕЗВОННАЯ

Витя сказал, что не скоро — через сто, а может быть, через тысячу лет... Так он сказал тогда — я помню. Теперь прошло много лет. Я теперь вырос, стал взрослым дяденькой. И живу не в маленьком городке Ташино, а в большом городе, на улице Большая Почтовая.

У меня — вот смешно! — выросли борода и усы. Конечно, удивительно, после того как я был совсем-совсем маленьким.

Теперь я как-то уже привык, что стал дяденькой. И все кругом привыкли, так что, наверное, удивились бы, если бы я вдруг опять стал мальчиком.

Нет, я об этом и не думаю, — дяденька и дяденька, очень даже хорошо. Только вот одно неудобство — борода чешется. Ничего тут страшного нет, можно почесать бороду; да она у меня небольшая: так, не борода, а бородка. Я её гребешком расчёсываю — у меня такой маленький гребешочек есть. Расчесу бородку и — фу! фу! — продую его и положу к себе в боковой карман костюма. У меня, конечно, есть и костюм, и галстук, и даже голубая фетровая шляпа. Когда здороваюсь, я теперь снимаю голубую фетровую шляпу и говорю: «Здравствуйте!» И никто, решительно никто, не удивляется, что я такой взрослый и вежливый.

Да, но не об этом речь. А приближается то, к чему я вёл рассказ.

У меня на столе зазвонил телефон (он зелёный и всегда стоит на столе). Я снял трубку:

— Алло! Я слушаю.

Взрослый голос проговорил в трубку:

— Здравствуйте! Не хотите ли поехать сегодня за город?

Это звонил мой знакомый, абсолютно взрослый человек, приглашал к себе в гости. А у меня в городе была уйма дел, и я стал отказываться. Но чтоб не огорчать знакомого, я сказал, что вряд ли вырвусь, но постараюсь. (Заметили, какие у меня появились слова? «Вряд ли», «постараюсь». Так говорят взрослые. И я так тоже говорю, потому что я дяденька, дяденька с усами и бородкой.)

Целый день я не думал о приглашении. А к вечеру странное, удивительное чувство (взрослые слова!) охватило меня: мне показалось, в этот вечер что-то должно случиться.

Вечером я сел в электричку и поехал за город. Сумерки ещё не сгустились. Но когда поезд тронулся вдоль перрона, зажглись огни. Сырой воздух пожелтел. Да, я забыл сказать, что была весна.

Электричка набирала скорость. Я сидел около окна. Смотрел. Там, за окном, отступали дома, многоэтажно-каменные дома. Они не могли успеть за поездом, они отставали, они оставались вместе с улицами, людьми, машинами. А поезд мчался дальше. Я глядел на остающийся город. В тот вечер — да, честно скажу — я ждал удивительной встречи, что-то должно было случиться. И я прижался лицом к стеклу, потому что быстро стало темнеть. Электричка вырвалась из города, и там, за окном, открылись поля, подступил чёрный лес. Я уже плохо всё различал, стало совсем темно. А я всё прижимался лицом к окну, уже не надеясь увидеть, а может быть, только услышать, что мне шепчут поле и лес. Темнота стучалась в стёкла вагона, оставляя блестящие капли на стекле. Дождь. Пошёл дождь... Вдруг я различил — дождь зашептал: «Жди... жди...» Колёса вагонов застучали: «Жди... жди...»

И было так приятно, что они говорят со мной очень просто, как с маленьким: «Жди... жди...»

На одной из платформ я сошёл, а электричка поехала дальше. Тускло светили фонари. Я шёл по размокшей дороге вдоль деревянных заборов. Тени деревьев пересекли мне до-

рогу. Справа от дороги стояли берёзы. Я искал улицу с удивительным названием «Вторая Перезвонная». Рядом с длинными тенями деревьев я заметил коротенькую тень. Посмотрел направо и увидел девочку.

— Ты здешняя? — спросил я.

Она засмеялась.

— Где ты живёшь, девочка?

Она показала на берёзу.

— Ты спустилась с дерева, да? Но ты же не зверёк.

— Нет, я зверёк. Я зверёк и девочка. Разве вы не видите?

Я внимательно пригляделся. При тусклом жёлтом свете фонаря стояла девочка в красном пальтишке, без шапочки. Рыжие волосы её блестели, на них лежали капельки дождя.

— Очень неудобно тебе жить на дереве? — спросил я.

— Да. Был дождь.

— А не скучно? Что ты там делаешь, на дереве?

— Слушаю, как растут листья. Играю.

— А-а! Ты думаешь меня удивить. Нет. Когда-то, когда я был маленьким, я уже знал девочку, которая живёт на дереве.

— А вы давно были маленьким?

— Тысячу лет назад.

— Тысячу лет? Как давно.

— Скажи, девочка-зверёк, ты не знаешь, где здесь улица Вторая Перезвонная?

— Знаю. Я вам покажу. Закройте глаза.

— Ты смеёшься! Как же я увижу, если закрою глаза?

— Так ненадолго. А сначала наступите на камень. Вон у вас под ногами камень.

Я наступил на камень, закрыл глаза.

— Повернитесь, — услышал я голос девочки. — Поднимите голову. Открывайте глаза.

Я открыл глаза. На зелёном заборе, прямо передо мной, висела табличка: «Вторая Перезвонная».

Сзади я услышал смех. Быстро обернулся. Никого не было. В жёлтом свете фонаря стояли берёзы, тёмные их тени пересекали мне дорогу.

ЗДРАВСТВУЙ, ПЕЧКА!

Тени берёз пересекали мне дорогу. Нужный мне дом был рядом. Во мне ещё звучал голос девочки-зверька и этот смех, будто он был уже мне знаком. «Куда она исчезла? И неужели правда, что она и девочка и зверёк и так быстро прыгнула на дерево и спряталась там в листьях? Нет, это шутка или сказка». Так я успел подумать, когда дверь дома открылась.

— Здравствуйте, я вас давно жду.

Передо мной стоял мальчик.

— А где твои родители?

— Папа и мама скоро придут. Они раньше вас ждали. А мне сказали, если вы приедете, чтоб я вас занимал.

— Ну что ж, — сказал я чуть насмешливо улыбаясь, — занимай меня. — Я снял свою голубую шляпу, пальто и вошёл в комнату.

— Если хотите, можете включить телевизор или посмотреть журналы — они на столе.

— Спасибо.

«Очень любезный мальчик, хороший, воспитанный», — подумал я.

Мне хотелось согреться, я озяб в дороге, и, словно догадавшись, мальчик сказал:

— Садитесь к печке, погрейтесь.

Я огляделся и увидел печь. Что-то знакомое, родное было в этой белёной стене. «Печка» — какое тихое, тёплое слово.

— Здравствуй, печка! — шёпотом сказал я. — Когда-то очень давно, может быть тысячу лет назад, я с тобой встречался. Помнишь, печка?

— Что вы сказали? — спросил мальчик.

— Так... ничего... А дровами какими топите? Берёзовыми?

— Берёзовыми, — ответил мальчик. — Я могу принести два полена. И мы можем посидеть на них около печки. Или вы хотите на стуле?

— Нет, нет. Я на полене. А ты любишь сидеть около печки?

— Ага.

— Раньше я тоже любил, а теперь я живу в большом доме.

— Ну, я пойду принесу. У нас дрова в сарае, во дворе.

— Тебе не помочь?

— Что вы, я привык.

Мальчик ушёл. А я наклонился, чтоб открыть дверцу печки, и тут услышал: «Ку-ку! Ку-ку!..»

Я оглянулся. Над диваном висели часы с кукушкой. Рядом с коричневым домиком на жёлтой перекладине сидела пёстрая птичка.

Я подошёл к дивану.

— Эй, кукушка! Прошло тысячу лет. Разве ты не устала? Пора тебе отдохнуть, дружок.

«Ку-ку! Ку-ку!»

— Ты уж совсем-совсем старенькая, а кукуешь ещё весело.

«Ку-ку! Ку-ку!»

— Вам нравится? — Это спрашивал мальчик. Он стоял с поленьями в руках.

— Да. Нравится. Раньше у меня тоже были такие часы.

— А где они сейчас?

— Погибли. В дом попала бомба.

— Во время войны?

— Да, тогда ещё.

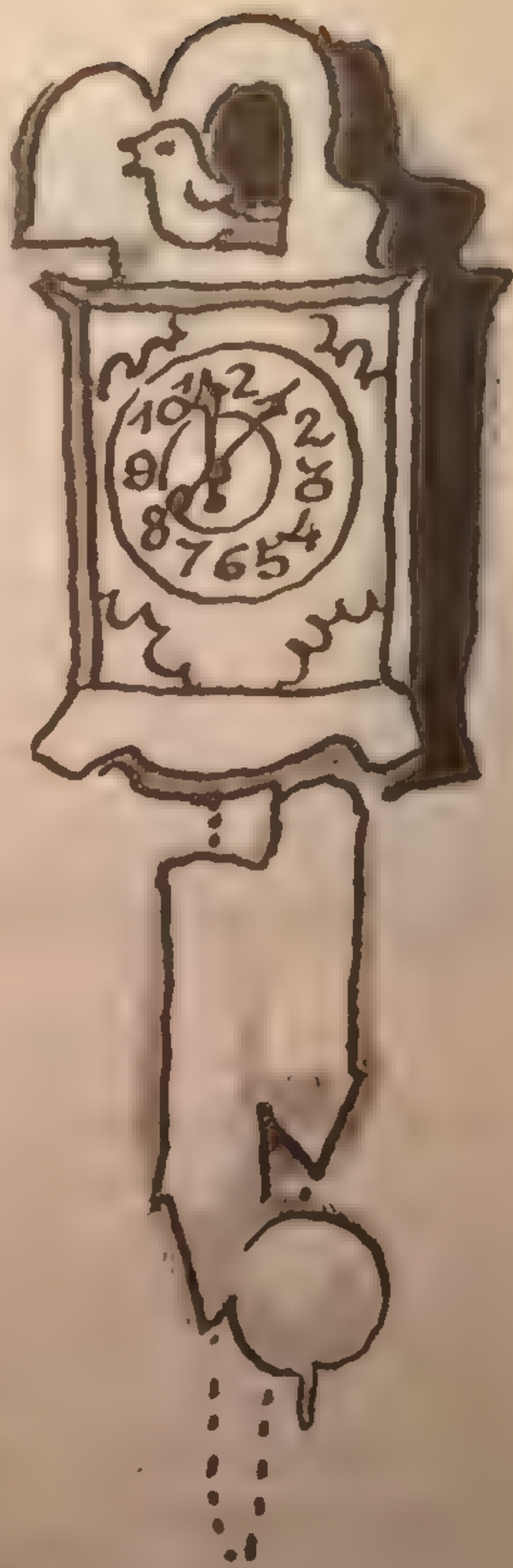
Мальчик бросил поленья. Мы сели рядом с печкой. Я открыл дверцу. Как только дверца распахнулась, там вспыхнули голубые огоньки.

— Похожи на цветы, правда? — спросил мальчик.

— И на голубеньких человечков. Они прыгают с уголька на уголёк. Видишь, машут голубенькими ручками. Горячо им. Ну-ка, подуй!

— Фу-фу-фу-у-у! Бегите, человечки! — крикнул мальчик.

— О-о! Горячо. Убежали. А один упал, спрятался за уголёк.

— Ага!

— Остальных не догонишь. Они убежали далеко-далеко в тёмный лес. Ты знаешь, что там есть и лес, и болото?

— Чёрное болото.

— Да. Непроходимое. А за болотом стоит домик.

— Маленький домик.

— Зелёный. Это домик Кузнечика.

— Да. И Кузнечик, когда просыпается, зажигает огонёк.

— Ты знаешь домик Зелёного Кузнечика?

— Конечно, знаю.

— Послушай, как-то глупо получилось, но я до

сих пор не спросил, как тебя зовут.

— Меня зовут Торопун-Карапун.

— Как? Как ты сказал?

— Торопун-Карапун. Так называет меня мама. И так все меня зовут... Смотрите, смотрите, в домике на болоте загорелся огонёк!

Странно: ведь меня в детстве мама тоже так называла. Очень странно!

— Ой, ну смотрите же, какой красивый огонёк!

— Да, да, — очнулся я от воспоминаний. — Это в домике Зелёного Кузнечика. Он уже проснулся. Слушай, Торопун-Карапун, давай погасим свет. И посидим около печки в темноте.

ДО ВСТРЕЧИ, КАПИТАН!

Мы погасили свет и пододвинули поленья ближе к печке.

— Давай бросим туда немножко берёсты, — прошептал я.

— Ага, давайте.

Не знаю почему, но мы стали разговаривать шёпотом. Торопун-Карапун бросил в печку несколько кусков коры. Кора почернела на углях, потом сразу вспыхнула. Красные отсветы пламени заиграли на лице Торопуна-Карапуна. И вдруг, сам не знаю отчего, я тихо запел:

Помню городок провинциальный,
Тихий, захолустный и печальный.
Церковь и базар,
Городской бульвар...

— Это что, очень старая песня? — шёпотом спросил Торопун-Карапун.

— Да, очень.

И я рассказал Торопуну-Карапуну о своём друге Вите, о детской колонии, о маленьком городке Ташино.

— Ну-ка, брось ещё берёсты.

И когда берёста вспыхнула, я сказал:

— Я хочу вернуться...

— Куда? — тихо спросил Торопун-Карапун.

— Туда. — Я махнул рукой через плечо. — Там осталась тайна.

— Тайна? Ой, говорите же!

— Что говорить? Это осталось там, в моём детстве. Понимаешь? У меня в детстве было много тайн, но как теперь к ним доберёшься? Они остались там, в моём детстве. Прошло много, очень много лет. Видишь, я стал дяденькой. У меня усы и борода.

— Ну и что? Подумаешь, усы и борода. Если хотите, я вам помогу.

— Ты мне поможешь попасть в моё детство?.. Послушай, Торопун-Карапун! Ещё ни одному человеку в мире никогда, ни при каких обстоятельствах не удалось снова вернуться в детство. Часы не ходят назад. Нет, это невозможно.

— А я могу!

— Что ты можешь? Ты же мальчик.

— Ну и что! Я могу сразу быть большим и маленьким. Захочу — сразу вырасту до неба, а захочу — буду меньше муравья.

— Стой, Торопун-Карапун! Молчи. Я вспомнил! С моим другом Витей, там, в Ташине, мы когда-то хотели встретить такого человека. Он и большой и маленький. И сильный. И добрый. И чтоб никогда не умирал. Мы сами хотели быть такими же...

И я вспомнил, как мы сидели возле печки, там, в детской колонии, и мечтали, и был жар от печки, и горячо нам было от слов; они, как тучи, носились тогда над нашими головами, над нашими пылающими лицами...

— Чтоб он был большой и маленький, — повторил я.

— Ну конечно, — сказал Торопун-Карапун. — Я буду капитаном. И поведу туда корабль.

— А туда плывут на корабле?

— Да.

— Никогда раньше об этом не думал. А что, если попробовать? А? Рискнуть, а? Знаешь, Торопун-Карапун, я, пожалуй, уж не дождусь твоих родителей. Я, пожалуй, пойду. И давай встретимся с тобой. Ну, через неделю, ладно? Я приеду к тебе, ТОЛЬКО К ТЕБЕ, ТОРОПУН-КАРАПУН. Вот это будет здорово — отправиться в путешествие!

— Не забудьте захватить карту.

— Какую ещё карту?

— Как же я поведу корабль без карты? Вы должны поместить на карте всё ваше детство, все тайны должны отметить.

— Ладно. Я попробую. Послушай, Торопун-Карапун, не забудь закрыть трубу в печке, а то мы с тобой весь жар упустим.

— С вами, наверно, будет очень трудно, — вздохнул Торопун-Карапун.

— Что трудно?

— Отправиться в путешествие, вот что.

— Нет уж, теперь не отступай. А мне всё равно, кем плыть — хоть боцманом, хоть поваром.

— Ну ладно, приходите через неделю, тогда и решим.

— Значит, до встречи, капитан!

— До встречи!

Мы пожали друг другу руки. Рука капитана была твёрдой. И у меня, как свет в окне, мелькнула надежда.

КАРТА

У меня мелькнула надежда. И постепенно, пока дни сменяли друг друга, как часовые на посту, я стал готовиться к путешествию в детство. Но как туда найти дорогу? И что взять с собою? Я ничего не знал. Никто ещё не плавал в своё детство.

Я смотрел в окно. Из нашего окна виден огромный тополь. Скоро по нашей улице Большой Почтовой ветер понесёт белый тополиный пух. И улица станет белой. А когда пушинки попадают в лужи, они сразу превращаются в белые кораблики. Да, я теперь ясно представлял эти белые кораблики с белыми парусами! На любом из них Торопун-Карапун и я могли бы отправиться в далёкое путешествие. Но у нас не было карты. А ведь я обещал Торопуну-Карапуну принести её.

Оставались всего один день и одна ночь до нашей встречи. А карты не было.

Карта... Какая ты? Где тебя найти, карта? Ты ведь не просто карта моего детства, а карта ТАЙН моего детства.

Я ходил по комнате, садился в чёрное кожаное кресло, дёргал бородку, снова вставал. Подходил к окну. Смотрел на тополь. Огромные его ветки тянулись к моему окну.

— Ну что, старина, — шептал я тополю, — где мне найти карту? Ничего не могу придумать. Ничего.

Я сел за письменный стол. У меня большой письменный стол, очень старый, одна ножка у него слабо держится. Я её пробовал столярным клеем закрепить и прибивал гвоздями. Но гвозди гнулись, — очень прочное, сухое, старое дерево. Ничего не получалось. Я придвинул стол к самому окну, и краем крышки он теперь упирается в подоконник и не качается.

Сверху вся середина стола покрыта зелёным сукном. Я люблю теплоту этого сукна. И вот я положил большой лист бумаги на сукно. Взял синий карандаш и красивым почерком (мне нравится писать буквы красиво, чтоб буковка к буковке) старательно написал в верхней части листа:

Карта тайн моего детства

Написал. И задумался...

Я сидел в кожаном кресле. У меня прекрасное кожаное кресло. Старое, уже потёршееся. На подлокотниках медные головы львов с раскрытыми лапами. Я люблю гладить лапами львов, тереть их медные гривы.

— Ну что, братики? — шептал я. Потому что львы мне были как братья. Я давно к ним привык. И гладил их, ласкал лапами. — Подскажите, какой должна быть эта карта. Подскажите, братики!..

А львы с раскрытыми лапами молчали.

Молчал тополь. Молчали львы. Я был один. Совсем один. И некому было мне помочь.

Наступил вечер. А я ещё ничего не сделал. Какой же должна быть эта карта? Какой?

Я лёг спать. И почему-то у меня далёким, далёким заревом ещё светилась надежда. Не знаю, не гасла надежда — и всё...

Ночью мне приснился Зелёный Кузнечик. Он появился на зелёном сукне стола. Мне показалось, что он вышел из-за розовой раковины. Эта океанская раковина была привезена моим отцом, когда он в юности матросом плавал на корабле «Федон».

Розовая раковина влита в маленький постамент из тёмной лавы. Посреди раковины поднимается медный штырь. Я не знаю, зачем торчит этот штырь, но я очень привык к розовой раковине, и она всегда стоит у меня на столе.

И вот в ту, последнюю перед встречей с Торопуном-Карапуном ночь, оттуда, из-за розовой раковины, вышел Зелёный Кузнечик. Я не удивился.

— Здравствуй, Зелёный Кузнечик!

— Здравствуй! — ответил он. Зелёный Кузнечик со мной разговаривал на «ты», просто, как в детстве.

— Ты знаешь, Зелёный Кузнечик, я никак не могу составить карту тайн моего детства.

— А ты не торопись. Время ещё есть. И постарайся вспомнить... ну... твоё детство. Закрой глаза, помолчи и...

Я закрыл глаза — и вдруг вспомнил... Да, да, вспомнил!

Я тогда болел. У меня была свинка. Это такая болезнь, так называется. Я лежал в постели. И мама принесла мне в постель голубую материю и цветные нитки.

И вот пока я болел, я цветными нитками вышил Ослика. Сам Ослик был голубой, глаза жёлтые, копытца коричневые. (На одно копытце у меня не хватило ниток, и я сделал его розовым.) Получился коврик. Мама повесила коврик рядом с моей постелью. Когда я подрос, я спрятал коврик с Осликом, и он потерялся. Теперь бы я очень хотел увидеть моего Ослика, и я рассказал об этом Зелёному Кузнечику.

— Ну, тогда возьми голубой карандаш и нарисуй Ослика, — сказал Зелёный Кузнечик.

— Где нарисовать?

— На карте, конечно.

Я послушался и нарисовал Ослика.

— А можно, я нарисую ещё Принцессу? — спросил я.

— Какую Принцессу?

И я рассказал ещё, как там, в моём детстве, приходила ко мне тётя Наташа. И хоть она уже давно приехала из деревни в город, а всё мне казалось, всё мне чудилось, как она войдёт к нам в городскую нашу комнату и будто сразу запахнет лугами и весёлой травушкой. Так она говорила «травушка». И ходила она в платке, по-деревенски повязанном. И вот однажды принесла тётя Наташа белые и разноцветные лоскутья: жёлтые, розовые, голубые и красные. И стала кроить и шить. А я ей помогал. И получилась красивая кукла-девочка. Тётя Наташа сшила ей красные сапожки.

«Тётя Наташ, — сказал я, — а где у неё волосики?»

Тётя Наташа сняла платок, вынула шпильки, распустила свою длинную косу, взяла ножницы и отрезала

кусочек от своих волос: «На́ вот. Будет у неё коса красовитая, да вплетём хорошие семишелко́вые ленточки. Получай Принцессу». Так она тогда сказала: «Принцессу».

А потом мы стали играть. Тётя Наташа ушла за шкаф, задёрнула занавеску с красными птицами и грубым голосом заговорила: «Вот идёт, идёт Расплети-косу. Вот идёт, идёт Потеряй-красу!..» Я сразу схватил Принцессу и спрятал её в кровать за подушки. А с коврика на нас смотрел голубой Ослик. И жёлтые его глаза смеялись.

— Так, значит, можно нарисовать и Принцессу? — спросил я Зелёного Кузнечика.

— Конечно, — сказал он.

Но мне вдруг стало стыдно почему-то.

— А ты никому не расскажешь, что я, дяденька с бородой и усами, когда-то вышивал Ослика и делал из тряпок Принцессу?

— Но ведь это карта тайн твоего детства, — сказал Зелёный Кузнечик. — Разве тайны раскрывают другим?

И тогда я, приободрённый, стал вспоминать про богатые реки, про молочные реки с кисельными берегами, про дремучие леса, о которых тётя Наташа рассказывала мне перед сном. И всё это Зелёный Кузнечик разрешил мне нарисовать на карте. И тогда я, совсем распалившись, вспомнил ещё...

— А Шоколадный городок тоже можно? — спросил я. — А мешок со страхами? И даже Ташино с главной тайной?

— Рисуй! Рисуй!

...И тут я проснулся. Сунул босые ноги в тапочки и побежал к письменному столу. На зелёном сукне лежала карта тайн моего детства. Она была вся разрисована. Долго я смотрел на карту, потом взял синий карандаш и написал в правом нижнем углу: «Карта составлена мной и Зелёным Кузнечиком. 19... год. Весна».

Из сказок я знал, что клады, сокровища, скрытые в оврагах, лесах, выходят из земли только весной.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ. МЫ ОТЧАЛИВАЕМ

Клады выходят из земли весной. И сейчас весна. И у меня в руках карта тайн моего детства. Я свернул карту трубочкой. Оставалось несколько часов, только несколько часов до встречи с Торопуном-Карапуном. Что мне надеть? Если отправляешься путешествовать в своё детство, что надо надеть в таком случае? Короткие штанишки? Как маленький? Нет... нет! Не надену коротких штанишек. Смешно. Все будут смеяться — дяденька с бородой и усами в коротких штанишках. Это будет какое-то пугало, а не путешественник. А вот тельняшку можно надеть. Ну конечно, тельняшку! Я натянул тельняшку. Она плотно облегла моё тело. И её синяя полосатость... Сразу настоящее море с его далёким горизонтом светло и тихо коснулось меня. И эти объятия моря уже не выпускали меня больше...

Я решил надеть свою старую кожаную куртку с «молнией». В нескольких местах чёрная кожа на рукавах потрескалась, потёрлась, стала белёсой. «Ну и прекрасно!» — думал я. Надел также чёрные вельветовые, очень старые штаны, надел, когда-то бывшие жёлтыми, но теперь неопределённого цвета, тупоносые ботинки на толстой подошве. А шляпу? Голубая фетровая шляпа была ещё совсем новая, и я решил её не брать.

Ну, готов. Пора. Я вздохнул, глянул в последний раз на тополь за окном, кивнул ему головой и вышел на улицу.

Был тёплый весенний день.

Я сел в электричку. В вагоне пассажиры разговаривали, смотрели в окно, кто-то читал. На меня не обращали внимания. И, конечно, никому не приходило тогда в голову, что человек в кожаной куртке, дяденька с бородой и усами, отправляется в удивительное путешествие за сокровищами своего детства...

На знакомой мне станции я сошёл и уверенно направился на улицу Вторая Перезвонная. Вот и берёзы, и зелёный забор, и дом.

Я хочу, чтоб навсегда остался в памяти адрес: «ВТОРАЯ ПЕРЕЗВОННАЯ, ДОМ № 5». Обычный с виду дом: одноэтажный, жёлтые бревенчатые стены, светло-зелёная желез-

ная крыша — видно, что недавно покрашена, — крылечко с гладкими перилами, семь ступенек, дверь, обитая чёрной клеёнкой.

Я нажал на чёрную кнопку звонка. Мне отворил Торопун-Карапун.

— Здравствуй!

— Здравствуйте, — ответил Торопун-Карапун. — Проходите.

Он был одет в матросский костюмчик, на голове капитанская фуражка.

— А карту принесли?

Я молча протянул свёрнутый трубкой листок.

Торопун-Карапун взял карту, развернул и углубился в неё.

— Ну что? — спросил я.

Торопун-Карапун оторвался от карты и застыл.

— Слышите?

Я огляделся, ничего не понимая.

— Слышите? — нетерпеливо повторил Торопун-Карапун. — Да там же! — и показал на дверь соседней комнаты.

Я прислушался затаив дыхание. И вдруг... понял, услышал.

— Море? — неуверенно спросил я.

— Море, — кивнул головой Торопун-Карапун.

— Там?

— Да. И скоро отправляемся в плавание.

Я свободно вздохнул. Значит, с картой всё в порядке. Торопун-Карапун подошёл к двери и распахнул её. В соседней комнате на полу лежал опрокинутый стул.

— Это пристань, — объяснил Торопун-Карапун и показал на спинку стула.

— Мне можно? — неуверенно спросил я.

— Пожалуйста! Скоро мы отчаливаем.

Я ступил на пристань.

— Вот команда. — Торопун-Карапун показал на зелёного оловянного солдатика и расписную деревянную ложку.

— Они что, поплывут с нами?

— Да. Солдатик — старший матрос, а Ложка — рулевой.

— А... я?

— А вы — коком. Поваром на корабле.
— А... где же корабль?
— Вот.
— Как? Яйцо?
— Белый остроносый корабль, — твёрдо сказал Торопун-Карапун. И, точно для того, чтобы я выучил это наизусть, повторил: — Белый остроносый корабль.
— Но на нём же нет мачт? Фок-мачты, грот-мачты, бизань-мачты...
— И не надо.
— А как же?
— Отставить разговоры! — Торопун-Карапун поднял руку и скомандовал: — Все на корабль! Приготовиться отдать концы.
Ложка и Солдатик дружно ответили:
— Есть, капитан, отдать концы!
Я шагнул вслед за ними. Наш корабль качнулся. И мы медленно отчалили.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Да, мы медленно отчалили. И весеннее солнце дунуло золотым теплом на наш корабль, и он закачался на волнах, весь золотой от солнца.

Весна! Весна-а-а! Ура!

Весна — лучшее время, чтоб искать клады. Так говорят сказки. Но ведь и мы уже плыли в сказке. Мы уже были в сказке. И нам светило это весеннее солнце, предвещающая удачу.

Первые минуты я ни о чём не думал. Я просто был счастлив, что опять маленький, как много лет назад. И я готов был прыгать и плясать от радости: «Эй вы, бородатые дяди! Посмотрите, какой я! Посмотрите, где я!» Но прыгать и плясать нельзя было, ведь наш кораблик такой хрупкий. И чтоб чего-нибудь не повредить, не сломать, я осторожно уселся на корме и подобрал ноги, к сожалению, очень длинные. Почему у меня такие длинные ноги?

Мне было неудобно сидеть, потому что наш кораблик сильно качало на волнах и он мог каждую секунду перевер-

нуться. Я упирался ладонями в его хрупкие стенки и слушал, как стучат волны: тук-тук, тук-тук... Они стучали всё сильнее и сильнее: ТУК-ТУК... ТУК-ТУК...

— Эй, капитан! Будь осторожен! Ай!..

Торопун-Карапун не успел ответить, как раздался страшный ТУК... и мы кубарем свалились в море!

— Спасите! Помогите! Ой, буль-буль-буль! Ай-яй-яй-яй!

Это кричала Деревянная Ложка, плавала и кричала. Я стал размахивать руками, чтобы выбраться куда-нибудь. Потом я увидел Торопуна-Карапуна. Он плавал рядом и нырял.

— Что ты там ищешь, капитан? — окликнул я.

— Пропал наш Солдатык, нет нашего старшего матроса, — сказал Торопун-Карапун.

— Ай-яй-яй! — кричала Ложка.

— А мне тоже искать Солдатыка? — спросил я капитана.

Торопун-Карапун ничего не ответил и меня ни о чём не попросил. Может, он ещё не привык ко мне? Может, он стесняется меня, взрослого дяденьки? И тогда я догадался, что не надо ждать приказа, надо поступать так, как капитан. И я тоже стал нырять.

— Нашёл! Нашёл! — закричал Торопун-Карапун, высоко подняв руку над головой. На его ладони стоял Солдатык с ружьём. Даже в воде он не выпустил ружья.

— Ура! — закричала Ложка, как будто это она спасла Солдатыка.

Мы огляделись и не увидели нашего корабля.

— А где же наш корабль? — захныкала Ложка. — Как мы теперь доберёмся до берега?!

Солдатык, которому сверху было видно дальше других, крикнул:

— Я вижу корабль! Вон там впереди, в открытом море.

— Вперёд! — скомандовал Торопун-Карапун и поплыл не оглядываясь.

Я схватил Ложку и поплыл за ним.

Некоторое время Торопун-Карапун молчал. И я тоже ничего не говорил. Только Ложка тихонечко стонала.

Я отфыркивался, как старик морж. Торопун-Карапун вдруг удивлённо вскрикнул:

— Там кто-то есть!

Я внимательно всмотрелся и не поверил глазам: на обломке нашего корабля плыл... да, да, плыл обыкновенный Цыплёнок!

НАШ НОВЫЙ ПАССАЖИР

На обломке нашего корабля плыл Цыплёнок.

— Ты как сюда попал? — закричала Ложка. — Это наш корабль.

— Нет, мой.

— Нет, наш!

— Нет, мой!

— Перестаньте спорить, — сказал Торопун-Карапун. — Цыплёнок прав. Ведь пока мы плыли, он сидел внутри.

— Ах, внутри яйца! — догадался я.

— В трюме, — поправил меня Торопун-Карапун.

— Идите сюда! — позвал Цыплёнок. — Места всем хватит, тут очень просторно.

Мы забрались на кораблик и стали знакомиться:

— Ложка — рулевой.

— Старший матрос — Солдतिक.

— Капитан Торопун-Карапун.

— Кок, — сказал я. — Повар.

Цыплёнок испуганно посмотрел на меня.

— Не бойся, — шепнул ему Торопун-Карапун. — Он хоть дяденька, а всё равно он раньше был мальчиком.

Познакомившись, мы сели вокруг Цыплёнка и стали слушать его историю.

— Я очень любил спать, — сказал Цыплёнок.

— А где ты спал? — спросила Ложка.

— На берегу речки, — сказал Цыплёнок.

— Там был твой домик? — спросил Торопун-Карапун.

— Нет, у меня не было домика. Я просто спал на берегу речки. У меня там были белый матрасик, белая простынка, белое одеяльце, белая подушка. И всё очень вкусное.

— Что вкусное? — спросил я.

— Белый матрасик, белая простынка, белое одеяльце, белая подушка. И всё очень вкусное.

— Как?! — удивился Торопун-Карапун. — Ты их съел?

— Да, конечно, — ответил Цыплёнок. — Потом я пошёл к речке и выпил речку.

— Всю речку?

Даже молчаливый Солдатик покачал головой.

— Да, конечно, — ответил Цыплёнок. — И я стал могучим и огромным, самым огромным на свете.

— А что же было потом? — спросил я.

— Что было потом? — задумался Цыплёнок. — Потом... Потом я лёг спать... Да, конечно, я уснул. И мне приснился сон. Будто я шагаю по дороге, а на ногах у меня новые сапожки с серебряными шпорами. Идти мне легко, я почти лечу. За спиной у меня огромные разноцветные крылья. Я встряхиваю головой, на голове у меня золотой шлем. И он сверкает на солнце. Я поднимаю голову и кричу: «Смотрите! Смотрите все на меня, какой я могучий! Смотрите!»

И я взмахнул крыльями и полетел к солнцу. И пока я летел, мне становилось всё теплее и теплее. И я подлетел к самому солнцу. И я вцепился в солнце и стал его есть...

— Вот и заврался! — закричала Ложка.

Но Цыплёнок ничего не слышал, он пищал во всю глотку:

— Да, я ел солнце, я ел жёлтое солнце, такое жёлтое и горячее и очень-очень вкусное. Мне было тепло, и ещё теплее, горячо, и ещё горячее, совсем горячо...

«Кажется, я высидел этого обжору», — подумал я про Цыплёнка. Ведь пока Цыплёнку снился сон, я уселся на тупом конце яйца, то есть на корме нашего корабля, и подобрал ноги. Мне было неудобно сидеть, потому что наш корабль сильно качался, и я прижимал ладони к его хрупким стенкам и слушал, как стучали волны: тук-тук-тук... Но это были не волны... ТУК-ТУК! Это стучал Цыплёнок!

— Я съел солнце! — пропищал Цыплёнок. — И стал такой могучий, что мне было тесно на земле и небе... И я взмахнул крыльями... И вот очутился здесь.

— Удивительный сон тебе приснился, — сказал Торопун-Карапун.

— Я не знаю, — ответил Цыплёнок. — Может, это был не совсем сон.

— Да ты в уме, что ли? — сказала Ложка. — Вон на небе

светит солнце. ничего с ним не случилось, как же ты съел его?

— Да, наверно, я съел не всё солнце, а только кусочек.

— Такой малыш, — засмеялась Ложка, — а тоже сказки рассказывает! Где твои саночки со шпорами? Где твой золотой шлем? Где?

— Отставить разговоры! По местам! — скомандовал Торопун-Карапун. — Рулевой Ложка, мы сбились с курса. Прошу тебя, гребь! Старший матрос Солдатик, смотри в оба!

А нам с Цыплёнком Торопун-Карапун ничего не приказал.

И мы остались сидеть. И, честно говоря, я очень обиделся. «Эх ты, Торопун-Карапун, — подумал я, — приравнял меня к Цыплёнку, к этому обжоре, к чужаку, который явился неизвестно откуда. А я сам без приказа не буду ничего делать. Вот не буду — и всё». И я стал смотреть на море. И мысли у меня были горько-солёные.

— Вижу глаза! — вдруг закричал Солдатик. — На горизонте вижу глаза.

— Какие глаза? Где? — зашумели мы.

Я подался вперёд. Ложка перестала грести. И мы увидели. Мы ясно увидели...

...Из глубины, из воды, на нас смотрели огромные жёлтые, очень грустные глаза.

Но вдруг поднялся ветер. Море покрылось рябью, и глаза стали тускнеть и совсем исчезли. А ветер всё крепчал, от холода мы прижались друг к другу, чтобы немного согреться. И тут солнце скрылось за тучами и стало быстро темнеть.

ГЛАВА, НАПИСАННАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Совершенно секретно

Совершенно секретно

Совершенно секретно

Пишу с борта корабля. 19.... год. Весна.

Послушайте, взрослые. До сих пор не могу понять, как появился Цыплёнок. Ведь на моей карте Цыплёнок не значился. Неужели правда я его высидел, точно курица-насед-

ка? Но это же феноменально! (Хорошо, что мы с вами, взрослые, понимаем значение этого слова.) И всё, что со мной случилось, тоже феноменально. Постараюсь описать своё состояние.

Странное чувство не покидало меня. Оказавшись в начале сказки, я... Нет, не те слова, не так... Просто я тогда замирал да сдерживал дыхание — боялся выдохнуть, потому что всё кругом было так хрупко, так непрочо и каждую секунду могло исчезнуть. Ложка и Солдатык могли замолчать. Цыплёнок же вполне мог превратиться в жёлтое пятно. Одно неосторожное моё движение — и конец сказке. А ведь я наблюдал, как при мне происходило таинственное рождение сказки. (Я даже ресницами боялся спугнуть...) Я видел, как будто из пустоты возникает, растёт... Но это не было пустотой, нет! И казалось, я вот-вот увижу, пойму, как выходит на свет сказка.

Знаете, когда я шёл на улицу Вторую Перезвонную и увидел знакомый зелёный забор и берёзы рядом, я поглядел на часы (у меня старые часы фирмы «Ракета», с большой золотой секундной стрелкой). Да, так вот. Глянул я на часы и подумал: «Сейчас ещё рано. Сколько я пробуду у Торопуна-Карапуна? Часа два, ну три — не больше. У меня в городе уйма дел. К четырём, пожалуй, успею на обратную электричку». Так я тогда подумал.

А теперь, когда я попал в сказку, я уже не знаю, когда мне удастся вернуться домой, потому что здесь, в сказке, время идёт по каким-то своим, пока ещё не понятным мне законам. И вообще не знаю, вернусь ли...

Сначала казалось, что всё в шутку, а когда попал в сказку, то... Ну, пока, прощайте! Постараюсь, если подвернётся случай, рассказать всё, что я...

Кажется, надвигается шторм, и наша скорлупка...

ШТОРМ НА МОРЕ

Да, надвигался шторм. Туча закрыла солнце. И сразу будто наступила ночь. Нашу скорлупку бросало вверх и вниз на волнах. И нам не за что было ухватиться. Гладкие стенки на-

W
P
B

3
B
R

P
C
C
P
P
P

шего кораблика сделались скользкими, я упал и больно ударился о борт. На меня плюхнулась Ложка. Я попытался встать. Ноги мои не слушались.

— Ой! Боюсь! Боюсь! — плакала рядом Ложка.

Мне и самому хотелось заплакать, но я-то знал, я хорошо знал, что дяденьки не плачут. Я поднялся и увидел Торопуна-Карапуна, бесстрашно смотревшего вперёд. Он молчал, и я понял, что мы сбились с курса.

В ту же секунду из чёрной глубины страшнее ночи поднялась огромная волна и застыла над нами. Ложка вопила от страха, а Цыплёнок сунул голову под крыло и закрыл глаза. Солдатик стоял на краю кораблика, готовый скорее погибнуть, чем выпустить ружьё. Сейчас нас накроет! Чёрная стена воды стала опрокидываться на нас. Я отвернулся и снова увидел... или мне почудилось... огромные жёлтые глаза.

— Вы его узнали? — крикнул мне Торопун-Карапун.

— Кого? — не понял я.

— А вы посмотрите на карту!

И только тут я вспомнил про карту тайн моего детства. Так неужели это... Неужели это он?..

Чёрная стена воды опрокинулась на нашу скорлупку, но каким-то чудом утлое наше судёнышко взмыло на гребень волны. Я успел развернуть карту.

— Вот он! — закричал Торопун-Карапун. — Смотрите же!

И как бы в подтверждение этих слов в морской пучине снова замерцали жёлтые глаза.

— Мы пойдём к нему! — сказал Торопун-Карапун. — Прыгайте за мной!

Наш капитан прыгнул вниз. Вода ударилась в скорлупку, окатила нас с ног до головы.

— Не бойтесь! — услышал я голос Торопуна-Карапуна из-под воды. — Прыгайте!

Отступить было некуда. Я закрыл глаза, набрал в грудь побольше воздуха и прыгнул вниз. За мной, не раздумывая, прыгнули Солдатик и Цыплёнок. И только Ложка кричала, пока её не смыло волной.

ВСТРЕЧА

Да, это был он, Ослик, мой милый Ослик из далёкого моего, довоенного ещё, детства. Короткая шёрстка его отсвечивала голубым, а большие жёлтые глаза глядели ласково. Я бы, может, и не был так уверен, что это он, если бы не переднее копытце, на которое у меня — помните, я рассказывал? — не хватило тогда ниток, и я сделал его розовым. У этого Ослика было розовое копытце!

— Ослик! — тихо позвал я. — Ослик! — Я был так рад увидеть его...

Ослик обернулся и покачал головой вниз-вверх, вниз-вверх. Но в его глазах ничего не зажглось. Никакой искорки. Ну ещё бы! Где ему узнать меня — ведь я теперь дяденька с бородой.

— Ослик! — сказал я жалобно. — Разве ты забыл нашу комнату и мою голубую кроватку, над которой ты висел, когда был ковриком, и длинноклювых птиц на розовой занавеске около шкафа? Помнишь, как ты их немножко боялся? А разве ты забыл куклу-принцессу, которую мама чуть не выбросила в мусорный ящик?

— Я так и думал, — сказал Ослик. — Я так и думал, что мы когда-нибудь встретимся. Я ждал этого!

Жёлтые глаза Ослика засветились, но в них, кроме радости, была почему-то и грусть.

— Что же мы тут стоим? — забеспокоился он. — Познакомь меня со своими друзьями.

Я представил Ослику Торопуна-Карапуна, Ложку, Солдатика и Цыплёнка.

— Можно переждать у вас шторм? — спросил Торопун-Карапун: он не забывал своих капитанских обязанностей.

— Конечно! — ответил Ослик. — Здесь есть лестница, спускайтесь, пожалуйста, вниз...

В ДОМИКЕ У ОСЛИКА

— Здесь есть лестница, спускайтесь, пожалуйста, вниз, — вежливо приглашал Ослик. — Прошу вас, не споткнитесь.

Вначале спускаться под воду было очень страшно. Но, ви-

дя, как спокойно шагает Торопун-Карапун вслед за Осликом, я подумал, что здесь нет ничего особенного. Ведь мы попали в сказку, а в сказке может быть всё. Что же удивительного, что и домик у Ослика оказался под водой! Только он был очень глубоко под водой — потому что мы долго шли по лестнице. Ослик всё оглядывался и говорил:

— Скоро шторм кончится, и вы сможете дальше путешествовать. Будьте осторожны, не споткнитесь.

Мы двигались так: впереди Ослик, за ним Торопун-Кара-

пун, потом я, потом Солдатык, который держал в одной руке ружьё, а другой поддерживал Ложку, а сзади шагал Цыплёнок. Так мы и пришли в дом Ослика.

Это был обыкновенный одноэтажный домик с небольшой верандой, садиком и огородом. Словом, он по виду ничем не отличался от других домов, в которых живут ослики.

В комнате стояла маленькая кроватка. На ней Ослик спал.

Рядом с кроваткой — этажерка с книгами. Я так люблю книги, что сразу же стал рассматривать их. И — о чудо! — это были только сказки. Но это ещё не самое главное чудо: все сказки на этажерке у Ослика были моими книгами, сказками, которые я написал. И наверху, на самом почётном месте, лежала моя любимая сказка с длинным названием: «Что было бы, если бы...» О, как я был благодарен Ослику, что здесь, под водой, он не забыл меня, читает мои сказки!

У Ослика в домике был ещё телевизор и очень много табуреток.

— Прошу вас, рассаживайтесь, — сказал Ослик.

В дверь постучали. Вошёл Морской Конёк. Он молча сел на табуретку рядом с дверью.

В дверь снова постучали. Вошла Золотая Рыбка. Она аккуратно вытерла хвостик, чтоб не наследить, и молча села рядом с Морским Коньком. С этой минуты дверь почти не закрывалась. Входили рыбки разных размеров и разной окраски: от чёрных до зелёных или даже оранжевых. Они молча рассаживались на табуретках и смотрели на нас.

— Знакомьтесь, — сказал Ослик. — Это мои друзья.

Рыбки и Морской Конёк ничего не ответили. Мне было неприятно их молчание. Очевидно, то же почувствовал и Ослик и, чтобы разрядить обстановку, сказал:

— Хотите посмотреть мой огород?

Он подошёл к окну и отёрнул занавеску.

— Вот там я развожу морскую капусту. А в саду у меня морские звёзды. Поглядите. Они очень красивые. И они живые. Сейчас они спят. Но вообще-то они умеют смеяться. А если их тронуть, они становятся, как шарики — это от страха. Они большие трусишки! Но меня они не боятся, потому что я с ними дружу. Смотрите, они кивают вам.

И действительно, странные цветы — морские звёзды — повернулись к нам и закивали своими головками.

— Как хорошо здесь, Ослик! — невольно вырвалось у меня.

Мне хотелось спросить, как Ослик попал сюда, под воду, но я боялся — а вдруг ему это неприятно? И ждал, когда он заговорит сам.

Ослик потёрся тёплой мордочкой о мой рукав:

— Мне очень грустно сегодня. Ты... не рассердишься, если я немного прогуляюсь? Мне надо побыть одному.

Я погладил Ослика, и он вышел, тихонько прикрыв дверь.

— Вы не заберёте с собой нашего Ослика? — шёпотом спросил Морской Конёк, как только дверь затворилась.

— Нет, — ответил Торопун-Карапун. — Мы просто пережидаем здесь шторм.

— Ох! — с облегчением вздохнули рыбки.

— Ослик так ждал встречи с вами, — сказал, глядя на меня, Морской Конёк, — что я боялся...

Мне, признаться, очень хотелось, чтобы Ослик отправился вместе с нами, и я ответил:

— Конечно, если он захочет, мы будем рады.

— Нет, нет, он не захочет, — возразил Конёк.

— Почему?

— Много лет назад... — начал он.

— Не так! Не так! — закричали рыбки. — Не так надо начинать. В некотором царстве, в некотором государстве... Когда... — И тут рыбки подняли такой шум, что мне хочется рассказать историю самому так, как я её понял.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВОДЯНОГО ОСЛИКА И ПРИНЦЕССЫ

Жила-была Принцесса,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Она была красива,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

И жил-был местный властелин, хозяин дворца и острова по фамилии Бим-Борин-Бим. И вот случилось... Ой-ля-ля!

Но прежде чем рассказать об этой удивительной истории, я должен предупредить, что остров, которым правил Бим-Борин-Бим, мог прятаться под воду. Да! Он мог прятаться под воду со своим дворцом и тысячами башен, со своими крошечными городками, лесами, полями и со всеми жителями. В случае опасности остров исчезал под водой, как улитка в своей раковине. Вот почему мы его не заметили, когда буря швыряла по морю наш маленький белый кораблик.

А началось всё с того, что во дворце испортился водопровод.

Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! — затрубили тревогу трубы и разбудили Бим-Борин-Бима.

— Как?! — прохрипел Бим-Борин-Бим. — Опять водопровод?

— Видимо, так, — прошептал Главный Управитель. — Наверно, опять испортился, ваше величество. Должно быть, так получилось, как в прошлый раз, когда мы, ваше величество, со всем островом пошли, так сказать, ко дну, ну и где-то что-то повредили...

— Плохо дело. Шут его знает, что у нас такое! Как теперь помыться?

— Ведёрко принесём, ваше величество.

— Что ж одно ведёрко? Надолго ли хватит?

— Да, беда.

Тра-та-та-та! Тра-та-та! — гудели трубы над дворцом и над всем островом.

И от этого шума проснулась Принцесса.

— Что случилось? — спросила она.

— Опять водопровод, — вздохнул Бим-Борин-Бим.

— А как же я помою своё белое лицо?

— Сейчас ведёрко принесут. А что потом будет, ума не приложу. Мастера не дождёшься. Да и всё старое. Надо бы трубы поменять — денег нет.

— Кажется, придумал, ваше величество, — прошептал Главный Управитель, потирая руки. — А что, если женить Принцессу?

— Чего?! — прохрипел Бим-Борин-Бим.

— То есть выдать замуж, ваше величество. Не по-настоящему, конечно, а понарошке. А женихи придут, заста-

вим воду носить. Кто больше принесёт воды, тот, так сказать, и женится на принцессе.

— А если принесёт? — прохрипел Бим-Борин-Бим.

— А кто ж считать будет? — просиял Главный Управитель и захихикал от радости. — Я буду считать. А я считать не умею. Не обучен.

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! — обрадовался Бим-Борин-Бим.

— Я и по пальцам не умею, ваше величество.

— Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!

— А они воду будут нам таскать, женихи-то!

— Объявить всем! Женим Принцессу! — крикнул Бим-Борин-Бим.

Тра-та-та! Тра-та-та! — затрубили трубы.

И потянулись ко дворцу женихи — кто с ведёрком, кто с тазом, а кто с целой бочкой. А у ворот стоял Главный Управитель, хихикал и загибал пальцы на своей руке, будто подсчитывал, кто сколько воды принёс.

А из окошка смотрели Бим-Борин-Бим и прекрасная Принцесса. И — ха-ха-ха! — они смеялись. А толпа любовалась да восторгалась — конечно, только издали — красивым лицом Принцессы. А воды нанесли столько, что велено было выливать воду в море — столько воды нанесли.

А Бим-Борин-Бим приказывал ещё носить, да узнать: есть ли кто в городе, или в маленьком городишке, или в самом маленьком домике — есть ли такой житель, кто не ищет руки Принцессы, не хочет воду носить?

И узнали: есть такой! Есть один маленький Ослик, что живёт на берегу у самого моря в маленьком домике, — он не хочет воду носить. Тогда Бим-Борин-Бим призвал своего Главного Управителя.

— Что ты про это скажешь? — спросил Бим-Борин-Бим.

— Плохо дело, ваше величество, — ответил Главный Управитель. — Ослик ведь больше всех мог воды натаскать, а не хочет. С чего бы это, ваше величество?

— Пойди, поговори с ним, — приказал Бим-Борин-Бим.

— Слушаюсь! — ответил Главный Управитель.

Об этом разговоре узнала Принцесса. Ей очень захотелось посмотреть на упрямого Ослика. И, пользуясь темнотой, накинув на голову чёрный платок, чтоб её никто не узнал, Принцесса побежала вслед за Главным Управителем. Дойдя до маленького домика, в котором жил Ослик, Управитель стал бить кулаками в двери.

— Отворяй! — кричал он. — Немедленно отворяй!

— Пожалуйста, входите, — сказал Ослик, вежливо пропуская Главного Управителя.

— Разве ты не хочешь жениться на Принцессе? — грозно спросил Главный Управитель.

— Не хочу, — потупился Ослик.

— Но почему же ты не хочешь жениться? Почему?

— Не кричите на меня, не кричите, пожалуйста, — попросил Ослик.

— Слышишь, принеси воды во дворец!

— А я не хочу!

— Ну погоди! — пригрозил Главный Управитель и со злости прошёл прямо сквозь стену Осликова дома.

Принцесса, слышавшая весь этот разговор, вернулась грустная. Она-то узнала Ослика. Сам Ослик был голубой, глаза жёлтые, копытца коричневые, а одно — розовое. Как увидела Принцесса розовое копытце, так сразу и догадалась. Но Принцесса об этом никому не сказала и, только вернувшись во дворец, попросила Бим-Борин-Бима:

— Обязательно позови Ослика к нам во дворец. Пусть это будет наш Голубой Ослик. Только позови его вежливо. Ослик очень гордый и упрямый.

— Что значит гордый?! — грозно сказал Бим-Борин-Бим. — Если я зову, он должен прийти.

И Бим-Борин-Бим послал войска за Осликом.

Ослик, как только увидел солдат, ничего не сказал, ничего с собой не взял, просто ушёл под воду. С тех пор все называют его Водяным Осликом. И с тех пор Принцесса каждое утро ходит вдоль моря и ждёт, когда появится Ослик.

А Ослик смотрит из воды на Принцессу грустными глазами. А выйти на берег не хочет. Так и живёт под водой в своём домике.

ОСТРОВ ПОДНИМАЕТСЯ ИЗ ВОДЫ

— Скоро кончится шторм! Кончится шторм! — зашумели рыбки.

— Давайте включим телевизор, — предложил Морской Конёк. — И посмотрим, как поднимается остров из воды.

— Как поднимается остров из воды, — откликнулись рыбки.

— А кто умеет включать телевизор? — спросил Морской Конёк. — Ослик умеет, но он не будет.

— Почему он не будет? — удивился я.

— У него на это есть свои причины, — прошептал Морской Конёк и сочувственно вздохнул. — Он не хочет смотреть на остров, потому что на острове живёт кое-кто, кого бы он не хотел сейчас видеть. И, пожалуйста, если можно, не спрашивайте его об этом.

— Но кто же нам тогда включит телевизор? — зашумели рыбки.

Рыбки уставились на меня. Наверно, потому, что я был здесь самый старший. Но я не знал этого телевизора — боялся, что начну включать и что-нибудь испорчу, и тут меня выручил Торопун-Карапун.

— Давайте я включу, — сказал он и поднялся с кресла. — У нас дома такой же.

Торопун-Карапун покрутил одно колёсико, покрутил другое, и на голубом экране появилось голубое небо, а потом синее море. Море уже было спокойным, шторм кончился.

— Сейчас! Сейчас! — зашумели рыбки.

В море показалась точка. Она стала расти и превратилась в человечка.

— Главный Управитель, — сказал Морской Конёк. — Он всегда первый выходит.

И мы увидели, что в руках Главного Управителя была тоненькая верёвочка. Он чихнул, дёрнул за верёвочку и... появился остров — с дворцом и тысячами башен, с городами, полями, лесами и со всеми жителями. И было видно на голубом экране, как человечки чистили улицы, собирали морские звёзды. Из морских звёзд они составляли разноцветные букеты и украшали свои дома.

Во дворце зажгли свет. И в большом зале дворца накрыли стол. За стол сели Бим-Борин-Бим, по левую руку — Главный Управитель, а по правую руку — Принцесса. Как только появилась Принцесса, кто-то тихо вздохнул. Мы оглянулись. Это вздохнул маленький Ослик, — мы даже не заметили, когда он вошёл в комнату.

— Ой, как я хочу есть! — вдруг пропищал Цыплёнок.

И мы тоже почувствовали, что проголодались за день.

— А у нас есть кок, — сказал Торопун-Карапун и кивнул на меня. И впервые за всё наше путешествие он отдал мне приказ: — Пожалуйста, приготовьте нам ужин.

— А из чего? — спросил я.

Ослик с трудом оторвался от телевизора.

— Я сейчас принесу морскую капусту, — сказал он. — Из неё можно сварить что угодно.

Вместе с Осликом я пошёл на огород. Мы стали собирать морскую капусту.

— Ты помнишь, — сказал вдруг Ослик, и глаза его немного повеселели, — ты помнишь, как в твоей комнате мы построили себе домик под большим обеденным столом?

— Да, да! — подхватил я. — Это был отличный простор-

ный дом, и главное — никто не знал, что мы живём там! Ты висел на одной его стене — помнишь? — я прикрепил коврик булавками к скатерти; а кукла в красных сапожках... то есть, прости, Принцесса сидела на перекладине у противоположной стены... Помнишь, тётя Наташа называла её Принцесса.

— Я не хочу сейчас о ней говорить, — покачал головой Ослик. — Лучше поговорим о твоём папе. Да, так вот, когда вошёл твой папа, — вспомнил Ослик, — он очень удивился, что тебя нет в комнате, — шубка висит, а тебя нет. И сел к столу...

— И его ноги в сапогах, — перебил я, — оказались в нашем домике. И мы затаились и боялись рассмеяться.

— Я очень любил твоего папу, — вздохнул Ослик. — А помнишь, как мы ждали его по вечерам, летом, на даче?

— Да, да. Мы жили тогда возле озера, а на том берегу жили разбойники, — сказал я. — А папе надо было обогнуть почти всё озеро. Я очень волновался.

— Может, там и не было разбойников, — сказал Ослик. — Может, мама говорила тебе так, чтобы ты не убегал далеко?

— А ведь ты, пожалуй, прав! — засмеялся я. — Какие там разбойники! Мы с тобой были очень маленькими тогда и доверчивыми.

— Да, да, — кивнул Ослик.

— Смотрите-ка, они беседуют! — услышал я вдруг голос Цыплёнка. Он глядел в окно. Пух на его голове и животике стоял дыбом от злости. — Они хотят уморить нас голодом!

— Сейчас, сейчас! — заволновался я. — Простите, друзья.

Я схватил целую охапку морской капусты, притащил её на кухню. Там с помощью Ложки я приготовил целую гору капустных котлет. Они были немножко солёными. Только это не потому, что я перестарался, а потому, что вода в море солёная.

Мы поставили котлеты на стол и сели ужинать, продолжая смотреть телевизор. Там, во дворце, подавали какие-то удивительные яства. А мы не завидовали и уплетали котлеты с большим аппетитом.

Скоро на нашем столе не осталось ни одной маленькой, ни одной даже крошечной котлетки.

Тра-та-та! Тра-та-та! Та-та-та-та! — затрубили во дворце.
— Это значит — надо ложиться спать, — сказал Морской
Конёк. — Это значит — утро вечера мудренее.

СРАЖЕНИЕ

Утром я проснулся оттого, что у меня в ногах завозился Цыплёнок. Я открыл глаза и увидел, что я ещё в домике Ослика. Но хозяина не было. Торопун-Карапун сидел и смотрел телевизор. Рядом с ним примостились рыбки.

— Доброе утро! — сказал я шёпотом. — А где Солдатык? Где Ложка?

— Солдатык охраняет дом, а Ложка ещё спит, — тоже шёпотом ответил Торопун-Карапун. — И во дворце все спят.

Я оделся и сел рядом с Торопуном-Карапуном. И во дворце, и на всём острове никто ещё не просыпался.

— Я хочу её увидеть... — прошептал Торопун-Карапун.

Вдруг во дворце открылась маленькая калитка, и вышла Принцесса. Она побежала по улице прямо к морю. Зачерпнула рукой воду, вымыла своё белое лицо и осталась стоять у берега. Она тихо запела:

Ты заря ль моя, зорюшка,
Солнышко восхожее,
Ай люли-полюли, ой восхожее!

От звука её голоса в руках у неё появлялись цветы.

Ай, жёлтые,
Люли, розовые,
Полюли, голубые,
Ой, красные!

Принцесса помахала цветами и бросила их в воду:

— Ай люли-полюли, ой, плывите!..

Из воды показался Ослик.

— Ну, чего ты упрямисься? — сказала она. — Почему ты не идёшь на берег?

— Не хочу, — качнул головой Ослик. — Мне и отсюда слышно. Спой ещё песню тёти Наташи.

— Про солнышко?

— Ага...

— А ты подойди поближе.

— Вот ещё...

— Ты всегда был упрямым Осликом. Помнишь, сколько раз раньше я просила тебя: сойди, пожалуйста, с коврика, будем играть вместе на полу. А ты не хотел.

— Потому что ты важничала. Подумаешь, Принцесса в красных сапожках. Не люблю, когда важничают.

— Не Принцесса, а Принцесса. И вовсе я не важничаю. Ослик упрямо помотал головой.

— Ну хорошо, хорошо. Я спою тебе песенку тёти Наташи про солнышко.

И Принцесса сняла с головы красный платочек, распустила русую косу с голубыми ленточками и тихонько запела:

Ах ты солнышко восхожее,
Высоко всходило,
Далеко светило,
Через лес да поле,
Через сине море.
Ай-лелей-ка,
Сполелейка,
Сине море...

Ослик, выходи из сине моря, выходи на берег. Помнишь, как тётя Наташа говорила: «Что ты, малышка, закручинился?» Это она про тебя говорила, когда ты ещё висел на коврике. Не упрямясь, приходи скакать на бережок. Ну, подними же своё розовое копытце! Выходи!

Ослик вздохнул.

— Я ж на тебя не кричу, — просила Принцесса, — я ж тебя ласково зову. Ослик! Глупенький... Глупышкин... Самый глупый Ослик на свете!

Глаза Принцессы заблестели от слёз. На экране телевизора замелькали какие-то пятна и полосы.

— Телевизор! Телевизор испортился! — закричали рыбки.

— Я сейчас исправлю, — сказал Торопун-Карапун.

Он так волновался, что перепутал колёсики. Но вот наконец он повернул нужное колёсико, мы все прильнули к экрану и увидели, как Ослик, переступая копытцами, приближается к берегу, на котором стоит Принцесса. Торопун-Карапун улыбался.

Он был рад за маленького Ослика и Принцессу. И мы все тоже были очень рады.

И вдруг над дворцом разнеслось:

Бам-тарам-барам!

Бум-турум-бурум!

От каждого звука трубы рождался солдатик. Он брал ружьё и бежал строиться около дворца. Солдат становилось всё больше и больше. Из дворцового окна высунулся сам Бим-Борин-Бим с трубой. Он громко трубил. И солдат становилось ещё больше. Они запрудили дворцовую площадь и соседние улицы. На солдат смотрели Принцесса и Ослик.

— Ой, солдаты! — вскрикнула Принцесса. — Это за тобой! Бим-Борин-Бим идёт на тебя войной. Но я-то ничего не знала. Я, честное слово, ничего не знала. Ты мне веришь, Ослик?

Ослик ничего не сказал. Повернулся и опять скрылся в море.

Принцесса заплакала.

Солдаты уже построились. Впереди встал сам Бим-Борин-Бим. Он вытащил из ножен саблю, взмахнул ею, и солдаты двинулись к морю.

— А ну, песню! — скомандовал Бим-Борин-Бим.
Солдаты грянули песню:

Будем в ратниках ходить!
Эй-я! Ой-я!
Будем головы рубить!
Эй-я! Ой-я!

И в такт песне Бим-Борин-Бим размахивал трубой и саблей. А на берегу сидела Принцесса и плакала, закрыв руками лицо.

— НУ, СЕЙЧАС Я ИМ ПОКАЖУ! — крикнул вдруг Торопун-Карапун. — СЕЙЧАС ОНИ УВИДЯТ ОСЛИКА. Я ИМ ПОКАЖУ ТАКОГО ОСЛИКА!

Торопун-Карапун выбежал из дома. Выбежал и вдруг... Что это такое? Я едва узнал Торопуна-Карапуна — он вырос и стал огромным, как Гулливер, даже ещё больше! Голова его упиралась в облака, а весь остров под ним, поля и леса, дворец и солдаты стали маленькими-маленькими, даже трудно их было разглядеть.

Я очень разволновался. Я вспомнил вдруг Ташино из далёкого моего детства, вспомнил друга Витю и наш ночной разговор у горячей печки... Но вспоминать было некогда, потому что Торопун-Карапун, размахивая руками, двинулся на войско Бим-Борин-Бима.

— Уходите отсюда! — загремел он, и от голоса его содрогнулся весь остров.

Я никогда не видел, как Торопун-Карапун сердится. А сейчас он сердился. Солдаты бросали ружья и превращались в звуки, только очень жалобные звуки:

Бем — пропал солдатик,
Тем — пропал второй,
Рум — третий,
Эрум-турум-бурум — четвёртый, пятый, шестой...

— Ура! — крикнули Ложка и Цыплёнок. Оказывается, Ложка уже проснулась, и они оба тоже смотрели телевизор.

— Я вам не позволю обижать Ослика! — гремел над морем голос Торопуна-Карапуна. — Оставьте Ослика и Принцессу в покое навсегда!

И от этого страшного голоса Бим-Борин-Бим выронил свою трубу и саблю. Торопун-Карапун дунул, и труба и сабля покатались в море. А в окне дворца появилось испуганное лицо Главного Управителя. Он дёрнул за верёвочку, и весь остров ушёл вглубь.

Остались только на воде цветы — те цветы, что бросила Принцесса.

Жёлтые. Розовые. Голубые. Красные.

Но скоро их тоже не стало видно, потому что ветер прогнал их. И телевизор погас.

ВЕСЕЛЬЕ В ДОМЕ У ОСЛИКА

Торопун-Карапун ещё не успел возвратиться в домик Ослика, а там уж набилось полно народа: рыбки всевозможных окрасок, рачки и, конечно, Морской Конёк.

— Рассаживайтесь! Рассаживайтесь! — командовал Морской Конёк так, точно это был его собственный дом. — Сейчас он придёт, наш славный победитель.

Но вошёл Ослик. Он грустно посмотрел на то, что творилось в его доме, и ничего не сказал. Ничего не сказал, даже когда Морской Конёк, чтоб лучше видеть, стал ногами на его постель, а на его подушке устроилась большая толстая каракатица. А на столе разлеглись рыбки-бониты; в чернильнице сидел небольшой осьминог; в его любимом кресле развалилась медуза, а на этажерке прыгала рыбка-губан.

— Ну, ты доволен? — кричал Морской Конёк, подскакивая на кровати. — Как Торопун-Карапун здорово их, а? Он как крикнул, а они как затряслись! Ой, ха-ха! А ты чего молчишь, Ослик?

— Он потерял голову от счастья, — смеялись рыбки.

В это время дверь открылась, и вошёл Торопун-Карапун. И мы все: и я, и Ложка, и Солдатик, и все рыбки, и, конечно же, Морской Конёк — закричали:

— Ура-а-а!

Я смотрел на Торопуна-Карапуна. Он смущённо улыбался.

— Ура-а-а! Ура-а-а!

— Да бросьте вы в самом деле, — пробормотал Торопун-Карапун, стараясь незаметно пробраться в угол.

— Он победил Бим-Борин-Бима! — уже не кричал, а хрипел Морской Конёк. — Ие-го-го-го!

— Да что вы раскричались, — сконфуженно проговорил Торопун-Карапун, — я и не воевал. Я просто сказал, чтоб они уходили и не обижали Ослика.

— Ие-го-го-го! — ржал Морской Конёк, как настоящий большой конь, и подскакивал на кровати.

— Хватит в конце концов! — начал сердиться Торопун-Карапун. — И потом, нам уже пора в путь.

И сразу наступила тишина. Я смотрел на Торопуна-Карапуна и думал: какой он всё-таки хороший мальчик. Не всякий взрослый сумеет так вести себя.

— Нет, — сказал Морской Конёк, — нет, Торопун-Карапун, мы так не отпустим вас. Мы покажем вам самое прекрасное, что есть в нашем сказочном море! — И он крикнул рыбкам: — А что в море самое прекрасное?

— Да, что самое прекрасное? — откликнулась с этажерки рыбка-губан и хлопнула хвостом. — Городок все хвалят. Шоколадный всё хвалят.

— А далеко ли городок? — спросил Морской Конёк.

— Он под лесом-лесом-лесом, под зелёненьким, — запела рыбка-губан.

— А хорош ли городок?

— Хорош! Хорош! — зашумели рыбки.

А рыбка-губан с поклоном сказала:

— Просим вас, дорогой Торопун-Карапун, посетить наш Шоколадный городок.

— Просим! Просим! — закричали рыбки и тоже поклонились. — Уж не обидьте, пожалуйста! Уважьте, уважьте!

Торопун-Карапун поглядел на меня, я — на него, и мы без слов поняли друг друга. Я достал из нагрудного кармана сложенную вчетверо карту, а Торопун-Карапун карандашом обвёл на ней точку, под которой было написано: «Шоколадный городок».

— Мы принимаем приглашение! — весело сказал он. — Спасибо.

— Ура! — отозвались рыбки. — Ура-а-а!

Рыбка-губан подпрыгнула от радости до потолка и запела:

А кто у нас лебедин?
Торопуша-лебедин!
Карапуша-лебедин!

И тут наша Ложка расхрабрилась, оттолкнула рыбок и пошла вприсядку:

Эх, калина, ты, малина,
Чёрная смородина... И-и-их!

— Эх! — Рыбка-губан рванула на себе чешую так, что чешуйки полетели серебряными блёстками, и прыгнула с этажерки на пол да стала выделять кренделя — и чечётку отбивать, и пошла вприсядку, и через голову, и плавниками хлопала, да ещё подпевала:

Березничек кустовой,
Осинничек листовой...

И мы хлопали в ладоши, отбивая ногами. Там-да-рита-та-там! Там-да-рим-пам-па-пам!

И пошло веселье, пошла гулянка на всю ночь.

МЫ РАССТАЁМСЯ С ОСЛИКОМ

Рано утром, когда ещё только светало, из дома шумной компанией вывалились медузы, рыбки и Морской Конёк.

— Ну чего? Давайте прощаться, — сказал Морской Конёк.

Рыбка-губан всё притопывала и пришлёпывала хвостиком.

— Приезжайте ещё, дорогие гости, — говорила она. — Попоём вместе. Ох и певуны у нас есть, прямо заслушаешься! Это медузы не поют, больше поесть любят, а рыбки-то ох как славно поют!

— А у нас тоже в деревне... Э-э-э-ха-ха! — смеялась Ложка. — Три-та-тушки, три-та-та! И-и-их!

— Собирайтесь! Собирайтесь! — торопил Морской Конёк. — Дорога не ближняя.

— Да ты погоди! — смеялась Ложка. — Не суетись ты, господи боже мой!

Ослик тоже вышел нас провожать. Торопун-Карапун подошёл к нему.

— Если что будет нужно, — сказал он, — мы всегда поможем.

Ослик кивнул.

— Всё будет хорошо, — сказал Торопун-Карапун. — Теперь тебя никто не посмеет обидеть.

— Садитесь! Садитесь! — торопил Морской Конёк. — А я сзади поскачу.

У порога ждали длинномордые рыбы-тунцы.

Мы уселись верхом на тунцов. Я успел погладить упрямого Ослика. Шёрстка у него была мягкой и тёплой.

— Как хорошо, что мы встретились, Ослик! — шепнул я. — Мы тебя не забудем!

— Я тебя тоже. И Торопуна, — сказал Ослик.

Мимо меня промчались Торопун-Карапун, Цыплёнок, Солдатык и Ложка. Мой тунец рванулся вслед за ними.

Дорогу нам показывала Рыбка-кормчий. Мы быстро уходили всё глубже в море. Ещё только светало, а мы летели в темноту, будто назад — в ночь. Ложка, ехавшая впереди меня, оглянулась и крикнула:

— А ничего погуляли! Губан этот здорово отплясывал! — она засмеялась. — «Березничек кустовой, осинничек листвоной...»

Я сильнее сжал коленями своего тунца. Тунец рванулся вперёд, обогнал Ложку, Солдатыка и стал приближаться к большому тунцу Торопуна-Карапуна. Торопун-Карапун заметил это слишком поздно. Я вырвался вперёд.

— Догоняй! — крикнул я.

Мне стало весело. Глаза Торопуна-Карапуна заблестели.

— Алери! Алери! — крикнул он на языке, который только что придумал.

И тунец его понял. И прибавил скорость. И начались гонки.

Дж-ж-ж-жжжих! — это в вихре промчался мимо меня Солдатык.

— Ха-ха! Счастливи оставаться! — мимо пронеслась Ложка, обдав меня волной.

Дж-ж-жж-жих! — промчался мимо меня Торопун-Карапун.

— Эй-эй! Поднажми! — подбадривал я своего тунца.

Но что это? Меня обгонял Цыплёнок. Даже Цыплёнок обгонял меня.

— Э-эй! Прибавь хоть чуточку скорости! Мы ведь почти ползём!

Мой тунец всё отставал и отставал. И я понял. Я вдруг понял: ведь я тяжелее их! Ведь я дяденька. И мне ли угнаться за ними...

— Тише! Прошу вас, потише! — простонал, задыхаясь, Морской Конёк. Он с трудом поспевал за нами.

— Действительно, зачем нам спешить? — сказал я, притормаживая своего тунца. — А далеко ли ещё до городка?

— До ночи не успеем, — сказал Морской Конёк. — Придётся переночевать в пути.

В ГЛУХОМ ЛЕСУ

Мы мчались на своих тунцах в полной тишине. В поле, мимо которого мы ехали, беззвучно покачивались водоросли. Неподалёку был лес, но оттуда не слышно было птиц.

— Глуховато у вас, — сказал я Морскому Коньку, невольно переходя на шёпот.

— Такое время года.

В этих лесах, подумал я, нет рыжих белочек. Они не раскачиваются на ветках, не строят домиков, не собирают шишек. Зайцы не оставляют следов на дорожках. Потому что нет зайцев в этих лесах, нет птиц. Вот и тихо.

Мы проехали мимо деревни, где жили морские звёзды. Но и здесь не слышалось ни звука. Звёзды молча открывали двери своих маленьких домов и удивлённо смотрели нам вслед.

Сразу за деревней дорога свернула к болоту — бесконечному и унылому. Впереди виднелась чёрная туча. Мой тунец сильно отстал.

— Эй! Подождите-е-е! — крикнул я.

И эхо глухо ответило:

«Ите... ите...»

Двигался я совсем уж медленно. Хвост моего тунца вяз в чёрной трясине. Дороги не было видно...

— Не отставайте! — прохрипел Морской Конёк.

Говорить мне было трудно, и я только молча кивнул.

— Поднажмите ещё немножко, — сипел Морской Конёк. — Они нас подождут.

И правда, скоро я увидел Торопуна-Карапуна. Он сидел на своём тунце и ждал. «Какой заботливый наш капитан, — подумал я. — С таким не пропадёшь».

Когда мы остановились, было уж совсем темно. Над лесом поднялась рыба-луна.

— Тут недалеко тропинка, — сказал Морской Конёк. — Она ведёт в ущелье. А там речка, пресная вода. Можно напиться вдоволь и отдохнуть. Только туда очень страшно спускаться.

— Как это — страшно? — удивился Торопун-Карапун. — Раз надо, значит, спустимся.

Мы отпустили своих тунцов, они махнули нам хвостами и поплыли назад, а мы все заскользили по тропинке вниз и скользили всё быстрее и быстрее, пока не полетели куда-то в темноту и шлёпнулись на что-то мягкое.

— Приехали! — сказал Морской Конёк.

При свете рыбы-луны мы увидели, что находимся на полянке среди белых цветов. Одних только белых цветов. И вдруг что-то знакомое, страшно знакомое пахнуло на меня из моего детства. Я задрожал от волнения.

— Здесь, здесь! — закричал я. — Я помню эту поляну...

МЕШОК СО СТРАХАМИ

Глава, написанная только для храбрых маленьких ребят
(те, кто боятся, не должны её читать)

— Я помню эту поляну, — закричал я, — и эти белые цветы!

В то давнее, давнее время — это было ещё задолго до войны — я жил в маленьком городке. Городок наш был такой маленький, что каждое утро кузнечики будили его своим звоном. Просыпаясь, я тут же бежал через овраг к старой колокольне. Крыша на колокольне была наполовину сорвана. И когда дул ветер, железо на крыше скрипело и стучало. На камнях разрушенной ограды росла трава.

В то лето было очень жарко. Я жил тогда у бабушки на самом краю города. По оврагу можно было выйти к кладбищу. Но я никогда не ходил — боялся. А ночами иногда шумели ливни. И мы плохо спали. Где-то рядом хлопало, и я догадывался, что, наверно, моя бабушка тоже боится. Самое страшное — это филин. Он жил на кладбище и прилетал оттуда. Садился на забор возле нашего дома и ухал.

«Бабушка, — шептал я, — я боюсь...»

Я забирался к ней в постель, а она гладила меня, приговаривая:

«Ну чего ты... Поспи до кузнечиков».

Но я не спал. Я всматривался в темноту, пока не устали глаза. Было тихо. Ни один звук не нарушал тишины. Но я-то знал, что на кладбище, неподалёку от нас, есть чёрный дом с одним окном. Спину к двери, скрючившись, сидит сам хозяин дома в очках на крючковатом носу и старыми, жилистыми руками перелистывает железные, ржавые страницы книг, и они стучат и скрипят, стучат и скрипят. А когда поднимается луна и жёлтый её свет проникает в окошко, старик с треском захлопывает книгу и страшно так взды-

хает: «Ух! Ух!» Я знал, кто этот старик. Филин. Он полетит к нашему дому.

«Бабушка! — звал я. — Бабушка!»

Однажды утром бабушка принесла мне большой холщовый мешок. Мешок хранил запах зерна и пыли.

«Вот, — сказала бабушка. — Спрячь в него все свои страхи».

«А скрипучие можно?»

«Все страхи спрячь: и ползучие, и летучие, и скрипучие тоже... Вот тебе завязочка. — И бабушка протянула мне толстую верёвку. — Завяжи покрепче. Чтоб ни один страх не убежал».

Ночью я не спал.

Трам-чам! Трам-чам!..

Это калитка проскрипела или кто-то ещё. Я схватил мешок и спрятал в него скрип.

«Ам-м-м! Бегурчимбо! Бегурчимбо! И у-уч-ч!» — раздался в саду чей-то крик.

И его я тоже спрятал в мешок.

«Ха-ха-ха! Мяо-ох-ох! Охо-хохо!»

Я держал мешок, и руки у меня дрожали.

«Ух-ух!.. Ух-ух!..»

Это филин стонет. Я спрятал и его стон. Мешок сразу стал тяжёлым. Я взвалил мешок на плечи и вышел из дома. Я хотел его закопать в огороде. Но это было слишком близко от дома. И я решил унести подальше.

Я почему-то не пошёл в калитку, а перелез через забор и с мешком за плечами побежал по оврагу. Я решил пойти на кладбище и похоронить свой мешок. А когда я поднялся из оврага, то увидел поляну с белыми цветами.

— И вы бросили мешок на этой поляне? — спросил Торопун-Карапун, и глаза его стали большими и тёмными.

— Да. Я хорошо помню эти белые цветы. Здесь должен быть камень. Я спрятал мешок под камень. Но прежде чем хорошенько его завязать, я нашептал туда все свои страхи, которые знал. Потом крепко-накрепко завязал мешок. А сам пустился бежать домой. И тогда первую ночь я спал спокойно. Даже кузнечики не разбудили меня.

— Вспомнил! — закричал Морской Конёк. — Тут неда-

леко лежит один камень. Только он очень большой и тяжёлый. Может, это тот камень? Я могу показать.

Но никто не тронулся с места. Тогда вперёд выступил Торопун-Карапун.

— Пойдёмте посмотрим, там ли он. У нас на карте есть мешок со страхами.

— А ты не боишься? — спросил я. — Вдруг мешок дырявился?

— Потому-то и надо посмотреть, — сказал Торопун-Карапун и шагнул в темноту.

МЫ НАХОДИМ МЕШОК СО СТРАХАМИ

Торопун-Карапун шагнул в темноту и не оглянулся. Он был уверен, что мы пойдём за ним. И мы пошли.

Мы шли без дороги. Вокруг нас, как мошки, вились рыбки-светлячки.

— Вот он, здесь! — крикнул Морской Конёк.

Мы увидели огромный камень, поросший мхом. Торопун-Карапун с удивлением посмотрел на меня.

— Как же вы подняли тогда этот камень? — спросил он.

— Наверно, со страху, — сказал я.

Торопун-Карапун потёр руки и подступил к камню. Мы все попятились. Вдруг сейчас с воем и визгом вырвутся страхи? Торопун-Карапун чуть побледнел, шумно вздохнул и навалился на камень плечом.

— Э-э-э-э! Тащите, если там что-нибудь есть! — прохрипел он. — Не бойтесь, я удержу.

Мы заглянули под камень. И ничего не увидели. Да и в темноте трудно было что-либо разглядеть.

— Ищите! — крикнул Торопун-Карапун глухим от натуги голосом.

Мы залезли под камень. Я стал щупать рукой. Стенки камня, мокрые и скользкие, нависли надо мной. Морской Конёк нырнул под камень и тут же выскочил.

— Есть! Нашёл! — крикнул он, размахивая маленьким мешочком.

Я удивился: такой маленький! А тогда, давно, в те давние времена, он мне казался большим и тяжёлым.

— А ну посмотрите, что там, — сказала Ложка, на всякий случай отодвигаясь.

Торопун-Карапун опустил камень и облегчённо вздохнул. Мы сели вокруг мешка. Рыбки-светлячки неслышно приблизились к нам.

— Я сам его развяжу, — громко сказал Торопун-Карапун. — А вы чуточку отойдите... Ого! Какая крепкая верёвка.

— Это мне бабушка тогда дала, — сказал я.

— Слышите? — прошептала Ложка. — Вы послушайте только.

Мы нагнулись над мешком.

— Что это?

— Ой-ёй-ёй!..

— Там огонёк горит!

— Ой, смотрите! Медведь идёт...

Скрип... Скрип...

Скрип... Скрип...

— Медведь на гору поднимается...

— Когда я был маленький, то очень боялся этой сказки.

— Какой?

— Про хромого медведя.

Скрип... Скрип...

На липовой ноге,

На берёзовой клюке.

Все сёла спят,

Все деревни спят,

Одна баба не спит,

На моей коже сидит,

Мою шёрстку прядёт,

Моё мясо варит...

— А вон дальше, где огонёк горит, там маленький чёрный дом, видите?

— Да, видим.

— На крыше там трава растёт. Шевелится трава. Это ЕГО дом.

— Филина, да?

— А чего это трава шевелится?

— Ветер, наверно.

«Ау-чи-ко-о-о! Гра-у-у! Э-у! Э-у!»

— А это что?

— Птица какая-нибудь.

«Ле-го-рр! Жик! Жик! Чжи!»

«Курш-ш-ш-ш! Курш-ш-ш-ш!»

— Скорей завяжите мешок! — крикнула Ложка. — Ой, матушки!

Торопун-Карапун взял верёвку и начал перевязывать мешок. И тут вдруг раздалось:

— Ух-ух! Хо-хо-хо-хо... Меня выпустили! Меня выпустили!

Тёмные крылья ударили меня по лицу.

— Это Филин! Филин! — закричал я.

Но было поздно. Филин выпорхнул из мешка и улетел. И кругом опять стихло.

Торопун-Карапун отвалил камень, Морской Конёк с мешком нырнул под камень, тут же выскочил, и Торопун-Карапун опустил камень.

— Пусть там лежит, — сказал Торопун-Карапун. — Только надо написать на камне, чтоб его никогда никто не трогал.

— Я сейчас позову рыбку-карандашик, — сказал Морской Конёк. — Эй! Рыбка-карандашик!

Приплыла Рыбка-карандашик.

— Напиши, пожалуйста, рыбка-карандашик, чтобы малыши никогда не трогали этот камень, — сказал Торопун-Карапун.

— И чтоб большие, которые стали маленькими, — сказал я, — тоже никогда не трогали этот камень.

Мы подумали вместе, и вот что написала рыба-карандашик:

Дорогие малыши и взрослые, которые стали маленькими!

Под этим камнем лежит мешок. А в мешке живут страхи: ползучие, летучие и скрипучие. И пока вы не стронете камень, не развяжете мешок, вы можете ничего не бояться!

«Ух-ух! У-ху-ух!» — раздалось вдалеке.

Это кричал Филин.

— Ну ничего, — погрозил Торопун-Карапун. — Он ещё нам попадётся.

ПО ДОРОГЕ К ШОКОЛАДНОМУ ГОРОДКУ

С рассветом мы двинулись в путь. Как только мы поднялись из ущелья, удивительная картина предстала перед нами. Вдалеке сияли шоколадным блеском башни, острокопечные крыши домов и крепостная стена Шоколадного городка. Шоколадный городок был совсем уже недалеко.

И вдруг Торопун-Карапун приказал всем остановиться.

— А где же Цыплёнок?

Действительно, Цыплёнка не было с нами.

— Может, он потерялся?

— Как — потерялся? — вскричал Морской Конёк. — Он ещё ночью отправился в Шоколадный городок. Он, наверно, давно уже там. Он сказал мне, что так велел Торопун-Карапун.

— Я велел?! — удивился Торопун-Карапун. — Ну и хитрец! Ну и обжора! Раньше всех захотел попасть в Шоколадный городок!

Всё же он был рад, что Цыплёнок не пропал.

— Он всё там съест, — забеспокоилась Ложка. — И стенки эти шоколадные... И городок-то весь осиротит — по стеночке разберёт.

— Пойдёмте скорее! — сказал Торопун-Карапун. — А то правда как бы беды не вышло. Зря мы оставили наших лошадок-тунцов.

— Больше они не пригодятся, — сказал Морской Конёк. — Дальше-то у нас дорога хорошая — шоколадное шоссе. А другой дороги нет к городку. Со всех сторон Шоколадного городка — Мармеладовое болото. Самое непроходимое болото в мире — ведь никто не сможет съесть столько мармелада. Нет, Шоколадный городок неприступен, к нему только одна дорога. Вот она. Идёмте же скорее!

Мы встали на шоссе. И такое это оказалось прекрасное шоколадное шоссе — само заскользило, заскользило, и мы понеслись к воротам Шоколадного городка.

Великолепное ощущение шоколадного простора окружало нас. А какие там были прекрасные запахи! Я вдруг представил себя совсем маленьким, таким маленьким, каким был очень давно, ещё до войны. И я сосу маленькую конфетку — называется «Коровка». И какой-то тоже маленький мальчишка подбегает ко мне и нахально, прямо изо рта, вырывает тянучку. Суёт себе в рот и убегает. Пока я сообразил, что произошло, он уже далеко убежал.

Вот когда мне было обидно. Я тогда заплакал. Так я и потерял мою конфету, а уж дососать оставалось совсем немножко, совсем тощенькой, худенькой была моя «Коровка». И вот теперь, когда я стал взрослым дяденькой и у меня под ногами шуршит шоколадное шоссе, а совсем рядом вздыхает огромное Мармеладовое болото, мне всё ещё хочется

поймать того мальчишку. Поймать и отнять у него мою конфету.

Шоссе круто взяло вверх, и мы подкатили к огромным шоколадным воротам. Здесь шоссе затормозило, и мы остановились.

Над воротами мы прочитали надпись, сделанную, наверное, недавно белым ванильным кремом:

«Дорогой Торопун-Карапун и его друзья! Добро пожаловать в наш прекрасный Шоколадный городок!»

— Ну вот и всё, — сказал Морской Конёк. — Мне пора. Дальше вы уж сами.

— Спасибо! — кивнул головой Торопун-Карапун. — И передавай привет Ослику!

Морской Конёк крутанул хвостом:

— Счастливо! — и стал быстро удаляться.

— Море берёт своё, — глубокомысленно сказала Ложка. — Конёк-то он конёк, а всё же морской...

Не успела она договорить, как шоколадные ворота за скрипели, отворились, и шоколадное шоссе бережно понесло нас в Шоколадный городок.

ЗНАКОМСТВО С ШОКОЛАДНЫМ ГОРОДКОМ

Ух, какие сладости окружали нас в Шоколадном городке! Мы жили в огромном десятиярусном торте. Наверху, на крыше торта, круглый год цвели кремовые розы. Нам были отведены в торте три лучших комнаты-люкс на третьем этаже, как повернёшь на лестнице направо.

В комнате встретил нас — кто бы вы думали? — Цыплёнок. Оказывается, он давно уже был тут и от скуки съел два шоколадных стола, миндальный стул с орехами и ножку от миндального дивана.

Но ещё было довольно много хорошей мебели: сдобные кресла, диваны и кровати из пирожных буше с зефиром да ещё два бисквитно-фруктовых телевизора, установленных в гостиной и в отдельной особенно сладкой комнате.

В этой сравнительно маленькой комнате, стены которой были заглазированы помадкой и фруктами, под самым потолком кружился ветер из сахарной пудры. И всё время играла тихая музыка: тра-ля-ля! тра-ля-ля-ля!

В этой комнате поселили меня с Солдатиком. А рядом жили Торопун-Карапун, Цыплёнок и Ложка. Самая большая бисквитно-миндальная комната была нашей гостиной.

Первые два дня мы ликовали, наслаждаясь сладостями, которые окружали нас. Всё можно было съесть. Ешь хоть целый шоколадный стол! Пожалуйста. Никто не будет ругать. А утром принесут новый стол — точно такой же. Каждое утро шоколадные человечки приносили нам новую мебель взамен той, что мы съедали за день.

Но вернусь к началу и расскажу о событиях по порядку — так, как они происходили день за днём.

Первый день. Я проснулся в Шоколадном городке. Солдатик уже не спал и чистил ружьё.

— Ты завтракал? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Я полизал стенку.

Тогда я тоже подошёл и несколько раз лизнул стенку, стараясь ухватить кусочек фруктовых обоев.

Потом, убирая постель, я нечаянно откусил край подушки! Ох, как это было восхитительно вкусно! Этот краешек так и растаял у меня во рту! Мне захотелось съесть всю подушку. Тогда у меня ещё три останется, подумал я.

В этот момент шоколадная дверь гостиной открылась, и вошёл шоколадный человечек. На голове у него была золотистая шляпа, похожая на корзиночку с фруктами.

Он отвесил низкий поклон и шоколадным голосом произнёс:

— Доброе утро. Как спали-почивали — на бочку́ или на спинке? Мягка ли была зефирная подушечка? Не морщилась ли сливочная простыночка? Не мял ли бочок слоёный матрасик? Не давило ли кремовое одеяльце?

Второй день. Я уже знаю названия некоторых улиц. Наш торт-дворец находится на Бисквитной улице. Если пройти от дворца направо, на углу кондитерского магазина Песочная улица. По ней я прошёл вниз к набережной реки. Река эта была странного малинового цвета и медленно катила свои воды. По ступеням набережной, сделанным из миндального печенья,

я спустился к самой реке. Я протянул руку к воде. Но это оказалась не вода, нет, а прекрасное малиновое варенье!

Я побоялся измазать лицо в малиновом варенье, как это уже случилось в детстве, и повернул назад. Возвращался я новым путём и немного заблудился. Я понал на Кремовую улицу, где дома были ниже, с подслеповатыми окнами из леденцов. Впереди дорогу мне преграждал забор. Я попробовал перелезть через забор. И увидел, что он сделан из трёхслойного мармелада. Тогда я попросту проел большую дыру в заборе.

Я пролез в дыру. За забором была шоколадно-конфетная свалка — валялись шоколадные двери, куски карамельных труб, поломанные шоколадные рамы, куски леденцов и огромная гора чего-то коричнево-лилового. Я подошёл, копнул и увидел, что это какавелла.

И тогда я вспомнил. Это было давно, там, в моём детстве, в детской колонии.

Я ВСПОМИНАЮ СВОЁ ДЕТСТВО

Детская колония... Динь-бом! — звонила церковь в маленьком городке Ташино.

Детская колония — зима, сугробы.

Вторую зиму ходим мы через сугробы по узенькой тропинке. По очень узенькой тропинке. Мы сами её пробиваем каждое утро. Мы идём через лес. Мы идём по сугробам. Мы идём через лес по сугробам в городок Ташино. Там, в городке Ташино, мы учимся в школе и нас кормят. Нас кормят, а мы голодны. Мы хотим есть. Мы всегда, всегда, постоянно хотим есть.

И вот однажды в детскую колоннию прислали какавеллу. Вы, наверное, не знаете, что это такое?

И мы не знали, что это такое, и мы по очереди бегали в кухню. А там в большой чан, вмазанный в плиту, сыпали, и сыпали из мешка хрупкие, мягкие коричневые скорлупки, и они кипели в котле, и воздух делался тяжёлым от запаха какао. В этот день нам выдали по куску сахара, и каждый бросил этот кусок в лиловато-коричневый напиток, и мы пи-

ли что-то очень похожее на какао. На домашнее, довоенное какао. В этот вечер мы вышли из столовой шумные, будто опьянели. Шагая по занесённой снегом тропе, не мёрзли. Мы толкались, играли в снежки; с криком и смехом мы бросились к столу в раздевалке, где обычно почтальон оставлял письма. Мне письма не было. Мне давно не было писем. А Витя получил. Получил и перестал смеяться. И дал прочитать мне. Оно так и впечаталось в мою память, — очень коротенькое письмо, написанное нетвёрдым, мальчишечьим почерком.

«Витя, твой отец, а мой боевой командир, ранен в бою, и я тоже ранен, и мы лежим в одном госпитале. Напиши скорее письмо. Остаюсь — юнга Шура, сын флота».

Витя глядел на письмо, будто оно было длинным и он никак не мог дочитать его до конца. От Шуры это было уже не первое письмо. В одном из них он даже прислал свою фотокарточку.

Витя долго смотрел на письмо, и я понял, что он придумывал что-то. Что-то очень важное.

Он подошёл к своей кровати, над которой висела фотокарточка юнга Шуры. Снял карточку со стены и положил в карман куртки.

— Ты что? — забеспокоился я. — Зачем ты?!

— Какавелла, какавелла... — говорил Витя с досадой. — Набухались этой какавеллой!

— Ну и что? Вкусно же!

— Они там, на фронте, воют, — не слушая меня, говорил Витя, — и пушки стреляют, и фашистские корабли в воздух летят-взрываются... Я не могу больше! Бежим, а? Бежим на фронт!

— Опять поймают и в колонию отправят!

— Это мы глупые были. А теперь у нас вот это письмо будет и фотография — как пропуск. Понимаешь? Как пропуск. К отцу, мол, едем. И к Шурику.

— Я с тобой! — закричал я. — Ведь мы же поклялись как братья!

— Тогда вот что, — сказал Витя тихо и решительно. — Тогда начнём собирать на дорогу: от каждой еды — хоть по корочке...

В ШОКОЛАДНОМ ГОРОДКЕ (продолжение)

Третий день. Шоколадный городок украшается. Через несколько дней состоится парад и праздник в честь Шоколадного Солнца.

Здесь все очень полюбили Торопуна-Карапуна: ведь он мальчик, а победил всю армию Бим-Борин-Бима. Когда он выходит на улицу, из всех домов ему выносят в красивых песочных вазах орешки в сахаре, миндаль, облитый шоколадом, яблоки, но не настоящие, а из марципана.

Четвёртый день. Сегодня меня разбудили крики торговца. Я выглянул в окно: шоколадный человек шёл по улице, поднимая над головой огромную конфету. Он кричал:

— Покупайте новую конфету «Торопун-Карапун»! Покупайте новую конфету! Внутри «Торопуна-Карапуна» орешки, облитые джемом из красной и белой смородины! Эта конфета так и тает во рту! Покупайте «Торопуна-Карапуна»!

Пятый день. Когда я проснулся, под потолком неслышно кружился ветер из сахарной пудры. И всё время играла тихая музыка: тра-ля-ля! тра-ля-ля-ля!

О-о! Что сегодня мне съесть? Может быть, люстру с потолка? Мысли у меня были тягучими, как малиновое варенье. А что, если попробовать съесть окно? Ведь оно сделано из конфеток-леденцов. Нет, лучше я три раза лизну стенку, потом встану на стул и попробую выковырнуть цукаты из верхнего бордюра.

Я поднялся. Но стенку не стал лизать. Подумаешь, стенка. Я поставил стул, залез... и чуть не упал. Кто-то уже отъел кусочек ножки у стула. Кто? Конечно, Цыплёнок. Мало ему мебели в гостиной. Безобразие! Надо ему сказать, чтоб он не трогал здесь мебель. Все стулья в комнате были чуть-чуть надкусаны. Ел бы уж всё до конца. Тогда бы хоть заменили новыми.

Я расстроился. Я рассердился и от раздражения вцепился в свою кровать. Она была из прекрасного пирожного буше. Когда-то в детстве я его очень любил. А теперь я жевал кровать без всякого удовольствия. Хотя, правда, немного успокоился.

Вдруг шоколадная дверь в мою комнату быстро распахнулась. Вошёл человечек в золотистой шляпе с фруктами.

— Как вы спали? — спросил он шоколадным голосом. — Мягка ли была зефирная подушечка?..

Он каждый день говорит это, и я просто не знаю, что ему отвечать.

Шестой день. Сегодня Управляющий в золотистой шляпе после обычного приветствия попросил Торопуна-Карапуна подняться на четвёртый этаж.

— О милый мальчик! — шоколадно запел Управляющий. — Там ждут тебя самые сладкие пирожные и конфеты, какие только есть в нашем городке!

— Но мне и здесь хватает сладостей, — смутился наш капитан.

— О, разве можно сравнить! — ещё нежнее заговорил человечек в золотистой шляпе.

— Но я тут не один, — возразил Торопун-Карапун.

— Твои друзья будут навещать тебя!

Тут Управляющий хлопнул в ладоши, и на этот звук в комнату вбежали шоколадные человечки. Они окружили Торопуна-Карапуна и стали его нежно подталкивать к дверям.

— Я не хочу. Не сердитесь, но я не хочу... — просил он.

— Кушать, кушать, кушать, — тихонечко шептали человечки, уводя его по лестнице.

Торопун-Карапун был вежливый мальчик, он не решался грубо говорить с такими добрыми и ласковыми людьми. А те всё кружились около него, уводили вверх по лестнице и пели:

Что вкусней всего на свете?

Шоколад, шоколад.

Ешьте, взрослые и дети,

Шоколад, шоколад.

Шоколадно Солнце светит!

Шоколад! Всякий рад!

Вам заменит всё на свете

Шоколад, шоколад!

Седьмой день. Праздник в честь Шоколадного Солнца состоится завтра.

Ложка целый день спит. А Цыплёнок целый день ест. Он съел оба наших телевизора, и теперь по вечерам нам нечего смотреть.

Мы собрались у Торопуна-Карапуна на четвёртом этаже. И как только мы расселись на шоколадных стульях, Торопун-Карапун сказал:

— Друзья, нас не хотят отпускать отсюда.

— Как?! — вскрикнула Ложка. — Оставить на веки вечные?

— Да. Ко мне приходил Управляющий и уговаривал остаться. Чего он только не обещал! Слова его были сладко-шоколадные, и он рассыпался передо мной сахарным горошком. Он упрашивал, называл «милым мальчиком», говорил: «Все дети любят сладкое».

— А ты, Торопун-Карапун, что ответил? — спросил я.

— Мы, конечно, любим сладкое. Но нам надо идти дальше.

— Точно! — гаркнул Солдатык.

— Ну, а Управляющий? — спросила Ложка.

— Он говорил, что я мог бы защищать Шоколадный городок. Но я отказался. Ведь никто на них не нападает. Тогда Управляющий крикнул: «Клянусь тысячами цукатиков, вы никуда не уйдёте отсюда, если побываете на празднике! На празднике вас ждёт сюрприз».

— Ой, я очень хочу сюрприз! — пискнул Цыплёнок. — Ура!

— Нет, не «ура», — твёрдо сказал Торопун-Карапун. — Какие бы сладости нам ещё ни предлагали, а мы пойдём дальше, дальше по карте.

ПО ТЁМНОЙ ЛЕСТНИЦЕ. Я ВСПОМИНАЮ КУЗНЕЧИКА

Восьмой день. Раннее утро. Звучит музыка. Толпы шоколадных человечков устремляются на дворцовую площадь.

Шоколадная дверь моей комнаты с шумом распахивается, и на пороге появляется Управляющий в золотистой шляпе с фруктами.

Управляющий отвечает низкий поклон:

— Доброе утро! Как спали-почивали — на бочку или на спинке? Мягка ли была зефирная подушечка? Не давило ли кремовое одеяльце?

— Нет, — пробормотал я.

Он поклонился ещё ниже:

— Разрешите поздравить вас с нашим общим праздником в честь Шоколадного Солица.

— Я вас тоже поздравляю, — сказал я.

— Идите за мной, — кивнул он. — Я проведу вас самым коротким путём.

Мы вышли в коридор. Там уже стояли Цыплёнок, Ложка и Солдатык. Слева неожиданно раздвинулась стенка, открылся тёмный проход, и мы стали подниматься по лестнице. Мы шли гуськом — впереди Управляющий, за ним я, Цыплёнок,

Солдатик и Ложка. Управляющий поднимался быстро, и мы еле поспевали за ним. Трудно было дышать. Пахло испорченными пирожными и прокисшим вареньем. Я задыхался, кружилась голова.

И я вдруг вспомнил. Когда я был маленьким и жил в детской колонии, ко мне пришёл Кузнечик. Как раз в тот день мы с Витей назначили срок побега: через три дня в среду.

У нас уже было собрано немного хлеба, и ещё Витя решил продать свою куртку из верблюжьей шерсти. Она была хоть и старенькая, но тёплая. И мы отправились на ташинский рынок.

Мы уверенно вошли в ворота и остановились, удивлённые: воскресный рынок был почти пуст. Возле стоек, занесённых снегом, кое-где маячили бабы, закрученные в платки. Одна продавала варенец в стаканах. И поверх каждой порции — жёлто-коричневая пенка. Витя замедлил шаг, достал курточку.

— Меняешь? — тотчас спросила женщина.

— Да.

Женщина сняла варежку, пощупала шерсть:

— Старая. Ну, берите по стакану, кушайте.

— Мы на хлеб меняем, — сказал Витя.

— Тю-у-у! Где ж его взять? — едва разжимая замёрзшие губы, ответила женщина.

И мы пошли дальше. Мы долго бродили по рынку — мы ждали, когда принесут продавать хлеб, — до самой темноты ждали. Я замёрз. Сырой февральский ветер забрался под моё старенькое пальто и не уходил оттуда до самого дома.

Даже у печки я не мог согреться. Я раньше всех забрался в постель, свернулся, обхватив колени руками. Медленно, медленно входило в меня тепло, глаза мои слипались, мысли начало сносить в сторону...

И вот тогда пришёл ко мне Зелёный Кузнечик. Он пришёл и сказал:

«Идём, я тебе покажу».

«Что?»

«Тсс! Не говори так громко, — сказал Кузнечик. — Идём, я тебе покажу, где можно достать хлеб».

«А где?»

«Идём! Идём!» — Он быстро поскакал, и его трудно было увидеть в зелёной траве.

«Эй! Эй! погоди! — Трава била меня по коленкам. — Эй! Я сейчас упаду».

«Что ты так медленно ползёшь?» — кричал Кузнечик.

«У меня почему-то ноги... они не идут... Мне больно... — И я понял, что не могу ступить. Я наклонился, и в этот момент огромный цветок ударил меня в лицо. Я упал. — Эй! Я упал!»

«Я вижу. — Передо мной, совсем рядом, стоял Кузнечик и жалостливо на меня смотрел. — Тут уж совсем недалеко», — сказал он.

Я с трудом поднялся.

«Вон, — показал Кузнечик, — видишь, Ташино. А на окраине, вон там, за прудом, — ваша столовая».

«Далеко», — сказал я.

«А я тебе покажу короткую тропинку».

«Наверно, я сломал ногу».

«Да нет, ты просто ушибся. Идём скорее!»

Я пошёл вслед за Кузнечиком. Но почему-то очень быстро темнело. Я уж не видел Кузнечика, а только слышал, как он цокал ножками.

«Эй! Эй!»

Передо мной поднимался забор.

«Вот и пришли», — услышал я снизу голос Кузнечика.

«Но это не похоже на нашу столовую. Где же калитка? И где ребята?»

«Мы пришли другим путём. Этот забор с другой стороны столовой».

«Как здесь плохо пахнет».

«Свалка тут. Да ты не обращай внимания. Иди».

Я пошёл по тропинке вдоль забора. Тропинка становилась всё уже и уже. С одной стороны тянулся забор, а с другой была чёрная пропасть. Я всё время прижимался руками к забору:

«Эй! Где же калитка? Эй!»

Никто не ответил.

Полезу через забор, решил я. И уцепился за доску. Я на-

чал подтягиваться и опять больно ударился коленкой. Ещё немножко! Чуть бы подтянуться... Ну, ещё хоть чуточку... Хоть ка... Доска заскрипела, и я вместе с ней рухнул вниз...

— Он никак не проснётся, — услышал я знакомый голос. Это был голос Вити. — Ты горячий, — сказал мне Витя. — Простыл, что ли?

А я был рад, что проснулся. И я подумал, как хорошо, что можно проснуться. Можно проснуться, когда тебе страшно. Можно проснуться, когда ты летишь в пропасть. Можно всегда проснуться...

ПРАЗДНИК В ШОКОЛАДНОМ ГОРОДКЕ

— Быстрее! — крикнул Управляющий. — Праздник начинается!

Я поднимался по тёмной лестнице торта-дворца и слышал, как тяжело дышит Цыплёнок.

Вдруг в глаза мне ударил белый свет дня.

— Проходите! Проходите! — нетерпеливо говорил Управляющий.

Мы поднялись ещё на несколько ступенек и вышли на крышу дома. Огромные кремовые розы окружали нас.

— Не правда ли, здесь прекрасно? — спросил человечек в золотистой шляпе.

Я молчал, всё ещё приходя в себя.

— О! Не утомились ли вы? У нас такая крутая лестница.

— Когда я был маленький, — сказал я, — мне случалось ходить и не такими задворками.

Управляющий не ответил, а низко поклонился, так низко, что с его головы слетела шляпа. Из неё выпали маленькие яблочки и покатились по земле. Но Управляющий не бросился их собирать, а всё ниже наклонялся.

Я обернулся. К нам спешил Торопун-Карапун.

Отсюда, сверху, открылся удивительно прекрасный вид на город: крыши — остроконечные, плоские, круглые, как шар, и блестящие на солнце, крыши, увитые виноградом, шоколадные, кремовые, розовые...

Мы начали медленно спускаться на балкон по широкой лестнице из лимонных долек. Этот балкон выходил на пло-

щадь. На балконе уже толпились шоколадные человечки в больших шляпах. Человечки сняли шляпы и низко поклонились Торопуну-Карапуну.

Я поглядел на площадь.

Шоколадная площадь была ещё пуста. Но вот раздался звон колокольчиков, и из переулка выехала шоколадная карета. Её везли шоколадные зайцы. Они забавно подпрыгивали, и от этого колокольчики, висящие по бокам кареты, сладко позвякивали. В этой отличной высокой старинной карете ехали шоколадные детишки — они размахивали шариками из зефира, смеялись, толкали друг друга и кричали:

— Солнышко! Шоколадное! Скорей выходи!

И над городом появилось большое Шоколадное Солнце, круглое, как мячик. От него во все стороны тянулись кремовые лучи.

И тут на площадь из переулков и улиц хлынули шоколадные человечки, выскочили шоколадные белочки, зайцы и ежи. Промчался всадник на карамельном коне. Шоколадные мышата везли лодочки из пастилы, а на лодочных боках было изображено Шоколадное Солнце.

«Вот он каков, Шоколадный городок из моего детства! — радовался я. — Наконец он открылся мне!» Я поглядел на Торопуна-Карапуна: он тоже радовался, смеялся, хлопал в ладоши!

Заиграла музыка. Шоколадное Солнце ещё выше поднялось над городком. О, как оно сверкало и кружилось! Из толпы взвилась к небу песня:

Ах ты, Солнышко!
Да ты хорошее,
Да ты пригожее,
Не упади!

А музыканты подхватили:

Тра-ля-ля,
Ти-ти-ти-ти...

— Смотрите, что делается! — закричала Ложка. — Ой, матушки!

Мы посмотрели вниз. По площади проплывал огромный шоколадный парусник. Он был как настоящий, с капитанским мостиком, с тончайшими сахарными тросами, с зефирными парусами, с якорем, сделанным из белого крема. Корабль окружали волны из крем-брюле и сливочно-фруктового мороженого. Оно канало. И человечки, раскрыв рты, ловили сладкие капли мороженого.

Но нас ожидало ещё более удивительное. На капитанском мостике стоял шоколадный Торопун-Карапун. Он был похож на нашего живого Торопуна-Карапуна, только лицо было шоколадное, да глаза были из вишен, и улыбка бисквитно-

фруктовая. И я сразу вспомнил вчерашний разговор в комнате у нашего капитана.

Шоколадный Торопун-Карапун поднял руку и помахал нашему Торопуну-Карапуну.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРАЗДНИКА И ЕГО ПЕЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦ

Всё испортил Цыплёнок. И когда мы его потом спрашивали, как у него это получилось, отвечал: «Не знаю... Я не мог удержаться».

А произошло вот что. Только шоколадная голова Торопуна-Карапуна показалась на уровне балкона, как Цыплёнок клюнул его в нос, отчего нос сразу изменил форму и шоколадный Торопун-Карапун перестал походить на нашего Торопуна-Карапуна.

Все это заметили, но не знали, как себя вести. На площади наступила тишина.

Молчание на празднике — это самое неподходящее, что можно себе вообразить. Представляете, веселье вдруг куда-то исчезло... Нет, это поразительно, как толпа вдруг перестала двигаться. Шоколадные человечки замерли там, внизу, на площади, в самых неудобных позах: одни — открыв рот, желая что-то крикнуть, другие — подняв ногу или руку...

Тишина.

И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы один из шоколадных человечков на балконе не рассмеялся. Он подошёл к Цыплёнку, хлопнул его по спине и сказал так, чтоб его слышали все на площади:

— Молодец, Цыплёнок! Это по-нашенски, люблю обжор.

Внизу осторожно засмеялись.

— А ну-ка, покажем гостям, как мы умеем веселиться! — и он гаркнул:

Ах ты, Солнышко!
Да ты хорошее!

Толпа радостно подхватила:

Да ты пригожее!
Не упади!

И музыка загремела:

Тра-ля-ля-ля-ля,
Ти-ти-ти-ти-ти...

Перебивая музыку, шоколадный человечек крикнул:
— Его светлейшее высочество Шоколадное Солнце дарует в честь праздника дворец на угощение.

— Ура-а-а-а! — загудела толпа.

И музыка грянула ещё громче.

От огромного количества мармеладно-цукатно-сливочно-фруктовых сладостей, от запахов, что поднимались к небу, у меня закружилась голова. Я думаю, что его светлейшее сиятельство Солнце тоже немножко захмелело. Оно смеялось, строило рожи и так раскачивалось, что в любую минуту могло свалиться.

Но когда я посмотрел, что делается внизу, то понял, что праздничный хмель ударил в голову не только его сиятельству. Шоколадные человечки, как по команде, вцепились в балкон, жадно поедая его.

— Что вы делаете?! — крикнул Торопун-Карапун. — Опомнитесь!

— А что такое? — с трудом оторвавшись от балкона, сказал один из шоколадных человечков. — Это прекрасное песочное тесто.

— Угощайтесь и вы, дорогие гости, — сказал, низко кланяясь, Управляющий.

— Остановитесь! — закричал Торопун-Карапун. — Мы сейчас упа...

Балкон треснул, и мы рухнули вниз.

Мы не ушиблись, потому что шоколадная почва — это не то, что земля или асфальт в обыкновенном городе, и тотчас вскочили на ноги.

Управляющий засмеялся и сказал:

— Это была только маленькая шутка.

— Шутка... шутка, — пронеслось над толпой.

А Управляющий продолжал:

— Теперь же просим вас всех попробовать этот дворец-торт, в котором вы провели несколько прекрасных для нас...

для вас... — И он запнулся. — В общем, ешьте, ешьте да-
вайте!

— Кушайте, пожалуйста! Кушайте! — пронеслось над толпой.

Я чувствовал, что Торопун-Карапун не очень-то хотел есть этот их дворец.

— Попробуйте трубу, — подступал к Торопуну-Карапу-
ну Управляющий. — Внутри там начинка из заварного кре-
ма. А вот стены — они на чистом сливочном масле и свежих
яйцах. — Он так хотел сделать нашему капитану прият-
ное.

— Спасибо, я сыт. Я не хочу больше, — сказал Торопун-
Карапун.

— Дворец-торт приготовлен из лучшего, самого прекрас-
ного теста!

— Благодарю, я уже поел.

— Смотрите, стены дома глазированы помадкой. О, как
это сладко! — И Управляющий закатил глаза и прищёлкнул
языком, а в толпу крикнул: — Попросим гостя!

И толпа шоколадных человечков повторяла:

— Слад-ко! Слад-ко! Слад-ко! Слад-ко! Слад-ко!

— Ну, хорошо, — сказал Торопун-Карапун и отломил ку-
сочек стены.

Открылась огромная дыра, и стали видны внутренние
комнаты, стены которых были обсыпаны мирабелью и цука-
тами.

— Кушайте, пожалуйста, — с поклоном сказал Управ-
ляющий.

— Ешь е-щё! Ешь е-щё! Ешь е-щё! Ешь е-щё! — повто-
ряла толпа.

Торопун-Карапун откусил здоровый кусок от торта-двор-
ца. С грохотом обрушился желатинный потолок второго эта-
жа с красивыми фруктовыми украшениями. Из пролома вы-
рвалась туча сахарной пудры и закружилась, как снег, над
площадью.

Когда сахарная пудра осела, во дворце оголились чёрные
пористые стены, пропитанные вином, и лестничные марши,
сделанные из прекрасного печенья с изюмом. Эта лестница
уже вела на четвёртый этаж.

Гул удивления пронёсся над площадью, и кто-то восхищённо крикнул:

— Вот это да!

— Отойдите, все отойдите! — зашумел Управляющий. — Пусть Торопун-Карапун один съест весь дворец!

— Пусть он съест! Пусть он съест! Пусть он съест! — редела толпа.

— Да, да, пусть он съест в честь нашего Шоколадного Солнца, — поддержал Управляющий.

— Я больше не хочу, — устало сказал Торопун-Карапун.

Я начал пробираться к Торопуну-Карапуну, но толпа оттеснила меня.

— Ешь е-щё, ешь е-щё, ешь е-щё! — кричали шоколадные человечки, а Управляющий размахивал руками, точно дирижировал. — Ешь е-щё, ешь е-щё!..

— Тише! — вдруг рассердился Торопун-Карапун и кулаком ударил по дворцу.

Гром разнёсся над площадью. Солнце пошатнулось и ринулось вниз.

— У-у-у! — вздохнула толпа.

Торопун-Карапун успел протянуть руку, поймал Солнце и бросил его снова в небо...

— О-о-о-о! — выдохнула толпа.

— Я не хочу у вас больше оставаться! — крикнул Торопун-Карапун.

А между тем небо стало быстро темнеть. Тучи скрыли Солнце.

Раздался грохот. Молния озарила остатки рухнувшего дворца. Хлынул дождь.

МЫ ПОКИДАЕМ ШОКОЛАДНЫЙ ГОРОДОК

Шоколадные человечки кинулись спасаться от дождя. Площадь быстро опустела. Мы остались одни.

— Идёмте, друзья, — позвал Торопун-Карапун. И он зашагал прямо по лужам.

Мы шли по пустынным улицам. Человечки давно скры-

лись в своих домах. Но крыши из сливочных кремов — плохая защита от дождя. И дождь злорадно облизывал ананасные, вишнёвые, земляничные, сливочные стены домов...

По улицам текли не ручейки, а уже целые сладкие потоки, в которых кружились лепные украшения из цукатов, всякие сдобные балясины, кусочки миндаля. А дождь не щадил. С грохотом падали шоколадные стены. Кипящее сладкое месиво готово было захлестнуть нас.

Только Цыплёнок, казалось, чувствовал себя хорошо. Он не закрывал рта и ловил клювом сладкие капли и изюминки.

— Ух ты! — кричал он. — Ещё цукатинку ухватил!

— Мало ты там пирожных съел! — ворчала Ложка. — У-у, обжора!

— Я бы ещё поел, — не обижался Цыплёнок.

— А здорово он клюнул в нос шоколадную куклу, — засмеялась Ложка.

И Торопун-Карапун тоже засмеялся. Мы шли мокрые и смеялись.

— А я-то наелась, ух ты! Нет уж, хватит, — говорила Ложка. — Во всём городке соли горсточки не найдёшь.

Мы пролезли в пролом шоколадной стены и оказались за пределами Шоколадного городка.

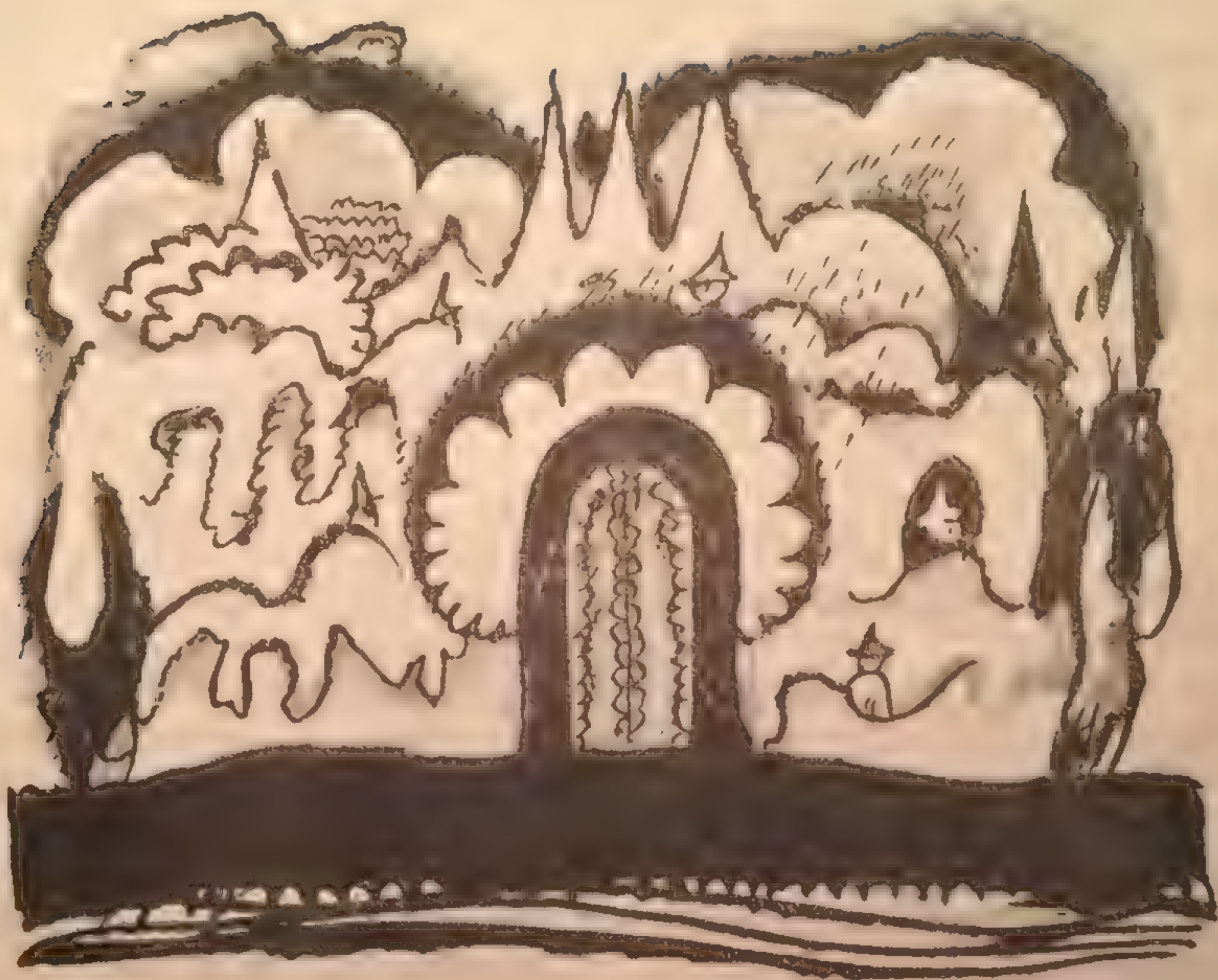
Дождь стал стихать. И скоро совсем прекратился. Небо очистилось. И над Шоколадным городком появилось Шоколадное Солнце.

Заслонив ладонью глаза от Солнца, я смотрел, как там, в Шоколадном городке, вновь засверкали, заискрились плоские, остроконечные, шарообразные крыши, такие радужные, такие цветастые, как в детстве лужа за моим домом, где я пускал кораблики.

Идти становилось всё труднее и труднее. Мы едва отдирали ноги от густой и липкой почвы, раскисшей под дождём.

Я не сразу сообразил, что мы попали в Мармеладовое болото.

Мы медленно брели. А над болотом уже спускался вечер. Вспыхнули и погасли рогастики с вареньем на башне

в городке. Отзвонил шоколадный колокол. Приближалась ночь.

— Придётся здесь почевать, — сказал Торопун-Карапун.

— Ой, холодно спать прямо на болоте! — вздохнула Ложка. — После дождя в домике бы погреться.

— Не печальтесь. Что-нибудь придумаем. — Торопун-Карапун вдруг улыбнулся: — Да что тут думать, если с нами обжора! Цыплёнок, сделай нам в Мармеладовом болоте домик.

— Это можно, — оживился Цыплёнок. — Я быстро управлюсь.

Под нами дрогнуло Мармеладовое болото, когда Цыплёнок отхватил здоровый кусок его.

— Тут будет дом наш, — приговаривал Цыплёнок. —

А вот спаленка. Одна кровать для Торопуна-Карапуна, другая... — И он зачавкал. — Другая для кока...

— На сливочных простынках да на зефирных подушечках спали, — проговорила Ложка, — а теперь на мармеладах поспим.

— Идите, готово! — позвал Цыплёнок. — Здесь ступеньки я сделал, не споткнитесь.

Тихонько ступая по мягким, липким ступеням, мы спустились вниз, туда, где Цыплёнок сделал спальню.

— Спокойной ночи, — сказал Торопун-Карапун.

НАВСЕГДА

Едва я закрыл глаза, как снова очутился в детской колонии. И сразу — лицо Вали Шевчука: радостное и растерянное, потому что он уезжал из детской колонии. Вот ведь как — навсегда уезжал! Мама его, в белом полушубке, шапке-ушанке, в ремнях, наспех бросала Валины вещи в чемодан:

— Скорей, скорей, поезд ждать не будет!

И они вдвоём потащили этот чемодан по нашей узенькой тропке.

И снег тогда падал, и мы кричали:

— Валька! Прощай! Валька!

— Прощайте! — кричал он.

Навсегда. Он уезжал навсегда.

Комната после его отъезда осталась неприбранной. На полу валялась бумага, Валин шарф.

— Э, смотрите, шарф забыл!

— Теперь уж всё.

— Теперь не отдашь.

На Валину кровать у окна перебрался Витька. Он перестилал постель и напевал что-то: ему, как и всем нам, вдруг, сразу стало не хватать Вали, и его рисунков, и его голоса — как он тихонечко подбирал втору к любой песне, и потом по

этой песне, по ровному её полотну будто шла вышивка из его вторы:

На позицию девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренёк...

Вдруг Витька закричал:

— Глядите-ка!

Я подбежал.

— Забыл! Смотри, Валя ещё что-то забыл!

Под матрасом лежал газетный свёрток. Мы достали его, аккуратно развернули газету.

В свёртке были три стреляные гильзы, оловянный пугач, жёлтая пряжка со звездой и Валин большой альбом с рисунками. Это был целый дневник в рисунках с подписями.

Мы начали рассматривать альбом. Возле трёхэтажного кирпичного дома стоит, прислонившись к столбу, женщина в платке и смотрит, смотрит вслед уходящим солдатам. Подпись: «Первый день войны».

А на другой стороне листка — лошади. Они скачут, гривы их развеваются, и вокруг них высокие травы.

И ещё рисунок: «Мы едем в Ташино». Ребята с мешками и чемоданами на платформе. Вагон. Ступеньки вагона. А рядом — раненый солдат на костылях.

И ещё: «Ташино. Ветка сосны»...

И портреты ребят из нашей детской колонии.

Мы листали дальше и дальше, и вдруг — стоп! — начат танк, не дорисован, перечёркнут. И вложено письмо.

«Дорогой Валя! Хочу описать тебе последний бой твоего отца, Николая Ильича Шевчука...»

Письмо было большое, подробное, было видно, что Валиного отца любили и горевали о нём. В последнем бою батарея, которой командовал Валин отец, уничтожила шестнадцать фашистских танков. Николай Ильич героически погиб.

А кончалось письмо так:

«Валя, мы гордимся подвигом твоего отца. И пусть сохранится память о нём на долгие-долгие годы. Навечно».

Мы молчали.

Ребята окружили нас:

— Валькин альбом, да?

— А портреты здесь?

— Давайте, ребята, возьмём свои портреты.

— Захотел бы, сам дал.

— Всё равно альбом пропадёт.

— Стоп! — сказал Витя. — Подумаем до завтра. А свёрток пускай пока лежит, где лежал.

Ночью мы с Витей долго сидели у печки.

— Слушай, — говорил он, — я всё думаю: как же так — чтобы рисунки эти пропали. И письмо. И всё вообще.

— Что вообще? — не понял я.

— Ну вот был отец Вали, его храбрость, его подвиг... Потом сам Валька — его песни и рисунки... И вдруг — не успел уехать — и нет ничего, альбом разорвать, похватать гильзы... А?

— Да никто ничего и не хватал.

Но Витя не слушал меня, говорил о своём:

— Что мы, чужие, что ли?.. Или вот ещё. Мы с тобой собирались на фронт. А у меня в чемодане остаётся здоровенная пачка отцовых писем.

— И у меня — от мамы и от отца.

— С собой же их не потащишь, верно? И не оставишь никому, потому что... ну как же — ведь это только мне написано, для меня.

— Конечно. Да.

— Надо придумать что-то. Чтобы всё сохранилось. Понимаешь?

Я понимал. Да, да, я понимал. Только не умел сказать тогда. Да и сейчас, наверное, не сумею. Короче, мы говорили с Витей в ту ночь о памяти, о том, чтобы сберечь дорогое.

— Ой, знаешь, что я придумал?! — зашептал Витя. — Давай сделаем тайник. Спрячем всё Валино, и моё, и твоё — всё, что хотим сохранить.

— Верно, Витька! Чтобы навсегда, на вечные времена!

Мы ещё долго шептались. Тёплые струи ночи уже колебались, уступая рассвету, когда крепкий, беспробудный сон навалился на нас.

Утром мы с Витей попросились на кухню чистить картошку. Это было за день до побега.

ТОРОПУН-КАРАПУН ВЕДЁТ НАС ПО СЕРЕБРЯНОЙ ДОРОЖКЕ

Я проснулся на Мармеладовом болоте оттого, что Торопун-Карапун тихонько окликнул:

— Ложка! Цыплёнок!

Никто не ответил.

— Солдатык! — позвал Торопун-Карапун.

— Я! — гаркнул Солдатык.

— Ух! Чтоб тебя! — сказала Ложка. — Ой, утро какое холодное; ой! — и начала расталкивать Цыплёнка.

Я выбрался из спальни на болоте и огляделся. Вдалеке виднелся Шоколадный городок. Снова блестели стены и башня, обсыпанные цукатами бисквитные крыши, где опять стояли корзиночки с ягодами. Видно было, как шоколадные человечки заливали пробойны в стенах сливочным кремом. Издали Шоколадный городок опять был красивым, и от него исходил приятный абрикосово-клубничный дух. Но нам было не до него. Мы сидели на Мармеладовом болоте. Над нами — я заметил — тускло светилась серебристая дорожка.

— Затащил! — проворчала Ложка.

— Что? — спросил я.

— Затащил, говорю, а теперь не знает, как отсюда выбраться.

— Кто затащил?

— Кто... — всхлипнула Ложка. — Ясно кто — Торопун-Карапун. Лежим здесь голодные, холодные на дне моря-окияна... Ах я несчастная девчоночка... Красота моя скоро от воды этой проклятой совсем облезет.

— Что-то солоно стало, — сказал Цыплёнок. — Ложка наплакала.

Ложка сразу перестала плакать, подскочила к Цыплёнку и начала его трясти:

— Вставай, обжора! Вставай, у-у, ярыга желторотый!

— Торопун-Карапу-у-ун! — захныкал Цыплёнок. —

А Ложка дразнится...

— Ну, хватит ссориться, — сказал Торопун-Карапун. — Надо отсюда выбираться. — И он показал на серебряную дорожку, тускло блестевшую над нами в воде.

Торопун-Карапун присел и подпрыгнул вверх. Он повис, держась одной рукой за серебряную дорожку, а другую руку подал мне. Я уцепился — и в ту же секунду ступил на твёрдое. Скоро вся наша компания оказалась наверху. Все были рады. Ложка, успокоившись, поправляла платок на голове.

Я посмотрел вниз. В далёкой зелёной дымке, залитый шоколадным светом, лежал точно на ладошке совсем маленький Шоколадный городок.

«Какой он удивительно красивый, — подумал я. — Какой он прекрасный!»

Мы поднимались вверх по серебряной дорожке. Наверно, она должна была вывести нас на поверхность моря. Но кругом становилось темнее. Впереди показался подводный тёмный лес.

— Скорей бы уж, — вздохнула Ложка.

Мимо торопливо проплывали рыбки.

— Эй! Далеко ли до верха? — спросила Ложка.

Рыбки удивлённо посмотрели на нас, махнули хвостиками и, ничего не ответив, поплыли дальше.

Чёрный подводный лес, что был впереди, вдруг залило красным светом. Он как бы вспыхнул от пламени. Листьев на нём не было, а ветки казались живыми и тихонько шевелились.

— Ох, устала, ноженьки мои белые не ходят! — стонала Ложка. — И зачем только пошла я в синее море?!

И оттого, что Ложка стонала, и оттого, что рыбы проплывали мимо нас без единого звука, не обращая на нас никакого внимания, в душу мою впервые прокралось сомнение: а правильно ли нас ведёт Торопун-Карапун? Мы лезем вверх по серебряной дорожке, а становится темнее и холоднее. Мо-

жет, нам просто кажется, что мы лезем вверх, а на самом деле мы спускаемся ещё глубже на дно моря? И взрослые мысли закружились в моей голове.

ЧТО Я ДУМАЛ

глава для взрослых. Совершенно секретно!

Я, старый человек, дяденька с бородкой, иду за каким-то мальчишкой. Я — дяденька. Я окончил школу. Да, я учился... учился... знаю тысячу вещей. Мы с вами, взрослые люди, знаем тысячу вещей...

Мы знаем:

где находится гора Кара-Даг,
что дельфинов можно научить разговаривать,
где жила аль-Вард-филь-Акмам,
куда бежит олень, когда ему хочется спать,
как падают звёзды,
где живёт кито-слон,
что такое Томбо-Томбо...

А ТАКЖЕ, прочитав книгу «Ты́сяча и одна ночь», мы знаем обо всём, что проистекает от затмения Солнца и Луны...

Лично я узнал, какие на земле есть металлы, растения и деревья, узнал, какие у них у всех особенности и полезные свойства.

А ТАКЖЕ, изучив все современные науки, Я МОГУ ПЕРЕВЕРНУТЬ ЗЕМНОЙ ШАР, если мне дадут точку опоры вне земли, а также если мне дадут рычаг, а также если мне разрешат этим заниматься...

А между тем я шёл за Торопуном-Карапуном и проклинал себя за своё легкомыслие: зачем я согласился искать своё детство? Зачем? Ведь это так трудно, так трудно снова становиться маленьким! Уверяю вас, взрослые, это очень трудно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГЛАВЫ О СЕРЕБРЯНОЙ ДОРОЖКЕ

В багровом зареве горел совсем уже близкий лес.

Вдруг я увидел, как рыба-кошка переплыла дорогу. «Ох, не к добру», — подумал я, но ничего не сказал. И тут что-то чёрное метнулось над нами.

«У-ху-ху-ху! — слышали мы. — У-ху-ху! О-хо-хо!» — звучало всё дальше над лесом, за лесом: это Филин, страх моего детства; он, оказывается, следовал за нами.

— Ничего, — погрозили Торопун-Карапун вслед Филину. — Обязательно поймает.

Мы молча шли за капитаном. Солдатик тупо смотрел вперёд, Цыплёнок еле плёлся. Я спотыкался, поддерживая Ложку.

— Спать пора! — захныкала Ложка.

Торопун-Карапун остановился.

— Потерпим немножко, ладно? Я смотрел по карте: тут совсем недалеко. Хватит унывать. Давайте споём. — И Торопун-Карапун запел:

Страхи нам будут с вершок,
ха-ха!

Мы их запрячем в мешок,
ха-ха!

Живы мы будем,
Друзей не забудем,
Врагов же сотрём в порошок,
ха-ха!

Мы подхватили припев песни и бодро зашагали вслед за нашим капитаном.

Дорожка наша становилась всё более узкой, пока не превратилась в тоненький серебряный лучик. А серебряный лучик закатывался за небольшой бугорок.

— Вперёд! — крикнул Торопун-Карапун и бросился бежать по лучу...

Я тоже ступил на луч, но он так закачался подо мной, что мне стало страшно, безумно страшно... И я вспомнил... вспомнил одну старую сказку.

ДЕВОЧКА ЧУЧА

Это произошло тысячу лет назад или даже раньше, когда я умел ещё открывать книгу с золотым переплётом и входить в золотую дверь. Там, за золотой дверью, я был седьмым сыном короля, самым младшим, самым маленьким. Это было ещё до того, как я попал в детскую колонию. Я даже не знал, что есть на свете такой городок — Ташино. Я тогда вообще мало что знал, потому что был такой маленький — ушко иголки не казалось слишком узким для меня, а стены дворца казались огромными. Но теперь-то я понимаю, что у нас был маленький дворец, обыкновенный дворец маленького сказочного королевства. Все мои шесть братьев ушли на войну. И от них не приходили вести. Отец-король хмурился, думал думу. И никто мной не занимался, я был слишком мал для войны, и я мог бегать где хотел.

Однажды утром я убежал из дворца и не собирался возвращаться к обеду. Я побежал в лес, который назывался у нас Соколиная Охота или, ещё короче, Сокольники... Огромные деревья окружали меня. Листья тревожно шуршали. И я ждал опасности, она подстерегала меня, пряталась в каждом кусте. Затрещали ветки, и передо мной промчалось стадо диких лесных лошадок — тарпанов. Я стал совсем осторожно пробираться и вдруг замер... На нижней ветке маленького деревца сидел совсем маленький зверёк, похожий на белку, — Чуча.

— Чуч! — позвал я. — Иди ко мне. Иди, не бойся!

Зверёк прыгнул вниз и превратился в маленькую девочку с рыжими волосами. И я ничуть не удивился, я тогда сам легко мог превращаться в любого зверя. И очень хорошо лазил по деревьям.

— Здравствуй, — сказала девочка. — Ты куда идёшь?

— Не знаю. Просто так. Я немножко охочусь.

— А где твой лук и стрелы? Потерял, да? — засмеялась

девочка.

И я тоже засмеялся. Потому что как же я мог охотиться без лука и стрел? И когда я перестал смеяться, я сказал:

— Давай побежим!

И мы побежали.

— А ты умеешь прыгать? — спросил я.

— Конечно, — засмеялась Чуча и прыгнула. И я прыгнул за ней. Она прыгала так высоко, что листья деревьев скрывали её.

Тогда я, махнув руками, как крыльями, перепрыгнул через дерево.

— Чучелка! Где ты? — кричал я. — Чуча!

— Я здесь! Здесь!

Не заметив, мы перешли границу моего королевства и попали совсем в другое, чужое...

Итак, мы попали в чужое королевство. Здесь не было больших деревьев, зато были большие камни. Я дал руку Чучелке, и мы взбирались на камни всё выше и выше, поднимаясь в гору. И нам было смешно и легко подниматься. Правда, колючки цеплялись за платье Чучи. Я срывал с веток оранжевые ягоды шиповника и давал ей. Мне было весело кормить зверька из рук.

Так мы поднялись на самую вершину горы. И оттуда мы увидели море. Под нами открывалась пропасть. Но я не испугался.

Чучелка подошла к самому краю горы, откуда были видны пропасть и море, и крикнула:

— Ой как красиво! Ой как страшно!

И тогда мы услышали музыку, шум толпы. Снизу в гору поднималась огромная процессия женщин и детей. Женщины несли корзинки с яблоками, над толпой покачивались разноцветные воздушные шары, привязанные к корзинкам. Сзади шли два старика с дудками. Женщины вскрикивали, плакали, и всё громче звучала пропзительная песня дудок.

— Что это? — удивлённо спросила Чучелка.

А я и сам не знал, но мне было тревожно глядеть, как они медленно приближаются к нам. Теперь я хорошо разглядел их: мальчиков там не было, а только девочки, женщины и два старика.

— Посмотри, — шёпотом сказала Чуча. — Посмотри, какие красивые шарики.

— Ага. Очень красивые, — почему-то тоже шёпотом ответил я.

— Попроси у них один шарик.

— Они не дадут. Видишь, сколько у них своих девочек.

— А ты скажи им, что ты сын короля, и они тебя послушаются.

— Мы в другом королевстве, Чучелка. Они не послушаются.

— А ты всё равно попроси.

— Ладно. — И я посмотрел на Чучелку и понял, как я её люблю.

Я ПОНЯЛ, КАК Я ЕЁ ЛЮБЛЮ, МОЮ ЧУЧУ.

А в это время они уже поднялись. Женщины начали отвязывать шары от ручек корзины. У каждого шара была не одна, а две верёвочки. У некоторых, как я разглядел, внизу была дощечка, и женщины сажали девочек на дощечку, как на качели, пропуская верёвочки под мышками. Потом доставали из корзины яблоки и давали девочкам. Подводили их к краю, ставили над самым морем. Поднялся ветер, вверх взметнулись шарики. Поднялась к небу одна девочка, другая...

— Что вы делаете?! — закричал я. — Ведь они улетят, совсем улетят!

— Что ж, — вздохнула стоявшая рядом старуха и достала яблоко. — Не наша воля.

— Они улетают, они улетают! — твердил я. — Не делайте так! Я сын короля. Я запрещаю! Я...

— Что-то ты не похож, — сказала высокая женщина, повернувшись ко мне. — У нас вроде бы другой принц, постарше. Наш-то принц не поладил со своей девочкой, разлюбила она его. Вот он и приказал убрать всех девочек. Так говорят. Или, может, болтают люди?

— Ясно, болтают, — сказала старуха. — Нечего языком зря трепать!

— Гляди-ка, — сказала женщина. — Вон ещё девчонка стоит, — и показала на Чучу.

Старуха подошла к Чуче, начала привязывать её к шарiku.

— Не трогайте! — закричал я. — Это моя Чуча. Я её сам нашёл.

Женщина ухватила меня твёрдыми руками, начала оттаскивать:

— Что ж поделаешь? Не наша воля.

— Не позволю! — кричал я. — Я сын короля! Я сын короля!

— Не плачь, мальчик, — успокаивала меня женщина и гладила шершавой ладонью.

Я увидел, как красный шарик с Чучей качнулся, поднялся в воздух...

Красный шарик с Чучей поднялся в воздух вслед за другими шариками, а я остался на горе. Я видел, как женщины с пустыми корзинками спускались вниз, как ветер прижимал шиповник к земле...

Долго я оставался там, наверху. Солнце скрылось. По морю побежала серебряная дорожка — тонкий серебряный лучик.

* * *

Больше я не вернулся в своё королевство. Потом я попал в детскую колонию. А теперь вот, когда Торопун-Карапун пробежал по серебряному лучу, мне почудилось, что там я опять встречу свою Чучу. Но луч обрывался.

Часть четвёртая * ДЕДУШКА УС.
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПЕРЕД ПОБЕГОМ

МЫ НАХОДИМ КЛАД

Я не буду рассказывать, как мне было страшно, когда я вслед за Торопуном-Карапуном прыгнул с кончика луча в тёмную пустоту.

— Ай, пропадаю! — кричала, летя позади меня, Ложка. Оказавшись на земле, она заворчала:

— Носимся и носимся, прыгаем невесть куда! Чуть головушку не расшибла — вон на какой камень налетела!

Она вытащила из-под головы маленький камешек, и вдруг мы увидели: он весь переливался, сверкал, точно застывшая капля росы.

— Брульянт! — завопила Ложка.

В это время я заметил надпись, сделанную прямо на земле: «Отмерьте от дерева в сторону ветра десять шагов и копайте». И я понял, что там зарыт КЛАД. Сколько тысяч лет я ищу клад — да только ли я один! — и вот он теперь рядом. В десяти шагах стояло дерево.

— А что там зарыто? — спросил Цыплёнок. — Может, конфеты какие?

— Эй, отойди, это моё дерево! — закричала Ложка. — А что вокруг дерева, тоже моё. Всё, что найдём, — чур, моё, я первая сказала.

— Не надо спорить, — сказал Торопун-Карапун. — Давайте лучше искать клад.

— А как же мы найдём его? — спросила Ложка. — Ветра-то нет.

— Давайте шагать в разные стороны, — сказал Торопун-Карапун. — Так скорее найдём. А клад разделим поровну.

Мы разошлись в разные стороны, отмеряя десять шагов.

Я, конечно, знал, что не так просто найти клад: я ведь его столько искал, да и шаги у нас разные. Нет, не найти. Так я думал, а сам отмерял десять шагов, стараясь ступать пошире.

Потом я принялся руками копать землю, как случалось давно-давно в детстве, когда мы с Витей искали волшебную лампу. И сердце моё сжималось от предчувствия... Горсть земли, ещё... ещё...

— Нашёл! — закричал Солдатык. Он поддел штыком и вытащил маленький сундучок.

Мы бросились к нему. Сундучок был старый, оббитый поржавевшими железными полосами, — в общем такой, в котором должен был храниться КЛАД.

— Открывай! — выдохнули мы.

Солдатык штыком открыл замок... Крышка откинулась... И мы увидели пустоту. О, так случается с кладами, кто-то всегда опережает нас!

И всё же, на всякий случай, я стал обшаривать рукой дно сундука. А вдруг мне повезёт, хотя бы один раз, хотя бы...

ВОЛШЕБНАЯ КАША

Я обшаривал дно сундука, и вдруг мои пальцы нащупали что-то гладкое, круглое. На ладони у меня оказалось маленькое железное кольцо. Никакого драгоценного камня на нём

не было. Только маленькая жёлтая змейка блестела на кольце.

— Так вот же он, КЛАД! — закричал я и запрыгал. — Вот НАСТОЯЩИЙ КЛАД, волшебное кольцо! Оно почти такой же силы, как волшебная лампа, старая железная лампа, которую мы с Витей искали на железнодорожной станции. Теперь лишь надо потереть это ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО.

И под взглядами моих друзей, затаив дыхание, я надел на палец кольцо, слегка потёр, чуть повернул...

И тотчас мы оказались рядом с забором. Прямо перед нами две широкие доски были отбиты, но лаз кто-то изнутри заделал тремя железными прутьями... И я узнал этот забор. Когда-то очень давно, ещё до войны, когда я был маленьким и жил в городе с папой и мамой, я уже лазил через него. А вот и помойка, на которую мы, ребята, забирались.

Теперь, когда я дяденька с бородкой, мне было бы не очень удобно лезть на помойку. Но здесь, под водой, это слово звучало совсем по-другому...

Я влез на помойку, глянул через забор: за забором местность мне была совсем незнакома. «Почему же за нашим забором не наш двор? Какая-то белая река, домик... Видно, сторожка», — подумал я.

— Ну давай лезь, чего там! — торопила Ложка.

Я перевалился через забор и полетел вниз, а вслед за мной остальные. И тут кто-то сильно схватил меня за руки и за ноги.

— А-а! — пронёсся над нами голос. — Попались, голубчики!

Быстро и непонятным образом мы очутились связанными на полу в домике.

— Фамилия! Как фамилия? — прогремел голос.

Я поднял глаза и увидел маленького, даже крошечного дедушку с огромными усами и бородой. Дед сидел на маленькой табуреточке, рядом с печью.

— Ну, теперь-то я вас изжарю и съем, — сказал дед и шевельнул усами. — Я тут сторож. И приставлен охранять несметные богатства рыбьего царства, рыбьего государства.

«Но ведь это сказка, — подумал я. — А сказка не бывает с плохим концом».

— Всяко случается, — точно догадавшись, о чём я подумал, сказал дед. — Я для этого и приставлен, чтоб не пускать, куда не положено. Зачем кольцо взяли? Во-от оно, колечко! — И он повертел перед нашими глазами железным кольцом. — Загублю я вас, вот что. Загублю.

— Не губи нас, дедушка, — попросил Торопун-Карапун. — Мы клад искали.

— Никаких кладов! — заревел дед. — Погублю я вас. Это дело неминуемое.

— Дедушка, — попросил Цыплёнок, — дай нам поесть перед смертью.

Я почувствовал, как голоден. Ведь мы целый день не ели.

— Поесть? Это можно. Сейчас за молоком схожу, поставлю кашу. А вы не убежите?

— Нет, — сказал Торопун-Карапун. — Мы не убежим.

— Не убежим! Не убежим! — в один голос закричали мы. — Развяжи, дедушка!

— Ну, глядите, не озоровать! Отсель никуда не уйдёшь.

Дедушка развязал нас. Вытащил ведро из-под лавки и пошёл на улицу. И мы за ним.

Дедушка пошёл по тропке к реке, окунул ведро и, вздыхая, понёс назад, к дому.

— Ой! В ведре-то молоко! — крикнула Ложка.

— А чего дивишься, — сказал дедушка, — у нас тут речка молочная, а берега кисельные.

Дедушка вылил молоко в чугунок, поставил чугунок в печку. Потом поглядел на нас, покопошился за пазухой, вытащил ключи, подошёл к огромному сундуку у стенки, отомкнул замок и достал из сундука старенькую скатёрку, по краям расшитую красными петушками и цветочками. Дедушка расстелил её на столе и произнёс негромко:

— Ну-ка, дай-ка нам с полкило крупы, а ещё масла...

Не успел он это сказать, как на столе появились куль гречневой крупы и гора масла.

— Ты что, Самотоха! — закричал дедушка. — Куда столько масла навалила?! И почто гречневую принесла?

Знаешь, ведь, что с утра ем манную... Убери! Чтоб всё чисто! Слышь?

Скатерть послушалась. На столе — опять ничего.

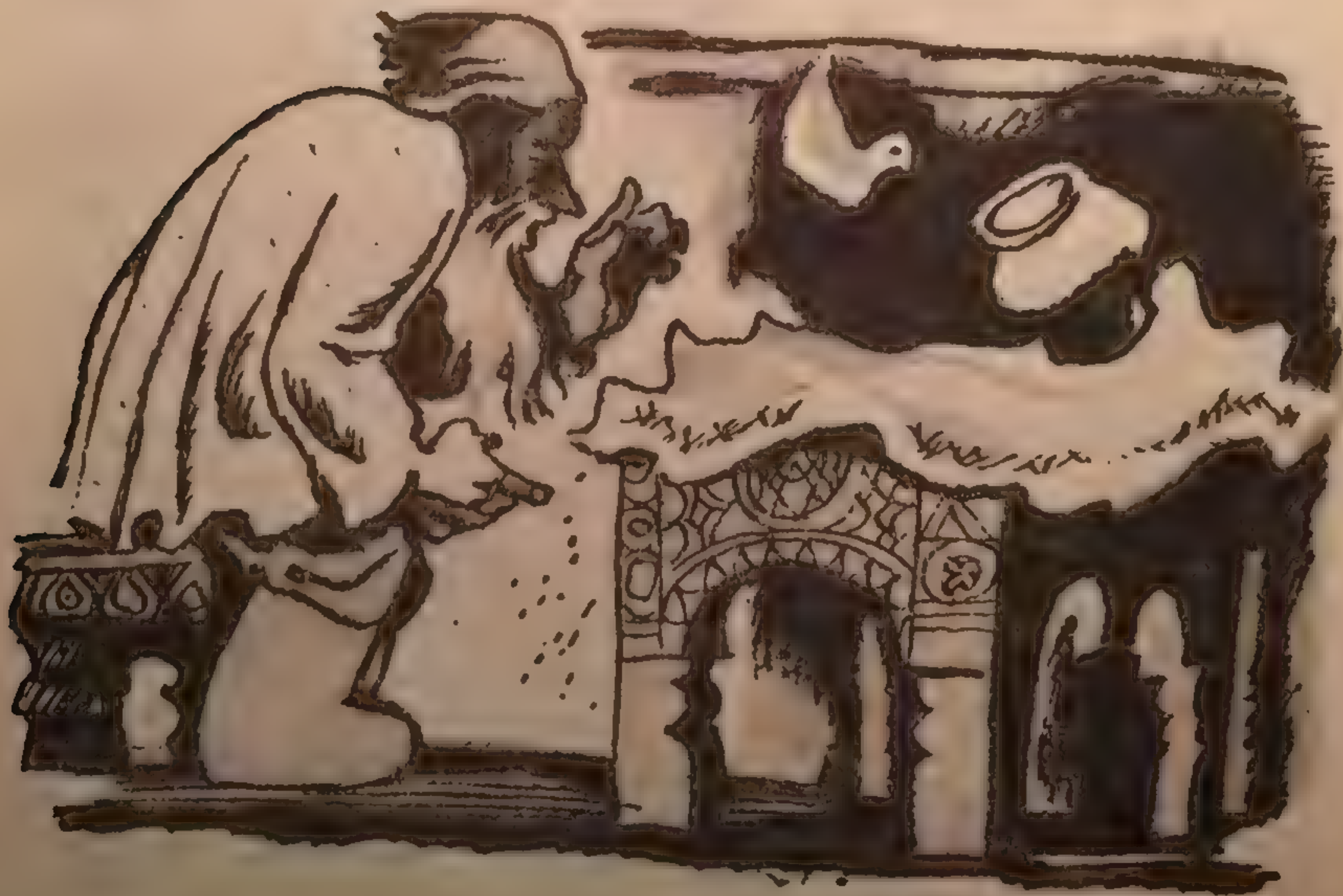
— Во! — повернулся к нам довольный дедушка. — Целыми днями с ей воюю. — И опять поворотился к скатерти: — Достань полкило манной, сахару немножко, масла маленько, сольцы...

И тотчас на скатерти появилась манная, сахар, масло, а сверху густо посыпалась первосортная, рассыпчатая соль. Дед кинулся к скатерти, начал руками сбрасывать соль, а скатерть увёртывалась, подсыпала ещё, ещё, сыпала на дедушку, на его усы. Мы захохотали, а дедушка завопил:

— Ах ты Самоतोха, убери соль!

И тотчас соль исчезла.

— Ух! — вздохнул дедушка и повалился на скамеечку.

— Давай, дедушка, я тебе помогу, — пожалела его Ложка и взялась сама стряпать.

Дедушка убрал скатерть-самобранку, положил её в сундук и опять замкнул.

А мы принялись за кашу. И никогда в жизни я не ела каши вкуснее. Поистине это была волшебная каша.

ДЕДУШКА РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Так мы и стали жить-поживать в домике у дедушки. Звали его дедушка Ус, а ещё — дедушка Никитушка.

Раньше звали его не дедушка Никитушка, а Никитушка-молодец, Никитушка-Силушка, потому что была в нём сила богатырская. Пойдёт в лес, выхватит берёзку и выдернет с корнем. Одну, другую — так и нашибает на дрова. А повстречает медведя — бороться с ним.

— Как врежу ему, — смеётся дедушка, — он и валится. Это для меня утеха, это как забава.

— Дедушка, а как же ты попал в рыбье царство, в рыбье государство?

— О-о, дело давнее. Сыр-бор ещё не горел, как то дело было. Повадился к царской дочке Жуо. Ходит и ходит. А я тогда в солдатах службу царскую нес.

— Дедушка, а кто это Жуо?

— Жуо и есть Жуо. Стал Жуо к царской дочке подлётывать. Подлетит и пыхнёт: замуж зовёт. А она не хочет. А он ещё больше пыхает: пых да пых!

Ну, видно, делать нечего, собралась она и полетела с этим Жуо. А по дороге чегой-то заупрямилась, он возьми и брось её в море-океан. Бросил аккурат посередке. Пронала царская дочка. Царь опечалился и даёт клич по земле: «Кто мою дочку достанет, тому полцарства-полгосударства, да за того молодца дочку замуж отдаю».

Как услышали в нашей роте, мне и говорят: «Что ж, Никитушка-солдат, ступай выручай дочку, окромя тебя некому». Обнялись мы с товарищами на прощанье, я и пошёл. Долго ли, коротко, подхожу к морю, да бултых туда с ружом!

Иду, ружом побрякиваю, чтоб не так боязно. Места-то чу-

жие, тёмные. Думаю, пропал солдат. Однако по сторонам гляжу. Вижу, посередке поля стоит дворец. Ноги обтёр, захожу. Никого. По ступенечкам поднимаюсь. Опять никого. Захожу в залу. А там она сидит, с рыбами разговаривает.

— Здравствуйте, вашеество, домой падо бы.

А рыбы-то на меня: «У-у-у!» Рты разевают и хвостами — тюк, тюк! Я ружо на плечо:

— Отойди от греха.

Они тогда по другому фронту:

— Здравствуй, служба! Чего тебе?

— Да вот, — отвечаю, — дочку хочу к отцу отправить.

— Бери, коль пришёл.
— Спасибо, возьму.
— А не захочешь ли, солдат, охранять наше рыбье царство, рыбье государство? В сторожа к нам?
— Службу царску кончу, можно, конечно, попробовать.
— Платить тебе ничего не будем, а еды сколько хошь.
«Ну что, — думаю, — подходяще». Взял девоньку за руку и пошёл на волю. Она плачет, не хочет уходить, — видно, понравилось ей там...

— Дедушка, чего ж ты замолчал? — спросил Торопун-Ка-рапун.

— А чего говорить, всё рассказал.

— Нет, не всё! Не всё! — зашумели мы. — Привёл ты царскую дочку?

— Привёл, чего ж не привести, дорога известна.

— Ну, и отдал тебе царь полцарства, да полгосударства да дочку замуж?

— Когда же? Ему не до меня. Обрадовался: дочка домой вернулась. Он тут пиры такие задал!.. Что ты, парень!

— А ты, дедушка, в рыбье царство вернулся?

— Службу кончил и пошёл. Пришёл: «Так, мол, и так. Не раздумали сторожов брать?» — «Нет, — отвечают. — Оставайся». Я и остался. Домой матери писал: «Продай избу, скотину. Желаешь ли ко мне приехать?» Она не пожелала. Так я и остался один. Ничего, хозяйство у меня хорошее. Огоро-я и остался один. Ничего, хозяйство у меня хорошее. Огоро-дец круглый год: овощ, картошка. Хмель посадил. Потом, если пожелаете, пива наварим. Коровки нет, так она здесь и не нужна. Молоко, так вон оно, из окошка видать.

— Дедушка, а какие богатства ты здесь охраняешь?

— Богатства великие. — И дедушка наклонился к нам и прошептал: — Ни словами сказать, ни ногами обежать!

— Дедушка, а покажи нам богатства рыбьего царства, рыбьего государства.

— Ну что ж, робятки, это можно. Только с собой ничего не дам. — И, наклонившись к нам, прошептал: — Оно тут всё заговорено, волшебное, значит.

— Мы не возьмём, дедушка, — сказал Торопун-Карапун. — Мы только посмотрим.

— Ну что ж, пошли, — согласился дедушка. — Я пойду лодку подгоню, а вы мне тоже помогите.

И дедушка велел нам убратся в домике: всё подмести, чтоб чисто было. Дедушка достал из сундука скатерть-самобранку. И мы пошли к реке.

Сели в белую лодку-долблёнку, дедушка взял в руки весло, и мы тихонько поплыли по молочной реке.

МЫ ПОПАДАЕМ НА ПОЛЕ СРАЖЕНИЙ БОГАТЫРЕЙ

Мы тихо плыли по молочной реке. Дедушка неторопливо грёб веслом, с весла, журча, стекали молочные струйки. Когда наша лодка-долблёнка обогнула крутой берег, на высоком берегу мы увидели раскинутые белые полотняные шатры, а над ними разноцветные флаги. Только не колыхались разноцветные флаги, не открывались белые шатры. Кругом, насколько хватал глаз, лежало оружие: тяжёлые мечи с перевитыми рукоятками, острые пики, золотые шлемы и круглые щиты. И казалось мне, ещё дымилась земля от недавнего сражения, но было тихо, очень тихо.

— Дедушка, — прошептал Торопун-Карапун, — можно поглядеть?

— А чего ж, раз интересно...

Лодка тихонько стукнулась о берег. Мы вышли.

— Ух ты, мечи какие здоровые! — выдохнул Торопун-Карапун.

— Таких богатырей боле нет, как ране-то, — усмехнулся дедушка. — Народ покрупнее был, покостистее, а теперь-то молодёжь...

— А мне можно попробовать? — несмело спросил Торопун-Карапун, показав на двуручный меч.

— А чего ж, попробуй, коли охота, — сказал дедушка и подмигнул нам: ишь, дескать, чего захотел!

Торопун-Карапун поднял меч и махнул им.

— Ох, ты парень-то крепкий! Ну, удивил меня, старика... Ай-яй-яй, вот не думал...

— Дедушка, а мне можно взять его с собой? — спросил Торопун-Карапун. — Хоть здесь поносить.

— А зачем он тебе? — нахмурился дедушка. — Воевать, что ль, собрался?

Торопун-Карапун так махнул мечом, даже ветер поднялся.

— Ишь, озорной! Ты мечом не махай, не игрушка. На войну захотел? А одёжа у тебя богатырская есть?

— Нету.

— Ни обутки, ни одетки — ничего у тебя такого нет: ни сапожков сафьяновых с серебряными подковками, ни

кольчуги, ни шапки собольей. Разве ж так идут на войну?

— А как? — спросил Торопун-Карапун.

— А вот так. Положи-ка меч, да поехали дальше. Ишь чего захотел — на войну!

«На войну», — повторил я про себя и вспомнил...

ПУРГА

Один день остался у нас с Витей до побега на фронт. Меня всё ещё знобило после похода на рынок, но я молчал — боялся, что Витя не возьмёт меня с собой.

Утром мы должны были чистить на кухне картошку. Помню и сейчас на ощупь эту картошку, будто держу её в руке — грязную, твёрдую и холодную. Сначала мы полоскали её в воде, чтоб смыть грязь, осторожно срезали кожуру и опять мыли в воде, а уж потом кидали в котёл.

Мы знали, что несколько мешков картошки привезли нам из соседнего колхоза как подарок. Был тогда это очень дорогой подарок.

Пока мы чистили картошку, ребята ушли из столовой. Стало тихо. В кухне переговаривались поварихи. Когда они замолкали, было слышно, как за стенами дышит ветер, метёт пурга. А мы с Витей шептались:

— Ну и разгулялась погода!

— А не заблудимся? Найдём?

— Должны найти, — сказал Витя. — Как выйдем из столовой, свернём с тропы. Справа там берёзы и большое такое дерево. Дуб. Знаешь?

— Ага.

— Там, за дубом, будет поляна. И посредине две сосны. Они срослись. А внизу кустик бузины. Под ним и стоит этот кожух от мотора. Вся стальная крышка целёхонька. Мотор, видно, вынули, а кожух тут остался. Я его ещё прошлой осенью заметил. Только лопату надо.

— А где лопату взять?

— Возле сарая, напротив кухни.

Как потом оказалось, лопата нам очень пригодилась.

т
в
М
Me
—
ку.
е в
ка-
ру
ам
оо-
й.
ни
ёт
о-
е
т
т
т

Вышли мы из кухни — снежная пурга ослепила нас. Мело сверху и снизу. Только в лесу было потише. Тропинку нашу, протоптанную ребятами, почти занесло. Но мы знали дорогу.

— Смотри, — сказал Витя. — Видишь берёзы?

Мы свернули с тропинки. Валенки всё глубже и глубже проваливались в снег.

— Ничего, — подбадривал меня Витя. — Плюнул на руки — не хватайся за уши.

И мы шли.

— Вон дуб, — показал Витя.

Дуб мы обошли чуть справа. Перед нами оказалась широкая поляна. Как только мы высунулись из-под защиты деревьев, с ветра точно сорвали намордник. Белый вихрь навалился и подступил к лицу, к горлу, и мы задохнулись. Лицо сразу заледенело, а снегом по глазам так и секло, так и секло. Витька наклонил голову, запахнулся — у него не было ведь ни одной пуговицы на пальто, все в печке пожёт — и пошёл первым, а я за ним. И уж не разбираем, как идём. Да где же разобрать? Витя нёс пакет за пазухой, а я волочил за собой лопату. Хоть и деревянная, а тяжёлая. И снег под рукава забивался, руки мёрзли, в валенки снег набился. И уж не знаю, сколько шли, только прошли поляну, а Витя сосен не может узнать. Да как узнаешь? Голову не поднимешь, ветром бьёт — пурга какая-то очумелая.

— Вроде они. — И Витя показал на сосны. — Давай попробуем.

Я замахал лопатой: снег, снег, снег, сверху, снизу — кругом! Ох и запомнилась мне эта пурга: дыхнёшь — снег лезет в рот.

— Пошли, не здесь! — крикнул Витя. — Не здесь!

Мы побрели, а пурга всё трепала нас, точно закрывала ход к тайнику.

— Вот они, голубчики, — показал Витя. — И куст, видишь?

А я ничего не мог увидеть — глаза залепило.

И вдруг он сказал:

— Ты чего так дрожишь? Замёрз? Копай! Скорее согреешься.

Снег. Снег. Снег.

Потом копал Витя. Потом снова я.

Снег. Снег. Снег.

Вдруг лопата стукнулась о твёрдое.

— Ага! — крикнул Витька и валенками начал притапты-
вать снег.

И показался чёрный стальной верх. Потом я ещё обкопал. Самого мотора не было, только чёрный стальной кожух, внутри снег набился. Витя выгреб снег руками и положил пакет.

Тут я должен сказать честно: конечно, мы нехорошо поступили. Я даже рассказывать не хотел. Но надо. Если по всей правде, то мы тогда в столовой, когда ребята ушли, сняли со стола и отрезали кусок от клеёнки. В этот кусок мы завернули пакет. И спрятали в кожух.

— Лежи здесь тысячу лет. Мы ещё сюда придём, — сказал Витя.

* * *

В колонию мы вернулись, когда было совсем темно. Всё нужное нам в дорогу мы уже связали, чтобы завтра рано утром уйти на станцию.

Я долго не мог согреться.

— Не закрывайте дверцу печки, — просил я.

А на улице мело, мело. Лицу было жарко. Языки пламени вырывались из печки — запах жара, тяжесть жара. И сквозь этот жар Витькины озабоченные глаза.

— Ты что? — спросил он. — Заболел, да? Заболел?

Он говорил что-то ещё, но я не слышал. Лицо его расплывалось, расплывалось. Потом мне показалось, что я остался совсем один...

И тогда пришёл ко мне Зелёный Кузнечик. Прыгнул прямо из печки. И он протянул ко мне зелёные лапки, погладил меня и поглядел печальными глазами. И сказал:

«Идём в поле».

«Так там же метёт!»

«Нет, там трава, трава, трава... Хочешь, я спою тебе песенку?»

И он запел:

Жил-был кузнечик
В зелёной траве...

«Не хочу. Не пой!»

Кузнечик замолчал. Потом я открыл глаза и опять увидел лицо Вити. Но это уже было где-то в другом месте, стены и потолок были другими.

— Ешь, — говорил Витя. — Ешь, это яичный порошок.

— Где я?

— Ты в больнице.

Я не мог разговаривать. Мне хотелось только спать, спать.

И потянулись дни.

Однажды я увидел: за окном солнце. Я приподнял голову. Лужайка возле больницы была зелёной. Я медленно, очень медленно поправлялся.

Меня навещали ребята из детской колонии, но Вити среди них уже не было.

ВСТРЕЧА С ДЖИННОМ

Всё это я вспомнил, когда мы вместе с дедушкой Усом снова сели в лодку и поплыли дальше по молочной реке. Вдруг за поворотом реки я увидел в белой дымке тумана дворец и огромного джинна.

Сначала я и его принял за дворец. Но две колонны шагнули нам навстречу.

— Ой, матушки! — ахнула Ложка. — Страсть какая!

— Ничего, не бойтесь, — успокоил дедушка Никитушка. — Он большой, да не злой. Я его Мишей зову. — И дедушка подгрёб поближе к берегу, положил весло, поднял голову и крикнул: — Здорово, Миша!

— Бу-бу! — слышалось сверху.

— Экскурсию к тебе привёл, — прокричал дедушка. — Интересуются дворец посмотреть.

Джинн подогнул ноги, сел на землю. Земля всколыхнулась. Лодка наша закачалась, мы чуть не попадали в молочную реку.

— Тише ты брякайся! — заворчал дедушка. — Утопишь зазря.

Мы увидели огромное красное лицо, обвязанное платком.
— Аль заболел, Миша? — забеспокоился дедушка и
быстро подгрёб к самому берегу.

— Бу-бу-бу! — ответил джинн.

Мы вышли на берег. Дедушка поманил джинна рукой.

— Чего болит-то? Неужто зубы?

Джинн закивал головой.

— Ах ты незадача! Нагнись пониже.

Джинн почти лёг на землю.

— Развяжи платок, — командовал дедушка.

Джинн послушно развязал платок.

— Открой рот.

Джинн разинул рот, огромный как ворота. Дедушка заглянул туда. Потом позвал Солдатика.

— Ну-ка, служба, пощупай ружом.

Солдатык забрался к джину на губу и стал штыком прощупывать зубы.

Джинн всё сполп покорно. Но вдруг как взрѣвѣт! Солдатык повалился на землю. А мы закрыли уши, чтоб не слышать страшного стопа. Но когда джину немножко успокоился, дедушка приказал ему:

— Ну-ка, Миша, достань верѣвку покрепче.

Только дедушка это сказал, как в руках у джина оказался огромный канат, такой толстый, что к нему можно было привязать якорь большого корабля.

Дедушка закинул канат за большой зуб и крепко привязал.

— А теперь, — сказал дедушка, — навали на другой конец такой камень, какой ты поднять не мог бы.

И сразу огромная скала упала рядом с дедушкой и придавила свободный конец каната.

— Ой, бу-бу-у-у! — застонал джину.

— Терпи, Миша, терпи, — успокаивал дедушка. — Ничего не бойсь, покрикивай... Сейчас причет почитаю — и дѣрнем. — Дедушка отвернулся от нас, зашептал:

Ох-ти, да ох-ти,
Уходи, боль, от Миши в глубокие моря,
Улетай, боль, от Миши под облаки,
Через чѣрную грязь,
Через тѣмный лес.

Потом дедушка сказал Торопуну-Карапуну:

— Стукни, молодец, кулаком по канату.

Джину зажмурился от страха, зажал голову руками, а Торопун-Карапун размахнулся пошире да как стукнет кулаком по натянутому канату: трах!

— Бу-гу-гу! — взревел джину.

Мы повалились на землю. Это был такой могучий крик,

что даже молочная река вышла из берегов и чуть не затопила нас, а мимо просвистел, как камень, зуб с длинным хвостом. Только это был не хвост, а канат.

— Ловко ты вдарил! — похвалил дедушка Торопуна-Карапуна. — Знатный из тебя получится зубодёр.

Джинни ещё некоторое время сидел с открытым ртом, а потом сунул туда палец. Нащупал место, где ещё минуту назад был больной зуб, пососал, пощёлкал языком и вдруг улыбнулся.

— Ну что, Миша, не болит? — спросил дедушка.

Джинни покачал головой, пальцем оттянул нижнюю губу и показал дырку между зубами.

— Булты, булты, кулбулты, — сказал джинни.

И дедушка нам объяснил:

— Он говорит: всё теперь сделаю, что пожелаете.

— Бугар мучига! — заревел джинни и показал пальцем на дворец.

— Говорит, может дворец сломать, а новый построить!

Джинни ещё шире улыбнулся и покивал головой.

— Зачем ломать? — сказал Торопун-Карапун. — Мы и этот посмотрим.

— Ничто, — махнул рукой дедушка. — Чего жалеть? Пущай ломает. Работа у него такая. Бывало, утречком плывёшь мимо, а он уже по камням дворец разбирает. Всё раскидает, живо так, хорошо, а едешь обратно, он уж опять на этом месте новый кладёт. Скучно ему. А тут вроде время идёт. — И дедушка повернулся к джинни, крикнул: — Давай, Миша, ломай его к шуту!

Джинни тотчас вскочил и, наклонившись, побежал на дворец, точно огромный бульдозер: трах!

Зашатался дворец, рухнул прямо на джинна.

ДЖИННИ ЛОМАЕТ СТАРЫЙ И СТРОИТ НОВЫЙ ДВОРЕЦ

Рухнул дворец на джинна, полетели камни, крыша, а он даже рукой не заслонился, будто лёгким дождичком посыпало. Он радовался, хохотал и кидал камни дворца в самое небо.

— Ишь, — засмеялся дедушка, — каменья только почиркивают.

Не прошло и пяти минут, как джинн разломал дворец, а остатки втоптал в землю. Вытер рукавом пот с лица.

— Молодец, Миша! — похвалил дедушка. — Быстро поломал.

Джинн повернул к нам щербатое, измазанное штукатуркой лицо, проговорил:

— Згучубуру. Бэрчугарачу.

— Миша интересуется, — пояснил дедушка, — какой мы желаем дворец: с пятью фонтанами или одним садом висячим?

Джинн кивнул головой и показал руку с растопыренными пальцами.

— Да пускай делает дворец такой, как раньше был, — сказал Торопун-Карапун. Ему было очень жалко разрушенного дворца.

Джинн ещё раз кивнул головой — мол, ясно.

И мы с интересом стали ждать, как он станет строить дворец. А джинн, понимая, что за ним наблюдают, выпрямился во весь свой великанский рост, отставил правую ногу и поском башмака, поворачиваясь, как циркуль, начертил круг. Потом он махнул правой рукой и поймал на лету огромную трубу, появившуюся прямо из воздуха. Джинн укрепил трубу посредине круга.

— Для фонтанов и вообще для воды, — пояснил дедушка.

Джинн махнул левой рукой, и в ней появился гигантский кран. Очень ловко джинн приладил кран к трубе.

— Мастеровитый! — похвалил дедушка. — Вишь, голова какая. О-о! Всё может, золотые руки у парня!

Между тем джинн неторопливо вышел из круга, махнул двумя руками и поймал нижнюю часть здания, поставил в круг. Затем, идя по кругу и всё ускоряя движения, стал ловить не отдельные камни, а целые блоки — то стену с окном, то колонну. На наших глазах поднимался дворец. А джинн бежал всё быстрее и быстрее, и только слышно было, как хлопались тяжёлые каменные громады. Он уже в вихре кружился вокруг дворца, его уже не стало видно. Казалось, пе-

ред нами стремительно, неудержимо вращалось радужное колесо, а посередине, точно цветок, распускался, открывая свои лепестки, голубой дворец с хрустальным куполом.

Никогда не забуду этого прекрасного зрелища.

Постепенно круг как бы стал оседать, вращался всё медленнее, и, наконец, возник джинн. Он сделал ещё несколько кругов, что-то подиравил на крыше, подравнял колонны, сдунул пыль с окон и отошёл, чуть покачиваясь. Грудь его высоко вздымалась, и над нами, как ветер, проносилось его дыхание.

— Ай молодец! — похвалила Ложка.

— Ура! — крикнул Торопун-Карапун и захлопал в ладоши, счастливый, как в театре.

— Ура! — подхватили мы.

Джинн прижал руку к сердцу: мол, делал всё от души, старался не ударить в грязь лицом. Особо он поклонился Торопуну-Карапуну. Наш капитан так и просиял.

— Ну, Миша, — сказал дедушка, — порадовал гостей.

Джинн поднял правую руку.

ДЖИНН И ТОРОПУН-КАРАПУН ОБМЕНИВАЮТСЯ ПОДАРКАМИ

Джинн поднял правую руку, давая понять, что хочет обратиться к нам с речью. Он напрягся, огромное лицо его страшно покраснело, и он произнёс:

— Бл... бл... бла-а-агодарю за внимание.

— Ну чего, Миша, хорошо постарался, — сказал дедушка. — А теперь показывай свой дворец.

Джинн махнул правой рукой — и от дверей дворца прямо к нашим ногам расстелился пушистый зелёный ковёр.

— Дер-бур гачорро, — сказал джинн. — Люр-гачендоро эт-мар...

— Ладно уж, понятно, — оборвал джинна дедушка и, повернувшись к нам, пояснил: — Миша говорит — не обесчудьте, если чего не так. Милости, говорит, прошу к нашему шалашу.

Джинн поклонился нам в пояс. И мы ему поклонились и хотели уж идти, как Торопун-Карапун спросил:

— А можно, я ему подарю что-нибудь на память?

Джинни похлопал Торопуну-Карапуну по плечу и сказал:

— Бур качендаро чір-лэр.

— Не пренятствует, — кратко перевёл дедушка.

Торопун-Карапун достал из кармана значок, на котором была изображена голубая яхта с белым парусом и было написано: «Занимайтесь водным спортом».

«Вот какой предусмотрительный и вежливый мальчик», — подумал я.

— А мы... а мы возьмём на память зуб, ладно? — попросил Торопун-Карапун у дедушки.

— Баловство всё это. Ну, бери, раз вам интересно...

Торопун-Карапун протянул значок джинни. Тот осторожно, боясь раздавить, взял значок двумя пальцами правой руки, поцеловал его и... проглотил.

— Ах! — вскрикнула Ложка.

Джинни похлопал себя по животу: мол, очень вкусно. И показал пальцем Торопуну-Карапуну, чтоб тот тоже съел зуб. Торопун-Карапун не растерялся, поднёс зуб к губам, поцеловал кончики своих пальцев, а зуб незаметно опустил в карман, сделал вид, что проглотил. Даже похлопал себя по животу и пощёлкал языком: мол, как вкусно.

Джинни улыбнулся. Торопун-Карапун тоже улыбнулся. Тогда джинни улыбнулся так широко, что показались щербатые его зубы с дыркой внизу. И Торопун-Карапун ещё шире улыбнулся. Тогда джинни раскрыл руку и показал на ладони значок. Торопун-Карапун залез в карман и вынул зуб. Джинни растерялся, а потом как захохочет! И Торопун-Карапун тоже засмеялся. И мы смеялись, глядя на них, а дедушка сказал:

— Ну и озорники вы, ребята!

Так весело мы двинулись к дворцу.

МЫ ИДЁМ ВО ДВОРЕЦ

Дворец был совсем рядом, и мы хорошо видели голубые башни и хрустальный купол. Но мы шли и шли, а голубой дворец не приближался. Он точно отступал от нас.

— Что за чудеса? — возмутилась Ложка. — Я уж свои ноженьки оттопала.

И тогда я объяснил, что это, возможно, мираж. Так бывает, например, в пустыне, когда кажется, что крепость или даже целый город стоят совсем рядом, а на самом деле они за тысячу тысяч километров.

— Не мираж это, — проворчал дедушка, — а дураж. — И он повернулся к джинну и погрозил пальцем: — Зачем, Миша, дуешь, зачем отгоняешь?

И тут мы заметили, как джинн, сложив трубою губы, дул на дворец и дворец медленно отползал. Мы шли, а джинн всё дул и дул и не хотел униматься.

— Это что же мы, нанялись? — возмутилась Ложка. — Ох, мои ноженьки!..

— Вот если бы у меня был канат или ремень, — сказал Торопун-Карапун, — я бы сюда дворец подтащил.

Только он это произнёс, как в руках у него оказался длинный ремень. Торопун-Карапун сделал на одном конце ремня петлю, а другой крепко обвязал вокруг правой руки. Размахнулся, раскрутил ремень с петлей и — шух! — набросил петлю на дворец. Торопун-Карапун натянул ремень, стал тащить дворец на себя... Эх!.. Ещё!.. Эх!..

А джинн, вытянув толстые губы, стал дуть изо всех сил. Поднялся ветер, задрожал натянутый ремень. Торопун-Карапун откинулся назад, упёрся ногами в землю и тянет, тянет дворец к себе... Тут и мы кинулись ему помогать. Дедушка ухватился за Торопуна-Карапуна, я — за дедушку, а за меня — Ложка, а за Ложку — Солдатык, а за Солдатыка — Цыплёнок. И вспомнил тут я, как дед с бабкой тащили репку, и даже засмеялся. Но скоро нам стало не до смеха, потому что джинн задул так, что даже весь затрясся. Поднялся настоящий ураган.

«Вот, — думаю, — выпустит Торопун-Карапун ремень, и полетим мы неизвестно куда».

Но Торопун-Карапун перехватил другою рукой ремень и стал потихоньку подтягивать дворец. А у джинна уж глаза на лоб вылезли, из ушей пар пошёл. И всё же дворец медленно приближался. Уже ясно различались на нём красивые серебряные двери.

И тут джинн стал задыхаться, ураган затих, ремень ослаб. Мы покачнулись и чуть не упали.

— Ну, Миша, одолели мы тебя. — Дедушка вытер пот со лба. — Ты силён, а мы тоже, видать, не лыком шиты.

Джинн между тем отдышался, поклонился Торопуну-Ка-рапуну, признавая его победу, затем вошёл на порог дворца, прижал руку к сердцу, приглашая нас входить. Тихо, сами собой, распахнулись серебряные двери, и мы вошли.

— Ах матушки, красота какая! — ахнула Ложка.

Мы вошли в зал. Он был весь из серебра — стены, потолок и даже окна казались серебряными.

Мы прошли по серебряному залу и остановились около золотых дверей. Джинн нажал на кнопку, двери бесшумно распахнулись.

Мы очутились в золотом зале. Всё кругом сверкало золотым блеском, но дедушка заторопил нас:

— Пошли дальше. Нечего тут глядеть.

А как вошли мы в третий зал, так и замерли.

— Да, красиво! — сказал дедушка.

Стены и потолок были украшены драгоценными камнями. И камни эти были так расположены, что изображали сказочные картины. Были там и кони с золотыми гривами, хвостами и горящими рубиновыми глазами, и человек со сверкающим серебряным мечом, и ночь с молодой луной и звёздами...

Джинн подошёл к луне, чуть тронул её, и посыпался на пол золотой и серебряный дождь.

Ложка с Цыплёнком подошли поближе посмотреть, а дедушка со вздохом негромко сказал:

Рылась курочка
На завалинке,
Вырыла курочка
Золотой перстень.
А на что курочке
Золотой перстень?

И, повернувшись к нам, спросил:

— Ну что, робятки, есть хотите?

КАК МЫ ОБЕДАЛИ ВО ДВОРЦЕ

— Ну что, робятки, есть хотите? — спросил дедушка.

— Обедать! Обедать! — запищал Цыплёнок.

— А я-то какая голодная, — сказала Ложка. — С утра маковой росинки во рту не было!

— Миша! — обратился к джину дедушка. — Не пора ли тебе угощать гостей?

Джини закивал головой, нажал на кнопку, и мы очутились в большом зале под хрустальным куполом. Посредине зала в мраморных чашах били пять великолепных фонтанов, похожих на белые цветы распустившихся лилий.

— А где же стол? — спросил Цыплёнок.

— Да, где стол? — заволновалась Ложка.

Джини подошёл к небольшому пульта управления, повернул ручку. Вверху загорелась красная лампочка. И сейчас же противоположная стена раздвинулась. Появился маленький столик. Он весело прокатился по паркету, объехал фонтаны и подкатил к нам. Мы захлопали в ладоши. Ай да молодец джинн!

— Ну, чего я говорил? — похвалил дедушка. — Парень на все руки.

Джини опять что-то повернул, загорелась красная лампочка под потолком. Раздвинулась стена, и, как ребята из детского сада, выбежали стулья, пританцовывая, и вприпрыжку окружили стол.

— А стол-то мал, — испугался Цыплёнок. — Как же все усядутся? По очереди есть, да? Чур, я первый!

Джини покачал головой. Потом повернул ручку, и под потолком загорелась красная лампочка. Заиграла тихая музыка.

— Эгур-чар-мегур, — торжественно сказал джинн.

Стол начал медленно раздвигаться, но вдруг лампочка под потолком замигала и потухла. Музыка тоже перестала играть. Стол, так и не раздвинувшись, задрожал, закачался и замер.

Джинн склонился над пультом управления. Случилось непредвиденное: техника отказала. Он торопливо нажимал какие-то кнопки, но красная лампочка под потолком не загоралась.

Мы вежливо ждали. Джинн вспотел. Огромными своими ручищами он всё давил и давил кнопки.

Торопун-Карапун подошёл к джину.

— Не получается? — спросил он. — Можно мне попробовать? Только здесь нужна отвёртка.

И сейчас же прямо из воздуха в руки Торопуна-Карапуна прыгнула отвёртка. Он стал отвинчивать, а мы все с уважением смотрели на него, и даже джини вытаращил глаза, словно бы ждал чуда. И вдруг раздался громкий треск, посыпались искры.

— Короткое замыкание, — сказал Торопун-Карапун и от стыда чуть не заплакал.

— Эх вы, мастера, — сказал дедушка, — одно горе мне с вами! А ну-ка беритесь с боков!

Мы подошли к столу с разных сторон и уцепились за нижние доски.

— Раз-два! Взяли! — скомандовал дедушка. — Ещё взяли! Ещё!..

Стол затрещал, и мы полетели на пол.

— Ну, Миша, спасибо, угостил... — сидя на полу, ворчал дедушка. — Знал бы, не пошёл к тебе. Перед гостями только конфуз...

Джини и сам был смущён: он показывал рукой на потолок, где не хотела загораться красная лампочка, на сломанный пульт управления.

— Ладно, — сказал дедушка, потирая бок, — хватит нам твоей техники, давай по старинке.

Джини хлопнул в ладоши, и тотчас остатки стола исчезли. И сверху спустился большой стол тонкой старинной работы. Джини хлопнул три раза в ладоши, и на столе появилось фарфоровое блюдо с яствами.

— Хлеб да соль, — сказал дедушка и поклонился джину.

— Бер-мачегуру, — произнёс торжественно джини и поклонился дедушке и нам.

— Милости просим, — перевёл дедушка. — Миша к столу зовёт.

Конечно, мы не заставили себя ждать и быстро сели за стол, потому что очень проголодались. На столе так приятно пахло весенней ромашкой, шиповником, точно мы сразу очутились в благоухающем саду.

Скоро мы наелись. Только один Цыплёнок сидел не закрывая рта, — туда так и летели вихрем миндаль, изюм, орешки и пастила.

Как только мы закончили с обедом, сразу сделалось

легко и весело и захотелось прыгать и танцевать. Ложка выскочила из-за стола, схватила джинна за руку и запела:

Одна горка высоко,
а другая низко,
Один милый далеко,
а другой-то близко... И-их! Их!

Даже дедушка притопывал и хлопал в ладоши. А Ложка, бросив джинна, пустилась вприсядку:

Ах вы сени, мои сени, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые...

— Ране-то, — говорил дедушка, — я тоже ох мастак был плясать! Никто меня не перепляшет.

А Ложка, помахивая платочком, притопывая, подступала к джинну:

Проруби, сударь, ворота,
Проруби, сударь, другие...

Джинн смущенно вертел руками около головы и топал ножищами: топ... топ... топ...

Ложка смеялась и махала платком.

Мы совсем развеселились. Джинн шутя принялся бороться с Торопуном-Карапуном.

— Эй, потише, робята! — закричал на них дедушка. — Так вы весь дворец поломаете!

Вдруг в самый разгар веселья Солдатык крикнул:

— Лодка наша поплыла!

Мы бросились к окну.

Лодка и правда быстро удалялась к другому берегу.

— У-мулты-мучачо! — пробурчал джинн.
— Миша говорит — в лодке сидит кто-то, — пояснил дедушка.
— Увели! — закричала Ложка.
— Сроду такого здесь не бывало! — сказал дедушка. —
А ну, робятушки!
И мы все помчались к реке.

У СТАРУХИ

Джинн в два прыжка оказался на берегу. Он перегнулся, точно мост, а лодка стала крутиться, увёртываться, как живая.

В это время что-то чёрное ударило джинна по носу, по глазам, он потерял равновесие и брякнулся в молоко.

У-ух! — вышла речка из берегов. Нас чуть не смыло волной. И тут Солдатику, который стоял ближе всех к реке, накрыло тёмное крыло.

— Ох ты батюшки, за штык зацепился! — завизжала Ложка. — Хватай его, братцы!

Мы ещё не успели опомниться, а уж Торопун-Карапун подбежал к Солдатику, навалился и... поднял над головой Филина. Торопун-Карапун крепко держал Филина за лапу, а тот вырывался, клевал его руки, клекотал сердито:

«Ух-ух-ух! Ух-ох!»

— Из какой такой сказки Филин прилетел? — удивился дедушка.

— Это не из сказки, это из мешка, — ответил я. — Филин всё детство меня пугал.

— Ах, пугал! Тогда вот что... Ну-ка, Самотоха, послужи нам и по-иному.

Дедушка достал из лодки скатерть-самобранку, закрутил в неё Филина и засмеялся.

— Бабушка одна здесь живёт. Так очень для неё эта птичка подходящая будет. — Дедушка повернулся к джинну. — Ну, прощай, Миша. Поехали мы.

А тот, весь мокрый, в молоке, улыбнулся нам во весь щербатый рот:

— Чур-гу-чу.

— Значит, приезжайте, мол, ещё, зовёт Миша, — сказал дедушка.

Мы сели в лодку и поплыли. Торопун-Карапун развернул карту, долго — мне показалось очень долго — рассматривал её.

— Ну что? — спросил я.

— Что-то сбились мы. — И повернулся к дедушке: — Дедушка, тайник тут должен быть по карте. Как бы его найти?..

— Тут кругом тайники да клады, — отозвался дедушка, — да взять их никак нельзя.

— Нет, нам не такой нужен. Вот погляди, дедушка, на карту.

— Эх, робятки, по карте-то я не могу, не обучен. Ты так скажи, словами.

— Вот дяденька этот, — сказал Торопун-Карапун, — он тайник ищет, который в детстве оставил.

— А, в детстве... — Дедушка задумался. — Нет, не знаю. А вот что, робята, мы всё равно с птичкой-то к бабушке едем. Её и спросим.

Дедушка тихо грёб, молоко журчало, дул ветерок, приносился запахи мяты, полыни и чебреца.

— Вон, — показал дедушка, за бугром стоит деревня. В деревне коров держат. А коровы молочко дают. Оттуда и начинается наша молочная речка.

Из-за бугра деревня выплыла к нам навстречу. Избы в деревне были старинные, высокие. Тишина вокруг, только и слышалось, как неторопливо жевали коровы.

Шу-шу-шу... — это спит деревня.

Шу-шу-шу... — это летит над полем и речкой сенной дух.

Дедушка подогнал лодку к противоположному от деревни берегу.

— Вылезайте. Теперь лодочку подтянем на бережок. Вот так... Ещё разок... Хорошо. Давай-ка, молодец, птицу, — сказал он Торопуну-Карапуну.

Филин хлопал глазами и поводил стариновским, крючковатым носом.

Мы долго шли через лес, пока не увидели посреди поляны старую избушку, наполовину вросшую в землю. У окошка сидела старуха. Как только мы приблизились к избушке, дедушка закричал:

— Ну, как живёшь, старая?

— Какая моя жизнь... — махнула рукой старуха. — Ревматизма замучила, ноги-руки ломит. Докторов-то нет. Вот я сама разными травками лечусь.

— Да, — вздохнул дедушка, — плохое дело старикам-то... И тут болит, и тут мозжит. Давай, что ли, с тобой трубочку покурим. Табачок-то есть?

— Чего ты говоришь? Глухая стала.

— Говорю, табачок есть ли? А то покурили бы с тобой трубочки.

— А-а, табачок найдется.

Старуха вышла из дома, села на завалинку рядом с дедушкой. И они закурили трубочки.

— Ну, чего пришёл, выкладывай, — проворчала старуха.

— Подарочек тебе пришёл. Птичку.

— Что за птичка?

— Да Филин!

«Ух-ух-уу!..» — завертел головой Филин.

— Хорошо поёт! — обрадовалась старуха. — Хорошо!

— Вот и будете друг дружку пугать.

— Дедушка, про тайник-то спроси, — зашептал Торопун-Карапун.

— А вот ты и есть торопун! — заворчал дед. — Всему своё время. Ну ладно уж... Скажи нам, старая, как найти то, что в детстве было спрятано?

— Ох! В детстве-то? — отозвалась старуха. — Так это за горами.

— А дорогу покажешь?

Старуха сказала:

— Вот идите прямо по тропинке через лес. А там и увидите три горы. А на горах три сестры сидят. На одной — Марья-га, на другой — Варя-га, а на третьей — Дарья-га. Сидят и плачут.

— А чего ж они плачут? — удивился Торопун-Карапун.

— А то плачут, как им вместе сойтись. Сдвинете горы, так и видать будет.

И старуха опустила голову, задремала.

— Бабушк, а чего видать?

— Чего-чего, почём я знаю чего!

— Бабушк, а как же мы их сдвинем?

— Кого?

— Да горы!

— А я вам поясок дам.

Старуха закричала, поднялась на крылечко и вынесла широкий ремень.

— Держи, молодец, — и отдала ремень Торопуну-Карапуну.

Мы попрощались со старухой, а как отошли, Ложка спросила:

— Дедушка, чья такая старуха-то?

— Аль не узнали? Баба-яга это.

— Ой! — испугалась Ложка.

— Ничто, — махнул рукой дедушка. — Совсем она те-

перь старая, вреда от неё нету, в новые сказки её не пускают.

Мы шли. Торопун-Карапун впереди, размахивая ремнём — эге-гей! Он как будто опьянел от запаха травы, первого, ещё не привядшего сена. И мы тоже развеселились.

— Солдатушки! — затянул дедушка Ус.

Солдатушки,
Бравы ребятушки,
А где ваши детки?

Но дальше он забыл и прокричал весело:

— А ну, робятки, есть у вас какая походная?

— Есть! — ответил Торопун-Карапун и запел:

Страхи нам будут с вершок,
ха-ха!

Мы их запрячем в мешок,
ха-ха!

Живы мы будем,
Друзей не забудем,
Врагов же сотрём в порошок,
ха-ха!

И мы бодро зашагали, подпевая Торопуну-Карапуну.

ТРИ ГОРЫ И КОСТЁР

Долго ли, коротко шли, и пришли мы наконец к трём горам. С тех гор стекали ручьи, а сидели на них три женщины, три сестры: Марья-га, Варя-га и самая младшая — Да-

рья-га — и плакали в три ручья. А между горами — озеро.

— Эге-гей! — крикнул Торопун-Карапун. — Хватит плакать!

— Как же нам не плакать? — отвечает старшая, Марья-га. — Сидим мы близко друг от дружки, а никак сойтись не можем.

— Сейчас сойдётесь! Видали? — И Торопун-Карапун показал им ремешок.

Торопун-Карапун раскрутил ремень, размахнулся да и обвил его сразу вокруг трёх гор. Взялся за два конца и начал на себя тянуть.

— Помогайте! — крикнул он нам.

И мы уцепились за ремень, потянули. Загрохотало всё кругом, задрожала земля. Начали горы друг с другом сходиться. От страшного грохота, от того, что земля пошатнулась, мы упали, закрыли глаза и уши пальцами заткнули. А потом, как открыли глаза, — темно. Ничего не видно.

Дедушка сунулся вперёд да как закричит:

— Стой, робята! Тут вроде яма. До света переждём.

— Страшно-то как! — застонала Ложка.

— Не бойсь. Сейчас мы костерок раздуем.

Дедушка нашарил в темноте сухой куст, достал солдатскую огневицу с трутом и кремнём.

И вот появился огонёк, занялись, затрещали сучья.

Мы подсели к костру. Я грел натруженные руки. Торопун-Карапун нашёл несколько длинных еловых шишек и с размаху бросил их в костёр:

— Огонь! — командовал он. И потревоженное пламя вздымалось, шишки трещали.

Вот так и мы когда-то бросали в печку патроны...

И вдруг над нами пронёсся вздох:

— Ох!

И снова, уже мелодичный, с песней, с захлёбом:

Ой вы, сестрицы ли, вы, подружки,
Да и-и-их-и!

По лугам весною
Разлилась вода весенняя,

Да и-и-их-и!
Ох, разлилась вода весенняя,
Унесла три кораблика,
Да и-и-их-и!..

Это пели три сестры: Марья-га, Варя-га и младшая — Дарья-га.

Дедушка ухмыльнулся в усы, подмигнул:

— Ладно поют.

— Хорошо, — вздохнула Ложка. — Люблю я долгие песни.

И мне показалось, что в голоса трёх сестёр, как семишелковая лента в косу, вилёлся голос моей тёти Наташи. Я поглядел вниз: там, внизу, затеплились огоньки. И от песни или от огня этого вспомнил я давнее.

И дедушка словно услышал меня:

— А что это ты ищешь там, в детстве?

И стал я рассказывать...

Там-тара-там!.. — гремела музыка войны. Уходил отец. Он затягивал ремень, а мама бросилась к нему и заплакала. И небо глухо гудело, по улице шли и шли люди, и всякая одежда на мужчинах казалась мне военной. И мой отец ушёл на войну, на фронт.

— А вернулся ли? — спросил дедушка Никитушка.

— Нет, — ответил я.

— Ох, война! — И дедушка в сердцах стукнул трубкой о колено. — Ух, война! Проклятушая!..

И я рассказал, как мы бежали на фронт и про Витю, моего самого лучшего друга.

Я закрыл глаза, и мне показалось, что к костру нашему тихонько подошёл Витя. Дедушка чуть подвинулся, и Витя сел. Он был худой, длинный, пальтишко ему было коротко, из рукавов торчали узкие мальчишечьи руки. А глаза уголками вниз были чёрные и далёкие. Так мне показалось — чёрные и далёкие.

— Ты помнишь меня? — спросил Витя. — Мы с тобой — на все времена?

— На все времена, — прошептал я.

— Чего говоришь-то, не пойму? — спросил дедушка.

— Так, дедушка, вспомнил...

Торопун-Карапун задремал у костра. Солдатык, Цыплёнок и Ложка привалились к нему.

А мы с дедушкой всё сидели да подкидывали ветки в огонь, и они потрескивали негромко. А мы молчали каждый про своё.

Взойди, взойди, солнышко,
Не низко, высоко.

Ай лёшеньки-лёли,
Не низко, высоко... —

вдруг услышали мы.

На горах сидели, обнявшись, три сестры и пели. Их уже осветили первые солнечные лучи.

И мы вдруг увидели, что они плачут.

Торопун-Карапун протёр глаза, крикнул:

— Эге-гей! Чего же вы теперь плачете?

— От радости, — ответили сёстры, — от радости.

А слёзы их текли, текли в три ручья:

ручей Марья-га,

ручей Варя-га

и ручей Дарья-га, — текли и вливались в большое светлое озеро.

— Слёзы-то их светлые, — сказал дедушка. И вздохнул: — А нам, видно, прощаться пора.

Он показал рукой на низину, открывшуюся за горами. И я с удивлением увидел...

ЧТО Я УВИДЕЛ В НИЗИНЕ

Я увидел — или мне показалось, — падает, падает снег. Хлопья снега. Кружатся, летят. И я подумал: неужели там, за этим снегом, лежит то, о чём знаю я один, один на земле...

— Ну как? — спросил я Торопуна-Карапуна. — Пойдём туда? Видишь, какая метель.

— Да, метёт не по-сказочному, — вздохнул дедушка. — Видно, рубеж тут лёг. Ну, если не испугаетесь, шагайте, ребята!

— Конечно, идём! — сказал Торопун-Карапун.

— погоди ты, торопуга этакий, вот уж истинно Торопун-Карапун! — остановил его дедушка. — Пойти-то пойдёшь, а возвращаться как будешь?

Он протянул мне колечко с жёлтой змейкой, то самое, которое отобрал у меня.

— Бери волшебное кольцо. Наполовину повернёшь — обратно в сказку попадёшь, на полную повернёшь — совсем из сказки уйдёшь. Эх, ребята, полюбил я вас, давайте, что ли, обнимемся!

Дедушка обтёр усы, и мы расцеловались.

— А об этих, — он кивнул на Ложку, Солдатику и Цып-

лѣнка, — об этих не тревожьтесь, я их вам целѣхонькими доставлю. У меня и ковѣр-самолѣт есть, да и так — из усов волос вырву, из сказки выведу. Прощайте. Проща-а-ай-те...

Мы шли и оглядывались. Дедушка становился всё меньше, меньше...

Метель подхватила нас, закружила, залепила глаза. Торопун-Карапун согнулся, сжался, шѣл молча. Я сам ещё не решался узнать, а ноги мои узнавали и вели всё дальше, дальше по тропе. Но что это? Снег стал падать всё тише, хлопья сделались мягче, и вот уж кое-где зачернела земля на проталинах.

Динь-бом,

динь-бом...

Вдалеке я увидел, я узнал городок наш, Ташино.

Теперь уж я хорошо различал дорогу. Вот берёзы — вокруг них совсем снега нет, первые травинки из-под палого листа выбились. А вот и дуб, а на нём листья шумят. И что за чудо — солнце совсем горячее проглянуло, и трава стала расти прямо на глазах, и жёлтые цветки полевого львиного зева, и белые и розовые головки клевера, и ромашки, ромашки... И трава всё выше, уж и пройти трудно — по поясам!

Я увидел куст бузины под двумя сросшимися соснами. Но как найти среди этих веток и травы: всё здесь сплелось, перепуталось.

— Сюда, сюда! — услышал я тоненький голосок.

Я наклонился и позвал Торопуна-Карапуна. И он тоже наклонился, и нас скрыла трава. И тогда я увидел маленького Зелёного Кузнечика.

— Здравствуй, Зелёный Кузнечик! — сказал я. — Вот мы и опять встретились!

— Сюда, сюда! — позвал Кузнечик и прыгнул под куст.

— Протяни туда руку, — попросил я Торопуна-Карапуна.

— Тут железное что-то, — отозвался он.

— Дальше, дальше.

— Есть! — крикнул Торопун-Карапун.

— Всё на месте, всё сохранилось, — тихонечко приговаривал Кузнечик. — Всё, что вы, люди, теряете и оставляете на земле, когда вырастаете, не пропадает, а просто зарастает травой и цветами.

— Травой и цветами, — повторил я, будто хотел запомнить на всю жизнь.

— Ну, Торопун-Карапун, поднимайся.

Он встал во весь рост, и я выпрямился.

— Прощай, Зелёный Кузнечик, — сказал я.

Во мне — может быть, в последний раз! — прозвучала его немного грустная песенка, которую я так любил в детстве и о которой ни разу, ни разу ещё не говорил вам.

Вот она:

Мокрой щекой,

мокрым лицом

Вечер прижался к окошку.

Если страшно тебе, друг мой,

Спрячься в мою ладошку.

Если вдруг — печали толпой

И не с кем сказать словечка,

Вспомни, вспомни —

ведь я с тобой,

Кликни меня, Кузнечика.

— Прощай, Зелёный Кузнечик!

И я повернул кольцо.

СНОВА ВТОРАЯ ПЕРЕЗВОННАЯ

Я повернул кольцо, и тут же мы очутились в комнате у Торопуна-Карапуна. Мы сидели на поленьях рядом с печкой. А у меня в ушах звучал голосок Кузнечика и шёпот сказки, медленная её тишина и тайна сказки.

И вот перед нами последняя тайна моего детства.

— Давай посмотрим, — сказал я Торопуну-Карапуну, — что там осталось.

Мы развернули клеёнку. Она вся пожелтела, скрючилась от дождя и мороза. Я с трудом отодрал чёрные, потрескавшиеся края. Вдруг что-то звякнуло, покатилося по полу. Торопун-Карапун поднял — на ладони у него лежала стреляная гильза.

— Это Вали Шевчука? — негромко спросил Торопун-Карапун.

— Да.

Пряжка со звездой. Его.

Письма. Целая пачка писем, завёрнутых в газету того времени.

Альбом для рисования.

Мы открыли. И сразу увидели коней. Они вольно мчались среди травы, и гривы их развевались.

Я листал страницы альбома, и прежнее возвращалось ко мне.

— Видишь — колодец. Здесь мы брали воду.

— В Ташине? — спросил Торопун-Карапун.

— Да. А это городок. С пригорка. Там — вон, вон — наша школа. А это овраг. Он весной весь жёлтый был и пушистый — ива цвела. Здесь мы находили гильзы, потому что за оврагом были стрельбища. Солдаты выучивались и уходили на фронт. А гильзы подбирали мы, мальчишки. Иногда мы находили патроны, бросали их в печку... Ну да, я тебе уже про это рассказывал. А это забор, здесь лошадь привязывали. А за забором начинался рынок... А вот, смотри, рисунки пошли цветные. Это отец прислал Вале краски.

— Танк, — сказал Торопун-Карапун. — Почему он весь перечёркнут?

— Отец Вали Шевчука не вернулся с войны. Не вернулся и мой отец.

Мы закрыли альбом. Сидели, ничего не говорили.

Потом Торопун-Карапун спросил:

— А Витя? Что стало с вашим другом Витей?

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА

«Дорогой Витька!

Это что же ты молчишь, заставляешь отца беспокоиться? Я вышел из госпиталя. Воюю теперь на другом море. Дела здесь у нас горячие. Недавно высаживали десант и получилось так: катер к берегу никак не мог подойти — ведь причала не было. Солдат высаживать в воду нельзя — автоматные диски намокнут.

И тогда вызвались наши матросы. Двадцать самых рослых матросов прыгнули в воду и встали по двое в ряд — устроили живой мост. А по спинам матросов стали высаживаться солдаты.

Ночь была как день от трассирующих пуль, от осветительных ракет — мы их называем люстрами: белые, они долго висели в воздухе. С грохотом рвались снаряды, поднимая фонтаны воды у самой береговой кромки. Противник вёл непрерывный огонь. И с кораблей, которые прикрывали десант, через головы матросов летели сотни снарядов. Качались вода, земля и небо, а живой человеческий мост стоял.

Вот какие у нас дела, сынок!»

— А Витя? — спросил Торопун-Карапун. — Есть письмо от Вити?

— Да, вот Витино письмо!

«Ребята! Я теперь в морской пехоте. Я тоже сын флота, как Шурик... У меня есть свой бушлат, мне выдали бескозырку с лентой! Нас, моряков, фашисты боятся и называют «чёрной смертью». А ещё нас называют «чёрная туча». А перед боем наши моряки чистят пуговицы. И я тоже надраиваю бляху зубным порошком, а потом суконочкой. Может, меня ещё возьмут и на корабль!»

— Значит, он всё-таки попал на флот! — закричал Торопун-Карапун.

— Конечно, попал, — ответил я. — Мы писали ему письма, завидовали. А больше всех я. Я лежал в больнице. Долго пролежал, и последнее письмо мне принесли в больницу. Вот оно. Его прислала к нам в детскую колонию военная переводчица.

«Дорогие ребята детской колонии!

Ваш товарищ Витя Аржанов совершил подвиг: он своим телом пытался закрыть пробойну в подводной лодке — в этом отсеке подводной лодки остальные моряки были убиты.

Я сама отвозила его в госпиталь. Он всё просил: не потеряйте мою тельняшку и пояс не потеряйте с бляхой. Витя очень гордился, что стал моряком. Я не могла оставаться с ним до конца. Но врач сказал, что он безнадежен.

Мы все любили Витю. Моряки всегда отдавали ему свой шоколад, всё сладкое.

Никогда мы его не забудем. И песню его помним — про городок. Он очень хорошо пел».

— Да, — сказал я, — он очень любил песни. Лучше всего у него с Валею Шевчуком получалось. Но Валею увезли из колонии. Я же петь не умел, я только подпевал Вите:

Помню городок провинциальный,
Тихий, захолустный и печальный.
Церковь и базар,
Городской бульвар...

И вдруг Торопун-Карапун закричал:
— Смотрите, ещё письмо! От Вити!
— Не может этого быть.
— Нет, может! — закричал Торопун-Карапун. — Мо-
жет!

— Но я знаю всё, что было спрятано в нашем тайнике.

— А это знаете? — Торопун-Карапун показал жёлтый листок и прочитал: — «Ура, ребята! Я выжил! Я опять в морской пехоте! Днём и ночью мы двигаемся вперёд. Вчера стреляли «катюши». Части наши перешагнули через хребет, а фашистов по ту сторону гор уже не было. Ну и драпали же они!

Мы идём по шоссе. А шоссе такое длинное и очень ровное, и всюду горят костры.

В городе мы заходили в дома, а там на столах ещё тёплый кофе в кувшинах.

Армия и флот соединились в городе. Моряки и солдаты целовали друг друга. По улицам идут танки. В дельте стоят баржи, в них почему-то — вот смехота! — гуси и куры. В полях бродят лошади без людей. И много жеребят. Мы идём дальше. И уже победа совсем близко, совсем близко. Ребята, скоро победа!»

Я держал письмо, всматривался в знакомый и такой далёкий почерк. Далёкий, как глаза у моего друга детства Вити. Кто получил, кто сохранил это письмо и положил в наш тайник? Может, кто из ребят детской колонии нашёл наш тайник? Догадался, понял и положил письмо Вити. Спасибо этому неизвестному парню!

Многие, многие годы я жил без Витки, я думал, что его нет. А он жив! Жив мой друг! Много сказочного бывает в жизни.

— Спасибо тебе, Торопун-Карапун, — сказал я.

— За что? — удивился он.

— За наше путешествие. За то, что ты оказался хорошим капитаном и смело прошёл весь путь. За то, что голова твоя не кружилась, когда тебя хвалили. За то, что ты был и большим и маленьким, что любил смеяться и не огорчался, когда было трудно. И потому я оставляю тебе мою самую главную тайну.

— Я сохраю всё, — сказал Торопун-Карапун. — И пусть наша тайна хранится сто — нет, тысячу лет.

— На вечные времена! — сказал я.

— На вечные времена, — отозвался он.

Я протянул Торопуну-Карапуну волшебное кольцо.

— Видишь, на нём жёлтая змейка. Такую же змейку, только обвившуюся вокруг чаши, носил на своей военной гимнастёрке мой отец.

— Ваш отец был военный доктор?

— Да. Оставляю тебе кольцо с жёлтой змейкой. И когда ты, Торопун-Карапун, вырастешь, станешь дяденькой и, может быть, тебе тоже захочется побывать в своём детстве, тогда — ты же знаешь, — стоит только наполовину повернуть волшебное кольцо...

— Спасибо! — тихо сказал Торопун-Карапун.

Мне было грустно и всё-таки светло, будто горел маленький зелёный огонёк. И я вспомнил слова Кузнечика: «Всё, что вы, люди, теряете и оставляете на земле, когда вырастаете, не пропадает, а просто зарастает травой и цветами. Травой и цветами».

ЗДРАВСТВУИ, ЧУЧА!

Я посмотрел на часы. Мне давно уже было пора возвращаться в город.

— Карту я возьму с собой, — сказал я Торопуну-Карапуну.

Мы попрощались.

Я вышел на улицу — на знакомую мне Вторую Перезвонную. Была весна. Время, когда, если верить сказкам, выходят из земли клады. Я шёл вдоль деревянного забора. Тени деревьев пересекли мне дорогу.

— Здравствуйте! — услышал я.

Передо мной стояла рыженькая девочка-зверёк.

— Здравствуй, Чуча!

— Почему вы так смешно сказали — «Чуча»? — И она засмеялась: — Чуча! Чуча!

— Чуча, я вернулся из сказки, из большого сказочного путешествия. А ты всё живёшь на деревьях?

— Конечно! — засмеялась девочка. — Я знаю, вы были во-о-он там! В доме номер пять, где живёт Торопун-Карапун.

Я опять посмотрел на этот обычный с виду дом — одноэтажный, с жёлтыми бревенчатыми стенами, светло-зелёной крышей. Крылечко в семь ступенек, гладкие перила... А когда обернулся, девочки-зверька уже не было.

И я не удивился.

Вдали прогудела электричка. Впереди была станция и дорога в город.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая * ЗВЕЗДЫ

Мой отец уходит на войну	4
Я ухожу из дому	6
Я открываю моему товарищу заветную тайну	9
Мы с Витей ищем ход в подземелье	11
Мы собираем звёзды	17
Возле печки	18
Письма	20

Часть вторая * КАПИТАН ВЕДЁТ КОРАБЛЬ

Вторая Перезвонная	24
Здравствуй, печка!	28
До встречи, капитан!	30
Карта	33
Последние приготовления. Мы отчаливаем	37
Кораблекрушение	40
Наш новый пассажир	42
Глава, написанная для взрослых	44
Шторм на море	45
Встреча	48
В домике у Ослика	—
Удивительная история Водяного Ослика и Принцессы	51
Остров поднимается из воды	55
Сражение	59
Веселье в доме у Ослика	63
Мы расстаёмся с Осликом	66
В глухом лесу	69
Мешок со страхами. Глава, написанная только для храбрых маленьких ребят (те, кто боятся, не должны её читать)	70
Мы находим мешок со страхами	73
По дороге к Шоколадному городку	76

Часть третья * ШОКОЛАДНЫЙ ГОРОДОК И ТАШИНО

Знакомство с Шоколадным городком	79
Я вспоминаю своё детство	81
В Шоколадном городке (продолжение)	84
По тёмной лестнице. Я вспоминаю Кузнечика	87
Праздник в Шоколадном городке	90
Продолжение праздника и его печальный конец	93
Мы покидаем Шоколадный городок	97
Навсегда	100
Торопун-Каратун ведёт нас по серебряной дорожке	103
Что я думал (глава для взрослых. Совершенно секретно!)	105
Продолжение главы о серебряной дорожке	106
Девочка Чуча	107

Часть четвёртая * ДЕДУШКА УС. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПЕРЕД ПОБЕГОМ

Мы находим клад	112
Волшебная каша	113
Дедушка рассказывает о себе	117
Мы попадаем на поле сражений богатырей	121
Пурга	122
Встреча с джином	126
Джин ломает старый и строит новый дворец	129
Джин и Торопун-Каратун обмениваются подарками	131
Мы идём во дворец	132
Как мы обедали во дворце	136
У старухи	140
Три горы и костёр	144
Что я увидел в низине	148

Часть пятая * ВОЗВРАЩЕНИЕ И ТАШИНСКИЙ ТАЙНИК

Снова Вторая Перезвонная	152
Последние письма	153
Здравствуй, Чуча!	156

Дорогие ребята!

Вот мы и вернулись из путешествия. Понравилось ли оно вам? Если вы захотите подружиться с капитаном сказочного корабля Торопуном-Карапуном и рассказать ему о себе и о своих тайнах, пишите нам по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

для младшего школьного возраста

Георгий Александрович Балл

**ТОРОПУН-КАРАПУН
И ТАЙНЫ МОЕГО ДЕТСТВА**

Повесть-сказка

Ответственный редактор

Л. И. Доу к ш а

Художественный редактор

А. Б. Сапрыгина

Технический редактор

Н. Д. Лаукус

Корректоры

Л. М. Агафонова

и Л. М. Короткина

Сдано в набор 6/IX 1973 г. Подписано к печати 26/III 1974 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. офс. № 1. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 8,86. Тираж 100 000 экз. Заказ № 620. Цена 70 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Балл Г. А.

Б20 Торопун-Карапун и тайны моего детства. Повесть-сказка. Рис. В. Чапля, М., «Дет. лит.», 1974.

159 с. с ил.

Повесть-сказка о необыкновенном путешествии в сказочную страну детства.

P2

Б $\frac{70802-316}{M101(03)74}$ 191—74

Цена 70 коп.

